

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1885.

НОЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНОЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	555—606
Наши новые „философы и богословы“. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой (продолженіе). Ж. Остроунова	607—624
Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству. Т. Стоянова	625—545
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Философское міросозерцаніе. Ф. М. Достоевскаго. А. Снегирева	409—432
Философскія письма. Письмо шестое. В. А. Волгиной	433—438
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	439—448
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Возмненіе православнаго Палестинскаго Общества.—Слѣды духовенства 2-го благочинническаго округа Старобѣльскаго уѣзда.—Отъ правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Отъ правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Некрологъ.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ПИТАВА, ПЕРЖИЦКАЯ № 26.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Фералонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Июля 15 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

XIV.

Искусственная кабинетная стратегія не утратила всего своего обаянія для Александра даже послѣ той печальной неудачи, которою закончилась дѣятельность генерала Фуля въ лагерѣ подъ Дриссою **). Въ военномъ кабинетѣ императора продолжали дѣятельно составлять все новые и новые планы, въ которыхъ полчища Наполеона, то и дѣло, подвергались самому систематическому истребленію, разумѣется, на бумагѣ. (Одинъ изъ такихъ плановъ получилъ даже громкую историческую извѣстность, и наивные люди усматривали въ немъ въ свое время одну изъ гениальнѣйшихъ комбинацій, придум-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 20.

**) Императоръ Александръ изучалъ, дѣйствительно, въ совершенствѣ теорію военнаго дѣла. На людей не военныхъ онъ производилъ своими разсужденіями и стратегическими соображеніями впечатлѣніе непонирующее. Огинскій въ своихъ мемуарахъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „Все, что я слышалъ изъ устъ Александра, было для меня столь же ново, какъ интересно. Онъ развилъ мнѣ во всемъ ихъ объемѣ свои военныя свѣдѣнія, онъ объяснилъ мнѣ планы, которые преслѣдовалъ онъ въ этой войнѣ; онъ сопровождалъ всѣ свои объясненія такими вѣрными замѣчаніями и обнаружилъ при этомъ такую скромность, столь мало свойственную самодержавнымъ правителямъ, что я началъ относиться къ нему послѣ этого разговора еще съ большимъ удивленіемъ, нежели прежде“. См. Oginiski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 191.

манныхъ когда-либо для истребленія непріятельской арміи. Что за бѣда, что комбинація совершенно не удалась на дѣлѣ. Виною тому былъ не самъ планъ, а его исполнители, всѣ, или одинъ, по преимуществу, Кутузовъ, Витгенштейнъ и Чичаговъ, или же одинъ, злополучный главнокомандующій Дунайской арміи. Пресловутый планъ этотъ возникъ еще въ то самое время, когда императоръ возлагалъ всѣ свои надежды не на помощь свыше, а на помощь человѣческую, когда онъ все еще мечталъ справиться съ военнымъ гениемъ Наполеона при помощи кабинетной стратегіи, преподанной ему Фулемъ и другими теоретиками. То было еще въ славные, но печальные дни Бородинскаго боя. Введенный въ заблужденіе побѣдоносными донесеніями главнокомандующаго, императоръ полагалъ, что настало уже время отъ обороны перейти къ наступленію и погубить врага, осмѣливавшагося проникнуть такъ далеко въ сердце Россіи. Эту-то великую цѣль и имѣлъ въ виду планъ, составленный и одобренный окончательно императоромъ 30 августа *). Главная и рѣшающая роль выпадала, по этому плану, не столько на нашъ центръ, сколько на фланги, не столько на главную армію князя Кутузова, сколько на боковыя, второстепенныя арміи, предводимыя Витгенштейномъ и Чичаговымъ. Кутузовъ долженъ былъ отражать всѣ дальнѣйшія нападенія Наполеона, перейти затѣмъ въ наступленіе и отбросить непріятеля къ Смоленску. Въ то же са-

---

*) Общій операціонный планъ изложенъ былъ въ особыхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ на имя Чичагова, графа Витгенштейна, Гормасова и графа Штейнгеля. См. приложенія ко 2-му тому „Отечественной войны“ Богдановича, стр. 605—614. Самъ императоръ Александръ въ бесѣдѣ съ графомъ Огинскимъ такимъ образомъ выражался о планѣ. „Мой планъ установленъ... Кутузовъ дѣйствовать будетъ, соображаясь съ движеніями непріятеля въ Москвѣ. Витгенштейну и Штейнгелю я отдалъ приказъ перейти въ наступленіе. Въ эту минуту Чичаговъ съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ, находится уже въ Волиннѣ и принялъ уже команду надъ войсками, стоящими противъ Шварценберга. Принудивъ этого послѣдняго, въ чемъ нельзя сомнѣваться, къ отступленію и оставивъ противъ него наблюдательный корпусъ, Чичаговъ пойдетъ самъ на Минскъ и по моему расчету прибудетъ туда черезъ три недѣли съ 80,000 человекъ. Надо надѣяться, что, съ помощью Божьею, мы привудимъ непріятеля очистить не только мои провинціи, но также Вѣлоруссію и Литву“. См. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 169.

мое время должны были дѣйствовать наступательно обѣ фланговья русскія арміи. Витгенштейнъ долженъ былъ отбросить войска Макдональда въ Пруссію, а отряды Удино и Сень-Сира, соединенные у Полоцка, за Вилію и Нѣманъ. Чичагову предписывалось прежде всего оттѣснить Австрійцевъ и Саксонцевъ Шварценберга за Шару, въ предѣлы герцогства Варшавскаго. Вслѣдъ затѣмъ должны были выступить на сцену войска Штейнгеля, приведенныя изъ Финляндіи и армія Тормасова. Штейнгель долженъ былъ прикрывать изъ Вильны тылъ и флангъ Витгенштейна и отражать всѣ покушенія со стороны Макдональда, Удино и Сень-Сира; Тормасовъ, расположившись на Шарѣ, долженъ былъ обезпечивать Чичагова отъ Шварценберга и Ренье. Подъ покровомъ этихъ отрядовъ Витгенштейнъ и Чичаговъ должны были соединиться на Березинѣ, составить армію въ 120,000 человекъ и преградить Наполеону, тѣснимому Кутузовымъ, дальнѣйшее отступленіе и выходъ изъ Россіи. Все было предусмотрено въ планѣ до малѣйшихъ подробностей. Назначенъ былъ даже день, 15 октября, когда Витгенштейнъ долженъ былъ прибыть въ Докшицу, а Чичаговъ въ Борисовъ *).

Составленный такимъ образомъ планъ былъ отосланъ прежде всего съ полковникомъ Чернышевымъ въ главную квартиру Кутузова **). Чернышевъ прибылъ въ армію въ то время, когда обстоятельства измѣнились уже самымъ существеннымъ об-

*) Въ Высочайшемъ повелѣніи Витгенштейну говорится: „Такимъ образомъ отрядами Удино и закрывъ себя съ той стороны дѣйствіемъ графа Штейнгеля, стремительно обратитесь къ Докшицѣ (на верхней Березинѣ), гдѣ къ 15 октября быть можете, и отсель открывъ коммуникацію на Минскъ и соединясь съ Чичаговымъ, черезъ Березину, займете Ленель и все теченіе Улы, отъ Березины до впаденія въ Двину“. Въ повелѣніи Чичагову говорилось: „изъ Минска займете, какъ можно скорѣе, рѣку Березину и Борисовъ, и къ 15 октября соединитесь съ Витгенштейномъ въ сторону Докшицы“. См. Высочайшія повелѣнія у Богдановича. Т. II, стр. 608 и 611.

**) Чернышевъ привезъ съ собою кромѣ инструкцій Витгенштейну, Тормасову, Чичагову и Штейнгелю также и Высочайшее повелѣніе на имя Кутузова. Въ повелѣніи этомъ не говорилось, однако, ничего о роли, предназначенной по плану главной арміи, а все предоставлялось собственной военной прозорливости главнокомандующаго. См. Высочайшее повелѣніе на имя Кутузова отъ 31-го августа 1812 г. у Богдановича т. II, стр. 314—316.

разомъ. Москва была оставлена русскими и занята непріятелемъ, армія Кутузова находилась въ Красной Пахрѣ. Условія, на которыхъ построены были планъ, повидимому, перемѣнились, но въ виду категорическаго предписанія, привезеннаго Чернышевымъ, Кутузову не оставалось ничего болѣе какъ принять планъ. Созвано было впрочемъ что-то въ родѣ военнаго совѣта *). На немъ кромѣ главнокомандующаго и Бенингсена присутствовали еще Толль и Коновницынъ. Старый фельдмаршалъ и его совѣтники очень хорошо понимали, что императорскій планъ вовсе не соответствовалъ обстоятельствамъ, что думать о наступленіи на непріятеля было еще слишкомъ рано, что надо было позаботиться прежде всего о возстановленіи своей собственной арміи, что можно было даже опасаться дальнѣйшаго наступленія со стороны непріятеля, но, какъ ловкій дипломатъ, Кутузовъ одобрилъ планъ, или выражаясь точнѣе, обязался исполнять его **).

Обстоятельства сложились, однако-же, впоследствии такъ, что если и не весь планъ во всѣхъ его частностяхъ, то по крайней мѣрѣ его основная идея должна была, повидимому, осуществиться. Армія Наполеона дѣйствительно должна была искать спасенія въ поспѣшномъ отступленіи изъ Россіи и притомъ по опустошенной Смоленской дорогѣ. Ослабленная страшными потерями и почти окончательно разстроенная, она стремилась теперь поспѣшными переходами къ Березинѣ. Оба фланга Наполеоновскихъ полчищъ принуждены были также отступать передъ напоромъ русскихъ силъ. Макдональдъ не былъ, правда, прогнанъ въ Пруссію, но онъ принужденъ былъ

*) Подробности объ этомъ совѣтѣ см. у Богдановича. Т. II, стр. 346, а также у Берягарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*. Т. II, стр. 180—181.

***) Кутузовъ пашель, однако-же, возможнымъ отсрочить хотя на нѣсколько дней слишкомъ короткіе сроки, назначенные въ Высочайшемъ повелѣніи. „Такъ какъ Чернышевъ, допосылъ онъ государю, на пути своемъ встрѣчалъ частыя остановки и долженъ былъ дѣлать большіе объѣзды, то всѣ числа мѣсяца, назначенныя въ планѣ для движеній и дѣйствій войскъ, поставлены пятью днями впередъ, о истолкованіи чего поручилъ я особенно полковнику Чернышеву“. Богдановичъ, „Исторія Отечественной войны“. Т. II, стр. 342. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Кутузовъ старался умѣрить, по возможности, слишкомъ поспѣшныя соображенія кабинетной стратегіи.

снять осаду съ Риги и отступить за Двину. Удино и Сень-Сиръ были отброшены отъ Полоцка, а маршалъ Викторъ, пытавшійся поддержать ихъ, былъ принужденъ самъ отступить передъ Витгенштейномъ *). Съ другой стороны Дунайская армія Чичагова, соединившись съ арміею Торماسова, отбѣсила Шварценберга къ предѣламъ Варшавскаго герцогства, и отрядивъ затѣмъ противъ него часть своихъ силъ, двинулась на Минскъ и Борисовъ и завладѣла этими важными пунктами. Переправа черезъ Березину была, такимъ образомъ, преграждена Наполеону, и гибель его казалась неизбѣжною, особенно въ томъ случаѣ, если-бы Кутузовъ преслѣдовалъ его по пятамъ, а Витгенштейнъ во-время прибылъ къ Березинѣ. Но ни одно изъ этихъ двухъ послѣднихъ предположеній не оправдалось въ дѣйствительности. Послѣ сраженій подъ Краснымъ, армія Кутузова въ теченіи нѣлаго дня оставалась на мѣстѣ сраженія. Трудно сказать, что вызывало такую медленность нашего главнокомандующаго. По всей вѣроятности. Кутузовъ полагалъ, что армія наша, даже при крайнемъ напряженіи силъ, не въ состояніи будетъ настигнуть быстро бѣгущаго непріятеля. Кутузовъ, слѣдуя своей обычной системѣ, заботился прежде всего о сохраненіи своей арміи и справедливо опасался, что быстрое преслѣдованіе можетъ привести ее въ окончательное разстройство. Поэтому онъ рѣшилъ продолжать преслѣдованіе непріятеля только легкими отрядами, главныя же силы двигать впередъ по возможности медленно, давая достаточные роздыхи людямъ и лошадямъ. Съ этой цѣлью отданы были слѣдующіе приказы: легкій отрядъ генераль-лейтенанта Кутузова и казаки Платова двинуты были вправо отъ линіи отступленія непріятеля на Любовичи и Сенно. Имъ предписано было не только безпокоить бѣгущаго непріятеля съ фланга, но и стараться открыть сообщенія съ Витгенштейномъ. Двумъ другимъ легкимъ отрядамъ, Ожаровскаго и Бороздина, приказано было слѣдовать непосредственно за непріятелемъ. Для этой же цѣли былъ

---

*) О дѣйствіяхъ Витгенштейна см. въ особенности статью А. Н. Попова: „Отъ Малоярославца до Березины“, глава пятая. „Русская Старина“ 1877 г. июль. стр. 191 и слѣд.

сформированъ новый значительный отрядъ подъ начальствомъ Ермолова. Онъ состоялъ изъ 12 батальоновъ, восьми эскадроновъ и двухъ казачьихъ полковъ *).

Уже эти легкіе отряды принуждены были бороться съ величайшими трудностями и, не смотря на всѣ свои усилія, не въ состояніи были настигнуть главныхъ силъ непріятеля. Наступившая оттепель испортила дороги и крайне затруднила переправу черезъ Днѣпръ у Орши. Пришлось возстановлять съ большою потерею времени мосты, разрушенные французами, а начавшійся вслѣдъ затѣмъ ледоходъ причинилъ даже большія потери нашимъ отрядамъ. Понятно, что еще съ большими трудностями сопряжено было движеніе главныхъ нашихъ силъ. Эти силы были направлены не на Оршу, по дорогѣ, опустошенной непріателемъ, а болѣе южнымъ путемъ на Романово, Морозово, Копысь и Борисовъ. Достигнувъ Копыса на Днѣпрѣ, Кутузовъ убѣдился окончательно, что главная армія не въ состояніи догнать французовъ и принять участіе въ рѣшительныхъ событіяхъ на Березинѣ. Остановившись въ виду этого на отдыхъ въ Копысь, онъ отрядилъ впередъ подъ начальствомъ Милорадовича два пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій корпусъ, а также четыре казачьихъ полка. Войскамъ этимъ было предписано идти съ наивозможною поспѣшностью къ Березинѣ. Милорадовичъ тотчасъ же переправился черезъ Днѣпръ 11 ноября, но и онъ не могъ уже во-время прибыть къ Березинѣ.

Такимъ образомъ, одно изъ важнѣйшихъ условій операціоннаго плана не могло быть исполнено. Армія Кутузова далеко отстала отъ бѣгущаго Наполеона и не могла атаковать его съ тылу въ самый моментъ переправы черезъ Березину. Столь же мало успѣлъ выполнить возложенную на него задачу Витгенштейнъ. Превосходный боевой генералъ, Витгенштейнъ вовсе не былъ великимъ полководцемъ, никогда не въ состояніи былъ отдѣлаться отъ опасенія за свои флаги и сообщенія и не умѣлъ никогда воспользоваться минутою, имѣю-

*) Объ этихъ распоряженіяхъ Кутузова и о движеніяхъ главной арміи вообще, см. кромѣ Богдановича, Берисгарди и Цопова, также и записки Ермолова.

пцею такое страшное значеніе въ войнѣ. Не смотря на взятіе Полоцка, не смотря на свои неоднократные успѣхи надъ войсками Удино и Виктора, Витгенштейнъ не успѣлъ отгѣснить своихъ противниковъ къ Вильнѣ и отрѣзать имъ сообщеніе съ арміею Наполеона. Двигаясь впередъ какъ-бы оцупью, опасаясь постоянно быть отрѣзаннымъ отъ Двины и Петербурга, онъ не отважился занять теченіе Улы и вступитъ въ связь съ Чичаговымъ на правомъ берегу Березины. Стая на пути отступленія французской арміи къ Борису на лѣвой сторонѣ Березины онъ также не отважился, и не безъ основанія, такъ какъ въ случаѣ пораженія, онъ былъ-бы отброшенъ въ непроходимыя Березинскія болота. Избѣгая всѣхъ этихъ рискованныхъ случайностей, Витгенштейнъ рѣшилъ ограничить свою задачу самыми скромными предѣлами. Въмѣсто того, чтобы стрѣзывать и предупреждать Наполеона, онъ потянулся вслѣдъ за нимъ и тѣснилъ его съ тылу, т. е., другими словами, взялъ на себя ту часть операціоннаго плана, которая возлагалась первоначально на главную нашу армію. Не трудно было предвидѣть, что дѣйствуя такимъ способомъ, Витгенштейнъ можетъ причинить бѣгущему непріятелю значительную потерю, но и только. Задача преградить путь Наполеону и заставить его положить оружіе среди болотъ и лѣсовъ Березины выпала исключительно на Чичагова и его армію. Но обладалъ-ли Чичаговъ достаточными силами для рѣшенія этой задачи, и, что самое главное, способенъ-ли онъ былъ самъ по себѣ на подобное дѣло? Отъ этихъ двухъ условій зависѣла теперь судьба Наполеона и паробощенной имъ Европы.

Чичаговъ *) принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ дѣя-

---

*) Для характеристики Чичагова, кромѣ его собственныхъ записокъ, дошедшихъ и нынѣ, кромѣ различныхъ замѣтокъ современниковъ, особенно важны записки Шишкова. Окончательный приговоръ Шишкова надъ Чичаговымъ, выраженный въ такихъ словахъ: „Навель Васильевичъ Чичаговъ, сынъ адмирала Василія Іоанновича Чичагова, нравомъ и свойствами своими весьма съ отцемъ своимъ различный, надменный мнѣніями своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій отечество свое—Росію“... безъ сомнѣнія слишкомъ рѣзокъ и вызванъ отчасти личными неприязненными отношеніями; но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что онъ подтверждается не только всеми другими свидѣтельствами, но и собственными словами и дѣяніями Чичагова.

телей достопамятной Александровской эпохи. По своему воспитанію и по образу мыслей онъ ничѣмъ не отличался отъ великихъ и знатныхъ людей того времени. Подобно имъ, онъ съ самаго ранняго дѣтства привыкъ говорить и думать по французски. На этомъ изящномъ языкѣ велъ онъ свою корреспонденцію. На немъ-же писалъ онъ свои мемуары, не столько впрочемъ для назиданія и поученія потомства, сколько для собственнаго оправданія и прославленія. По своему образованію Чичаговъ также напоминалъ тѣхъ питомцевъ Екатерининскаго времени, которые обладали самыми разносторонними, хотя и поверхностными свѣдѣніями. Эта черта, находившаяся въ тѣсной связи съ природными талантами и способностями, давала возможность подобнымъ господамъ являться на самыхъ различныхъ поприщахъ, блистать то на дипломатическомъ, то на военномъ, то на административномъ полѣ. Подходя во всѣхъ отношеніяхъ, какъ нельзя болѣе, къ этому извѣстному общему типу, Чичаговъ поражалъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ всѣхъ, имѣвшихъ случай столкнуться съ нимъ, оригинальностью своего характера. Рѣшительность, твердость, независимость образа мыслей казались многимъ, особенно поверхностнымъ наблюдателямъ, основными, рѣдко выдающимися чертами этого человѣка. Были и такіе люди, которымъ Чичаговъ казался олицетвореніемъ рыцарской прямоты и честности. Лишь немногіе болѣе тонкіе наблюдатели замѣчали, что въ основѣ характера адмирала таились эгоизмъ и грубость, что всѣ его прославленныя качества были болѣе кажущіяся и дѣланныя, нежели дѣйствительныя и натуральныя *). И въ самомъ дѣлѣ, если адмиралу и недоставало тѣхъ самыхъ качествъ, которыми пускалъ онъ пыль въ глаза, за то онъ умѣлъ до совершенства развить въ себѣ внѣшніе признаки этихъ качествъ. Онъ пользовался каждымъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы обнаружить съ наибольшимъ блескомъ свои героическія свойства. Чичаговъ умѣлъ вообще поражать, очаровывать людей, не одаренныхъ твердою волею и непоколеби-

---

*) Такія-же наблюденія дѣлали и всѣ тѣ лица, которыя имѣли несчастье попадать въ близкія отношенія къ адмиралу.

мою силою характера, людей вѣчно ищущихъ опоры внѣ себя, но относящихся въ тоже время съ недовѣріемъ и подозрительностью ко всѣмъ и каждому. Къ числу такихъ людей относился, какъ извѣстно, въ силу своего воспитанія и всей обстановки своей молодости, и императоръ Александръ. Александръ вѣчно и повсюду искалъ себѣ опоры и совѣтниковъ, но его невозможно было подкупить лестью и низкою угодливостью. Онъ могъ довѣриться до извѣстной степени или безусловной тупости, не допускавшей и возможности измѣны или обмана, или совершенно независимому, гордому образу мыслей. Человѣкъ дѣйствительно твердый, сильный и независимый могъ произвести чарующее вліяніе на императора *); онъ могъ до извѣстной степени подчинить его себѣ, или пріобрѣсти, по крайней мѣрѣ, его безусловное довѣріе. Чичаговъ изучилъ, какъ видно, хорошо эту основную черту въ характерѣ Александра. Ловкій интриганъ, умѣвшій прибѣгать при случаѣ и къ совершенно инымъ средствамъ, онъ началъ искусно играть на подмѣченной имъ струнѣ. При всякомъ удобномъ случаѣ старался онъ обратить на себя вниманіе государя своимъ независимымъ и неподкупнымъ образомъ мыслей, своею непреклонною твердостью и силою. Этого мало. Онъ старался выражать эти качества въ самой рѣзкой, иногда даже прямо грубой, непозволительной формѣ. Онъ способенъ былъ отвѣчать государю не только прямо, но даже грубо **). Онъ отваживался кри-

*) Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Штейнъ.

**) Замѣчательно, что Чичаговъ отваживался отвѣчать рѣзко даже самому Павлу. Вотъ эпизодъ изъ его жизни, передаваемый Шишковымъ: „Одно время Чичаговъ былъ отставленъ отъ службъ и жилъ въ деревнѣ. Сив отставка его послѣдовала по нѣкакому неосторожно сказанному имъ слову: во время, когда императоръ Павелъ приготовлялся идти въ Ревель на фрегатѣ Эммануилѣ, сдѣлался было на семь фрегатѣ пожаръ, но тотчасъ потушенъ былъ. Чичаговъ начальствовалъ тогда надъ однимъ изъ идущихъ въ сей походъ кораблей и, въ одинъ день, за большимъ обѣдомъ, при многихъ офицерахъ, когда зашла о семъ рѣчь, усмѣхнувшись, сказалъ: „какъ жаль, что не загорѣлся онъ нѣсколько позже!“ Можетъ быть, хотя и не въ точности, дошло это до государя и было причиною его отставки. Черезъ нѣсколько времени, графъ Кутебовъ, управлявшій тогда всею морскою частью, упросилъ императора принять его по прежнему въ службу. Онъ вызванъ былъ изъ деревни и по пріѣздѣ его въ Петербургъ, приказано было ему явиться къ государю. Онъ вошелъ къ нему, и когда императоръ ска-

тиковать его дѣйствія въ его же присутствіи, онъ дѣлалъ дерзкія, насмѣшливыя замѣчанія на его счетъ при немъ же самомъ. Такія замѣчанія произносились въ полголоса, но притомъ такъ, что не могли оставаться не услышанными государемъ *). И Чичаговъ много выигрывалъ этою своею грубою откровенностью. Какая разница между этимъ прямымъ, честнымъ, безстрашнымъ, хотя и грубымъ человѣкомъ—и этими подобострастными льстецами, которые окружаютъ меня, думалъ императоръ, и располагался все болѣе и болѣе къ Чичагову. Было еще и нѣчто другое въ адмиралѣ, что привлекало и приковывало къ нему государя. Александру казалось, что Чичаговъ былъ такой-же человѣкъ идеи, какъ и онъ самъ, что въ немъ не было той ограниченности горизонта, той специфически русской исключительности, которая поражала его такъ непріятно въ людяхъ Екатерининскаго времени. Онъ видѣлъ, что Чичаговъ способенъ подняться до высоты его гуманнаго космополитизма, что онъ можетъ раздѣлять съ нимъ его человѣколюбивыя мечты, его полонофильскія симпатіи и уто-

---

заль ему о семъ принятіи, то, вмѣсто принесенія благодарности, отвѣчалъ онъ ему, что подъ начальствомъ графа Кушелева онъ служить не можетъ, потому что вѣкогда былъ его старше. Государь приведенъ былъ словами симъ въ такой гнѣвъ, что приказалъ тутъ-же сорвать съ него мундиръ и посадить въ крѣпость. Сіе непріятное съ нимъ приключеніе послужило ему въ счастію; ибо прославляли замѣченное въ немъ въ сіе время спокойствіе, и наследникъ престола Александръ Павловичъ получилъ о мужествѣ и твердости духа его великое мнѣніе. Черезъ нѣсколько дней графъ Кушелевъ увѣрилъ государя о его раскаяніи. Онъ былъ прощенъ, принятъ въ службу и посланъ на корабль въ Англію, гдѣ женился, и вскорѣ потомъ возвратился опять въ Россію“. См. Шишковъ, Записки. Т. II, стр. 66.

*) Въ запискахъ Толя мы находимъ слѣдующій анекдотъ о Чичаговѣ и Александрѣ I-мъ. „Однажды Чичаговъ, бывшій въ то время морскимъ министромъ, отправился вмѣстѣ съ императоромъ на одинъ изъ линейныхъ кораблей, стоявшихъ на Кронштатскомъ рейдѣ. Какъ только императоръ вступилъ на палубу, то согласно обычаю, ударили въ барабанъ и отрядъ морскихъ солдатъ, выстроенный на кварталъ-декъ, взялъ ружья на караулъ. Императоръ подошелъ къ солдатамъ и приказалъ имъ сдѣлать обычныя ружейныя приемы. Чичаговъ, стоявшій непосредственно за государемъ, отбросивъ назадъ голову, началъ нетерпѣливо жестикулировать руками и сказалъ въ полголоса, но при томъ такъ, что его могли слышать не только императоръ, но и другія присутствующія лица: „Ну вотъ, чѣмъ онъ занимается на кораблѣ“. См. Бернгардъ, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 335.

ни. Онъ замѣчалъ, что Чичаговъ вовсе не былъ узкимъ специалистомъ, человекомъ ремесла, что онъ способенъ былъ вращаться въ сферѣ высшей политики, преслѣдовать смѣлая, подѣ часъ эксцентричныя комбинаціи. И Александръ ввѣрилъся этому человеку; онъ оскорблялъ и отталкивалъ, по его наветамъ, такихъ дѣйствительно честныхъ и прямыхъ людей, какъ Мордвинова и Шишкова, онъ возвышалъ Чичагова и возлагалъ на него самыя важныя порученія.

Насталъ 1812 годъ. Несчастная война съ Турціею раздражала императора. Онъ желалъ во чтобы-то ни стало окончить ее, превратить турокъ въ нашихъ друзей и союзниковъ, предпринять съ помощью ихъ и англичанъ диверсію въ Иллирію, увлечь за собою южныхъ славявъ, навести страхъ на Австрію и заставить ее разорвать союзъ съ Франціею. Главнокомандующій Дунайскою арміею, дѣйствовавшій съ такимъ успѣхомъ противъ турокъ, Кутузовъ, не въ состояніи былъ исполнить подобную миссію. Но Чичаговъ *), по мнѣнію императора,

---

*) Чичаговъ въ своихъ запискахъ такимъ образомъ рассказываетъ о диверсіи въ Иллирію и о своемъ назначеніи: 17-го апрѣля адмиралъ былъ позванъ къ государю. Александръ объявилъ ему съ горестью о сомнѣніи, заключенномъ Австріею съ Наполеономъ и добавилъ, что Пруссія вынуждена будетъ сдѣлать тоже самое. Чичаговъ посоветовалъ императору произвести диверсію на французскія владѣнія въ Иллирію и Далмацію и воспользоваться для этой цѣли какъ Дунайскою арміею, такъ и тѣми средствами, которыя представляютъ намъ Валахія, Молдавія и Сербія. Государь одобрилъ эту мысль, но замѣтилъ, что миръ съ Турціею не подвигается, что неустовства войскъ нашихъ въ Молдавіи и Валахіи раздражили жителей и что ко всему этому присоединяются безпечность и интрига. „Кромѣ того, продолжалъ онъ, я не думаю, чтобы теперешній главнокомандующій, виновникъ этихъ бѣдствій, былъ способенъ получить результаты, для которыхъ потребны энергія, сила воли и посильность исполненія“. — „Я полагаю, разразилъ Чичаговъ, что Кутузовъ, дорожа своею славою, употребитъ все силы, чтобы исполнить желаніе государя“. — „Онъ еще ничего объ этомъ не знаетъ, отвѣчалъ императоръ, но я, зная его преклонныя лѣта и характеръ, не думаю, чтобы онъ былъ способенъ привести это дѣло къ желаемому концу. Между тѣмъ время проходитъ, переговоры и нерѣшимость будутъ имѣть дурное вліяніе на войну“. Чичаговъ началъ совѣтовать императору отпрать въ такомъ случаѣ къ Кутузову особое довѣренное лицо, которое было-бы снабжено наставленіями, уполномочивающими его устранить все препятствія, и которое по скоромъ возвращеніи могло бы дать вѣрныя свѣдѣнія, чего можно ожидать отъ главнокомандующаго. Императоръ предложилъ Чичагову принять эту миссію на себя, но адмиралъ возражалъ, что Кутузовъ можетъ подумать, что онъ присланъ наблюдать за нимъ, и

былъ созданъ для нея. Онъ умѣлъ подняться до высоты воззрѣній Александра, онъ былъ не только воинъ, но и дипломатъ, и притомъ дипломатъ новой школы. Какъ морякъ, онъ могъ лучше кого-либо сойтись съ англичанами и поддержать въ глазахъ ихъ честь русскаго флага. Правда, Чичаговъ никогда не командовалъ сухопутною арміею, но порученіе, возложенное на него, было болѣе дипломатическое, нежели военное. Къ тому-же, чего стоило принаровиться такому способному и разностороннему человѣку, какъ Чичаговъ, къ потребностямъ сухопутной военной службы, выработать изъ себя въ самое короткое время искуснаго генерала?

Назначеніе Чичагова состоялось *). Онъ послѣшилъ къ Ду-

предлагалъ послать вмѣсто себя кого-либо изъ флигель-адъютантовъ. Государь отвѣчалъ, что онъ объ этомъ подумаетъ и приказалъ Чичагову явиться на другой день во дворецъ. На другой день государь встрѣтилъ Чичагова такими словами: „Слушайте мое рѣшеніе, оно неизмѣнно: проэктъ, о которомъ была рѣчь, очень сложный. Дѣло въ томъ, чтобы порѣшить эти нескончаемые переговоры съ Портою и предложить ей наступательный и оборонительный союзъ,—въ противномъ случаѣ, начать снова военныя дѣйствія и принудить ее согласиться на это немедленно, угрожать черноморскимъ флотомъ, который и будетъ дѣйствовать, когда потребуетъ надобность, стараться также возбуждать грековъ и всѣ населенія, которыя находятся подъ гнетомъ Порты и которыя привязаны къ намъ какъ единствомъ вѣроисповѣданія, такъ и старинными преданіями, произвести диверсію въ Далмаціи, сухимъ путемъ или моремъ, смотря по уступкамъ, которыя получатся въпринимъ договоромъ съ Турціею. Тогда нужно будетъ взойти въ сношеніе съ англичанами, которые стоятъ на Адриатическомъ морѣ и условиться съ ними, какую помощь съ своей стороны они могутъ намъ дать. Наконецъ необходимо устроить и поддержать управленіе въ Молдавіи и Валахіи. Я избираю васъ для приведенія въ дѣйствіе этого плана. Я набросалъ мысли свои на бумагу. Вы составите по нимъ инструкцію и подадите мнѣ завтра для подписи. Потомъ немедленно отправитесь къ своему назначенію“.

Инструкція была, впрочемъ, составлена самимъ государемъ. „Редакція оной, замѣчаетъ Чичаговъ, была такъ ясна, что мнѣ оставалось только переписать ее на-бѣло“. Инструкція заключала въ себѣ подробное развитіе всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя высказаны были императоромъ въ разговорѣ съ Чичаговымъ. См. Записки адмпрала Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 1522—1530.

*) Назначеніе Чичагова произошло въ большой тайнѣ и вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, всеобщее изумленіе. „Въ одинъ день, рассказываетъ Шишковъ, позваны были мы (я и Балашовъ) къ Румянцову обѣдать. Тутъ нашли мы проѣзжавшаго, случайно, черезъ Вильну шведскаго генерала, который между прочими разговорами сказалъ намъ: „какая необычайность, что морскому адмиралу Чичагову поручено начальство надъ сухопутными войсками“. При сихъ словахъ вытаращили мы съ Балашовымъ другъ на друга глаза: тутъ только, отъ сего про-

найской арміи, полныя самыхъ фантастическихъ надеждъ и проэктовъ на счетъ подчиненія Турціи русскому вліянію, увлеченія славяпъ, разгрома Австріи, нанесенія рѣшительнаго удара французамъ на Адриатическомъ побережьи. Но мечтамъ и фантазіямъ не суждено было сбыться. Александръ вскорѣ убѣдился, что Россія не можетъ обойтись въ борьбѣ съ Наполеономъ безъ содѣйствія Дунайской арміи. Волею или неволею, а приходилось отозвать Чичагова съ Дуная, отдать ему приказъ спѣшить, какъ можно скорѣе, къ берегамъ Днѣпра. Чичаговъ принужденъ былъ, разумѣется, повиноваться, но дѣлалъ это крайне неохотно. Подъ разными предлогами задерживалъ онъ свою армію на Дунаѣ. Главный изъ этихъ предлоговъ былъ тотъ, что Порта уклонялась отъ торжественнаго обнародованія мирнаго договора, заключеннаго съ Россією. Виновникомъ этого уклоненія былъ, впрочемъ, никто иной, какъ самъ адмиралъ. Онъ не только настоятельно требовалъ отъ Порты заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза съ Россією, но и отправилъ отрядъ войска въ Сербію и составлялъ вооруженное ополченіе изъ молдаванъ и валаховъ *). Въ своихъ письмахъ къ императору Чичаговъ высказывалъ опасенія, что Порта, подстрекаемая французскимъ посломъ Андреосси, можетъ разорвать только что подписанный Бухарестскій трактатъ, и, что всего изумительнѣе, онъ относился

ѣзжаго иностранца, узнали мы, окружающіе государя, о семъ какъ-бы тайно сдѣланномъ и дѣйствительно необыкновенномъ обстоятельстве». См. Записки Шишкова. Т. I, стр. 126.

*) Все эти обстоятельства не имѣли, впрочемъ, по мнѣнію Чичагова, никакого значенія. «Указаніе на то, писалъ онъ императору, что часть нашихъ войскъ вошла въ Сербію и что я предполагалъ сдѣлать вооруженія въ Молдавіи и Валахіи, могло-бы оправдать эти замедленія со стороны Порты, если-бы въ свое время я не сообщилъ удовлетворительныхъ объясненій ей уполномоченнымъ въ Бухарестѣ. Посылка небольшого отряда войскъ въ Сербію была вызвана разбоями турокъ-бродягъ, которые они позволяли себѣ производить въ Сербіи, находившейся тогда подъ нашей охраною, такъ какъ миръ не былъ еще утвержденъ. Вооруженіе-же вѣжестекъ ограничивалось только сборомъ тѣхъ войскъ, которыя нѣсколько разъ созывали и распускали мои предшественники. Что-же касается до гражданской гвардіи, то должны были составиться списки, по которымъ она была-бы созвана лишь въ томъ случаѣ, когда-бы состоялся союзъ съ Портою». См. „Русская Старина“, письмо Чичагова въ статьѣ Попова, 1877 г., стр. 37.

къ этой грозной возможности самымъ легкомысленнымъ образомъ. „Въ такомъ случаѣ, писалъ онъ, императору, я долженъ прибѣгнуть къ одному изъ двухъ способовъ дѣйствія. Если я получу извѣстіе, что присутствіе этой арміи необходимо за Днѣпромъ, я пойду впередъ, не заботясь пока о томъ, что станется съ областями, оставляемыми нами туркамъ, сохранивъ только нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ Измаиль—Бендеры, которыя могутъ защищаться. Но если я узнаю, подвигаясь къ Днѣстру, что дѣла наши на сѣверѣ идутъ хорошо, то я возвращусь назадъ и буду продолжать войну самымъ рѣшительнымъ образомъ. Однако-же, мало вѣроятности, чтобы могъ послѣдовать разрывъ; впрочемъ, времени еще довольно для того, чтобы я могъ получить наставленія Вашего Величества, если сочтете нужнымъ сообщить мнѣ оныя“ *).

Чичаговъ скорбѣлъ о той великой возможности, которую опускала изъ рукъ Россія. Какъ? Всѣ славянскія племена, угнетаемая турками, готовы были возстать и слѣдовать за нимъ; онъ, одинъ адмиралъ, добился до этого великаго результата, онъ могъ свободно разгромить Турцію, обуздать Австрію, уничтожить владычество Наполеона въ Иллиріи и Италиі,—и ему предписываютъ вдругъ постыдно бросить начатое великое дѣло, обмануть надежды сербовъ и другихъ христіанъ и спѣшить въ глубину Россіи!

„Какое несчастіе, Государь, восклицаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, обмануть подобное ожиданіе! Я еще въ Фокшанахъ, а могъ-бы быть уже подъ Константинополемъ. Наслѣдныи принцъ Шведскій не совѣстился черезъ Копенгагенъ идти въ Любекъ или Стральзундъ, отчего же намъ черезъ Константинополь не пройти въ Далмацію или Италию? Всевижайше прошу Ваше Величество простить мнѣ; но сердце мое обливается кровью, когда я подумаю объ этомъ опущенномъ случаѣ, который, можетъ быть, никогда и не повторится“ **).

*) Письмо Чичагова императору Александру, см. „Русская Старина“ 1877 г. стр. 36.

***) Письмо Чичагова къ императору изъ Фокшанъ отъ 6 августа 1812 года. Въ этомъ же письмѣ мы встрѣчаемъ еще слѣдующія характерныя мѣста: „Мнѣ

Адмиралу пришлось, однако, повиноваться суровой необходимости. Едва только начали войска наши выходить изъ княжествъ, какъ Порты успѣшила обнародовать мирный договоръ. Послѣдній предлогъ къ замедленію похода въ Россію былъ устраненъ,—и Чичагову пришлось разъ навсегда распрощаться съ своими утопическими планами. Но въ замѣнь ихъ у этого моряка-дипломата не замедлили явиться другія, не менѣе возвышенныя комбинаціи. Если онъ долженъ былъ отказаться отъ освобожденія славянъ Балканскихъ, то ему представлялся теперь превосходный случай освободить поляковъ. Чичаговъ былъ посвященъ въ польскіе планы императора Александра; онъ давалъ видъ, что сочувствуетъ имъ вполнѣ; онъ полагалъ, что именно теперь настало время для ихъ осуществленія. Недостаточно было, по его мнѣнію, разбить Наполеона и уничтожить его армію, надо было лишить его польскихъ симпатій и увѣнчать побѣду военную побѣдою нравственною. „Въ случаѣ соединенія моей арміи съ арміею генерала Торماسова, писалъ онъ Государю изъ Лесъ, при моемъ движеніи къ герцогству Варшавскому всепокорнѣйше прошу Ваше Величество снабдить меня наставленіями какъ въ отношеніи къ направленію арміи, такъ и предложеній, которыя я могъ-бы сдѣлать полякамъ, которымъ необходимо дать обѣщанія, равносильныя тѣмъ, какія даетъ имъ Наполеонъ. Безъ такого средства одни сраженія вѣроятно не приведутъ

стояло страшныхъ усилій успокоить бѣдныхъ сербовъ (нужно замѣтить, что самъ Чичаговъ возбуждалъ ихъ своими обѣщаніями); это, по петвѣ, одинъ изъ лучшихъ народовъ, которые мнѣ удавалось встрѣчать, они готовы умереть за свою независимость; ихъ ненависть къ туркамъ неукротима. Ихъ вождь (Георгій Черный) выказалъ въ этомъ случаѣ всю силу своего характера. Онъ дѣйствовалъ совершенно согласно съ нашими видами; онъ произнесъ рѣчь народу, чтобы успокоить его волненіе. Они провожаютъ наши войска, оставляющія Сербію, со слезами и съ изъявленіями истинно братскихъ чувствъ. Снабжаютъ ихъ подводами, припасами и виномъ. Они уврекаютъ ихъ единственно въ томъ, что мы не беремъ нѣсколькихъ тысячъ изъ нихъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ французовъ, какъ я ихъ прежде обнадѣживалъ. Этотъ народъ для насъ сокровище, Государь! Не упущу и не пренебрегу никакими средствами, чтобы поддержать это благородное и драгоцѣнное расположеніе. Они не называютъ васъ иначе какъ: „нашъ императоръ Александръ“. Нельзя не признаться, Государь, что все благопріятствовало нашему первоначальному плану! Даже большая часть жителей Босніи готовы были поднять оружіе за насъ...

ни къ какимъ послѣдствіямъ. Я думаю, что было-бы хорошо объявить имъ, что Вы намѣрены обезпечить имъ достойное политическое существованіе, дѣйствительное и гораздо болѣе выгодное, нежели то, которое предлагаетъ имъ человекъ, уловившій на эту удочку уже столько народовъ; что вы не имѣете намѣренія создать такое королевство, которое было-бы только провинціею подъ начальствомъ префекта, но сами себя желаете провозгласить конституціоннымъ польскимъ королемъ, и что ихъ независимость будетъ неприкосновенна. Наконецъ, государь, если не это, то во всякомъ случаѣ что-нибудь другое мы должны имъ обѣщать, иначе и нѣсколько выигранныхъ сраженій не далеко насъ подвинутъ. Никому не извѣстно лучше Васъ, что въ наше время побѣды велики и полезны лишь по ихъ послѣдствіямъ“ *).

Придавая такое громадное значеніе полякамъ и ихъ симпатіямъ, Чичаговъ,—человекъ, по словамъ Шипкова, надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидившій отечество свое, Россію,—съ презрѣніемъ отзывался о русскихъ и ихъ патріотическихъ усиліяхъ, осмѣливался даже забрасывать въ душу государя, и притомъ въ такую тяжелую минуту, подозрѣнія на счетъ вѣрнѣйшихъ его подданныхъ. Узнавъ отъ самого императора о формированіи народнаго ополченія, объ одушевленіи, охватившемъ русскій народъ, Чичаговъ писалъ императору, что организуемая имъ народная война навѣрное погубитъ Наполеона, но въ то же самое время онъ доказывалъ императору, что русскіе ополченцы никуда не годны, что лучше размѣстить ихъ по регулярнымъ войскамъ, что неопытность и надменность русскаго дворянства могутъ завлечь его въ какое-нибудь отважное и даже пагубное предпріятіе, что, наконецъ, въ Россіи не бываетъ недостатка въ рвеніи, но за то очень часто въ умѣннѣ **).

*) Письмо изъ Бухареста отъ 22 іюня 1812 г. Изъ этого письма оказывается, что Чичаговъ одновременно собирался освободить и Балканскихъ славянъ и поляковъ. И все это на кануны катастрофы, грозившей самому существованію Россіи!

**) „Опытъ показалъ, что Наполеонъ постоянно торжествовалъ во всѣхъ войнахъ кабинетовъ и совѣтовъ и терпѣлъ неудачи во всѣхъ войнахъ народныхъ; начиная съ Англіи до Италіи, отъ Египта до с. Доминго онъ былъ всегда побѣждаемъ“...

Вообще надменность и самомиѣніе Чичагова возросли непомерно съ тѣхъ поръ, какъ его сдѣлали начальникомъ самостоятельной арміи и посвятили въ тайны высшей политики. Если уже и прежде онъ считалъ себя великимъ и всезнающимъ человекомъ, позволялъ себѣ критиковать всѣхъ и глумиться надъ всѣмъ, то теперь, пробывши нѣсколько недѣль главнокомандующимъ Дунайской арміи, онъ вдругъ началъ считать себя великимъ полководцемъ. Съ необыкновеннымъ тщаніемъ принялся изучать онъ военный регламентъ, всѣ тонкости, ухищренія военныхъ упражненій, всѣ выѣшности и мелочи военного строя. Во всѣхъ этихъ отрасляхъ онъ достигъ дѣйствительно, въ короткое время, до высокой степени совершенства. Онъ поражалъ своими свѣдѣніями не только генераловъ и офицеровъ, но даже и унтеръ-офицеровъ. За то въ сферѣ высшаго военного искусства онъ остался полнѣйшимъ невѣждою. Онъ не имѣлъ никакого понятія объ основныхъ приѣмахъ стратегіи, объ употребленіи войскъ на полѣ битвы; во всемъ этомъ онъ полагался безусловно на своего начальника штаба, генерала Сабанѣева, не отличавшагося также глубиною своихъ стратегическихъ познаній *).

„Мнѣ неизвѣстно, какое угодно Вашему Величеству сдѣлать употребленіе изъ новыхъ наборовъ (т. е. ополченій) внутри имперіи; но если мнѣ будетъ позволено выразить мое мнѣніе, то мнѣ кажется, что отъ отдѣльной службѣ этихъ войскъ можно ожидать немного полезнаго, въ виду затрудненія найти офицеровъ для командованія ими. Я полагаю, что если-бы Вашему Величеству угодно было употребить ихъ единственно для пополненія армій, то это было-бы весьма полезно и арміи наши сдѣлались-бы неистощимы. Физическая сила безъ нравственной ничтожна, она служитъ даже помѣхою; нравственная же сила у насъ весьма ограничена, а между тѣмъ съ нею-то и надо соединять физическую. Если-бы французы, нападая на насъ, встрѣтили, къ несчастію, такое войско, они-бы разсѣяли его какъ простую вооруженную толпу, привели-бы въ смущеніе и отчаяніе народъ и могли-бы произвести всеобщее уныніе. Еслибы напротивъ слыть ихъ съ войсками, то это были-бы тѣже регулярныя войска, которыя ослабить непріятель былъ-бы лишень средствъ. Эта мысль меня поразила и я, какъ вѣрноожданный, счелъ долгомъ повергнуть ее на усмотрѣніе Вашего Величества. Я все опасаюсь, чтобы неопытность и надменность нашего дворянства не вовлекли его въ какое-нибудь отважное и даже нагубное предпріятіе. Въ рвеніи у насъ не бываетъ недостатка, а въ умѣніи весьма часто“. Письмо изъ Фокшанъ отъ 6 августа 1812 года.

*) „In allem, was die Einrichtung und Gliederung des Herres betrifft, in dem. Exzier-Reglament und dem kleinen Dienst,—kurz in dem sogenannten Kamassch

Какъ всѣ невѣжды вообще, Чичаговъ относился съ-высока къ другимъ. Онъ не только критиковалъ своихъ подчиненныхъ генераловъ, называя ихъ въ письмахъ къ государю плохими и неспособными *), но отваживался произносить подобныя-же приговоры и надъ главнокомандующими другихъ армій. Онъ не осмѣлился порицать общаго плана военныхъ дѣйствій, такъ какъ онъ былъ одобренъ самимъ императоромъ, но онъ высказывалъ убѣжденіе, что планъ этотъ не будетъ исполненъ благодаря неспособности и неумѣлости главнокомандующихъ. „Въ дѣлахъ у насъ существуетъ какой-то обратный и печальный характеръ“, писалъ онъ императору. „Какъ-бы велика, прекрасна и совершенна ни была первоначальная мысль начальника, переходя черезъ головы подчиненныхъ, она измѣняется, искажается и дѣлается дурною или, по крайней мѣрѣ, ничтожною, тогда какъ въ другихъ странахъ первоначальная мысль, сколько-нибудь полезная и свѣтлая, пріобрѣтаетъ полное совершенство въ подробностяхъ, насколько это возможно, проходя черезъ разныя инстанціи, и производитъ наилучшее дѣйствіе. Я это вижу въ маломъ видѣ, а Ваше Величество испытываете въ большомъ, что однако-же очень прискорбно“ **).

У Чичагова было, впрочемъ, наготовѣ средство помочь этому горю и выйти самымъ простымъ способомъ изъ всѣхъ затрудненій. Стоило лишь назначить его, адмирала, начальникомъ всѣхъ армій и успѣхъ плана, составленнаго въ Петербургѣ, былъ-бы обезпеченъ ***). Александръ былъ, повидимому, не

---

endienst zeigte er sich in dem Grade bewandert, dass er die Generale und, vielleicht, sogar die Unter-officiere in Erstaunen setzte. In Beziehung auf die grossen Züge der Kriegführung dagegen und die Verwendung der Truppen auf dem Schlachtfelde scheint er es nicht zu ganzen klaren und festen Vorstellungen gebracht zu haben, und trotz aller Festigkeit und Selbstständigkeit des Charakters liess er sich,—vielleicht durch den Mangel einer eigenen Ansicht gezwungen,—von seinem Chef des Generalstabs, dem General Sabaneyew leiten, auf dessen Rechnung die Fehler, die er beging, grossen Theils zu setzen sind“. Berggardi, Toll's Denkwürdigkeiten. T. II. стр. 336.

*) См. въ особенности письмо Чичагова изъ Вреста отъ 9-го октября 1812 года. „Русская Старина“ 1877 года.

**) Письмо Чичагова отъ 22-го сентября 1812 года. „Русская Старина“ 1877 года, сентябрь, стр. 55.

***) Преслѣдуя эту цѣль и стараясь особенно очернить генерала Торماسова,

прочь исполнить въ извѣстныхъ предѣлахъ желаніе своего любимаго. Третья армія, дѣйствовавшая на Волини противъ Шварценберга, была подчинена Чичагову, самъ Тормасовъ отозванъ былъ въ главную квартиру Кутузова. Силы Чичагова возрасли теперь до 60,000 человекъ, но что-же сдѣлалъ онъ съ этими силами? Адмиралъ думалъ сначала разбить Шварценберга, вогнать его въ предѣлы герцогства Варшавскаго, а затѣмъ, обезпечивъ свой тылъ, обратиться къ Минску и Борисову на встрѣчу отступающему Наполеону. Австрійскій главнокомандующій, располагавшій всего лишь 30,000 войска, уклонился, однако-же, отъ сраженія съ Чичаговымъ, перешелъ на лѣвую сторону Буга и занялъ позиціи между рѣчками Мухавцомъ и Лесною; Чичаговъ занялъ Брестъ-Литовскъ и отрядилъ нѣсколько легкихъ отрядовъ въ предѣлы герцогства Варшавскаго. Появленіе этихъ отрядовъ навело паническій страхъ на поляковъ, изъ самой Варшавы все снѣшило снасти съ бѣгствомъ. Русскіе партизаны разорили множество магазиновъ и отправили массу провіанта къ арміи Чичагова *). Адмиралъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ разочаровывался все болѣе и болѣе въ своихъ надеждахъ на поляковъ. Повсюду населеніе бѣжало при приближеніи нашихъ войскъ. Въ городахъ оставались одни евреи; они одни съ расположеніемъ встрѣчали русскихъ. „Что-же касается, доносилъ адмиралъ государю, до поляковъ, то одни изъ нихъ держатъ себя совершенно пассивно, другіе

Чичаговъ осмѣливался утѣрять въ тоже время государя въ своемъ полномъ безкорыстїи и отсутствїи честолюбія. „Я не честолюбивъ, государь, писалъ онъ, но въ настоящую минуту долженъ высказать вамъ сущую правду, хотя можетъ показаться, что я чего-нибудь добиваюсь. Если мои соображенія справедливы, если ваше величество считаете меня способнымъ служить вамъ лучше другихъ, то я готовъ. Если-же другой можетъ сдѣлать лучше, я удалюсь довольный, подобно тому авианнику, который былъ счастливъ, что вышло столько людей между его соотечественниками, которые были достойнѣе его“. Письмо изъ Мессъ отъ 18-го августа 1812 года. „Русская Старина“ 1877 года, стр. 46.

*) „Наши отряды, доносилъ адмиралъ государю, доходили почти до стѣнъ Варшавы. Одинъ Чернышевъ разорилъ множество магазиновъ, къ намъ ежедневно прибываетъ много фуража и продовольствїя“. „При появленїи Чернышева, въ герцогствѣ, писалъ французскій посланникъ de Pradt, въ Варшавѣ произошло чрезвычайное смятеніе. Всѣ готовились къ отъѣзду и лишь отворили ворота города, всѣ семейства хорошаго общества исчезли и я уже не встрѣчалъ ихъ болѣе“. Оба свидѣтельства въ статьѣ А. П. Попова, „Русская Старина“ за 1877 г.

противъ насъ; но время и обѣщанія, можетъ быть, измѣнять ихъ. Я постараюсь всячески успѣть въ этомъ. Необходимо надо заставить ихъ перемѣнить покровителя, что послужитъ для ихъ же пользы. Конечно, нельзя бороться съ ихъ принципомъ, онъ справедливъ, но они дурно за него берутся. Вотъ все, что имъ надо объяснить“ *).

У адмирала не было, однако-же, на этотъ разъ времени заниматься политическою педагогіею и объяснять полякамъ правильные способы примѣненія ихъ легитимнаго принципа. Ему надо было слѣшить къ Слониму и Минску, а оттуда къ Борису на встрѣчу Наполеону. Но какъ оставить въ тылу у себя Шварценберга и Ренъе, другими словами—50000 неприятелей? Чичаговъ думалъ сначала, что для сдержанія этихъ противниковъ достаточно будетъ одной небольшой части его арміи. Онъ выдвинулъ противъ неприятеля отрядъ Эссена, но отрядъ этотъ былъ разбитъ Шварценбергомъ. Тогда Чичаговъ, не имѣя возможности оставаться далѣе подъ Брестомъ, выступилъ къ Слониму, оставивъ противъ Шварценберга уже болѣе значительную часть своей арміи, около 27000 человекъ подъ начальствомъ генерала Сакена. Сакенъ выполнилъ какъ нельзя быть лучше возложенное на него порученіе. Благодаря его смѣлымъ и искуснымъ дѣйствіямъ Шварценбергъ не въ состояніи былъ слѣдовать за Чичаговымъ и предупредить его въ Слонимѣ и Минскѣ. Адмиралъ имѣлъ возможность безпрепятственно подвигаться впередъ, по вмѣсто прежнихъ грозныхъ силъ онъ располагалъ теперь всего лишь 32000 человекъ. Подойдя къ Минску, Чичаговъ имѣлъ полную возможность убѣдиться и въ польскихъ симпатіяхъ, и въ дѣйствительной силѣ и значеніи польскаго элемента. Поляки повсемѣстно бѣжали отъ русскихъ, какъ отъ чумы. Вездѣ виднѣлись слѣды

*) Письмо Чичагова изъ Бреста отъ 9-го октября. Впослѣдствіи, въ своихъ запискахъ адмиралъ старался убѣдить свѣтъ, что онъ успѣлъ повліять на поляковъ силою своего краснорѣчія. „Я составилъ, говорить онъ, воззваніе къ полякамъ съ цѣлію возбудить въ нихъ недовѣріе къ Наполеону и надежду на императора Александра. Оно убѣдило ихъ и съ того времени они выражали большую готовность исполнять всѣ наши требованія и подвергнуться реквизиціи“. „Русская Старина“ 1877 года, стр. 58. Въ свое время Чичаговъ ничего не доносилъ государю о своихъ нравственныхъ побѣдахъ надъ поляками.

грабежей и пестовствъ, произведенныхъ французами. По дорогамъ стояли висѣлицы, на нѣкоторыхъ изъ нихъ качались трупы людей, казненныхъ по подозрѣнію въ пиніонствѣ или измѣнѣ *). Появленіе русскихъ въ этомъ краѣ страшно ошеломило поляковъ. Они вѣрили въ необходимость Наполеона, они воображали, что покопчили уже навсегда свои счеты съ Россіею. Самоувѣренныя и легкомысленныя, какъ всегда, они были захвачены въ расплохъ и не успѣли принять никакихъ мѣръ для защиты Минска. Въ городѣ было всего 7000 гарнизона, по большей части поляки. 5000 изъ нихъ выступили на встрѣчу русскимъ, но были разбиты на-голову графомъ Ламбертомъ, начальникомъ авангарда Дунайской арміи. Послѣ этого удара губернатору Минска, Брониковскому и генералу Домбровскому не оставалось ничего болѣе, какъ бѣжать изъ Минска. Еще на кануцѣ они заявляли самыя геройскія намѣренія, восклицали, что погибнуть, служа всегда славно императору, что таковъ ихъ жребій; а затѣмъ, при приближеніи русскаго авангарда, улизнули такъ поспѣшно, что не успѣли даже уничтожить припасовъ. Припасовъ было такъ много, что ихъ должно было хватить на цѣлый мѣсяцъ для продовольствованія всей Дунайской арміи. Найдено было также громадное количество пороху, по большей части годнаго къ употребленію. Минскіе госпитали представляли самое ужасное зрѣлище. Въ нихъ валялось болѣе 2000 больныхъ и раненыхъ, оставленныхъ безъ всякаго попеченія. Живые и мертвые лежали въ перемежку, нерѣдко наваленные другъ на друга. Чичагова увѣряли, что госпитали находятся въ такомъ состояніи уже со дня прибытія непріятели. Жестокость и небрежность французовъ являлись тутъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ, но все это не въ состояніи было измѣнить польскихъ симпатій. „Не смотря ни на что, писалъ Чичаговъ, поляки все еще любятъ Наполеона. Легкомысленныя, или увлеченныя, или невѣжественныя, они полагаютъ, что служатъ собственному своему

*) „Наполеонъ оставилъ изъ также слѣды того просвѣщенія, которое онъ принесъ. Я нашелъ дорогу, обставленную висѣлицами, одного повѣшеннаго и до 20 врычковъ, готовыхъ принять новыхъ жертвъ“. Письмо Чичагова изъ Минска отъ 7-го ноября.

дѣлу, между тѣмъ какъ они только способствуютъ злокозненнымъ планамъ своего тирана, который скоро перестанетъ быть тираномъ цѣлаго міра“ *).

Вразумлять поляковъ было, однако-же, некогда. Надо было спѣшить къ Березинѣ, куда, по всѣмъ извѣстіямъ, подвигались форсированными маршами остатки великой арміи. Въ какомъ положеніи находились эти обломки еще недавно столь грозной военной силы, на этотъ счетъ Чичаговъ не имѣлъ вполнѣ ясныхъ представлений. Изъ писемъ Кутузова и другихъ частныхъ извѣстій можно было вывести заключеніе, что непріятельская армія, какъ сила организованная, не существуетъ болѣе, что она разбѣлась на мелкія беспорядочныя толпы бѣглецовъ, заботящихся лишь о сохраненіи своей жалкой жизни *). Ходили, однако-же, и иного рода слухи, дѣятельно распространяемые французами и ихъ сторонниками, поляками. По этимъ слухамъ выходило, что Наполеонъ ведетъ съ собою все еще весьма значительныя силы, отъ 70000 до 100000 человѣкъ, что онъ вовсе не думаетъ о бѣгствѣ изъ предѣловъ Россіи, а намѣренъ устроиться на зимнихъ квартирахъ въ Бѣлоруссіи. Въ виду такихъ противорѣчивыхъ извѣстій Чичаговъ, при всей своей самоувѣренности и наглости, не отличавшійся особенною проницательностью, впадаетъ въ странныя противорѣчія и колебанія. По временамъ ему кажется, что онъ долженъ заботиться не объ истребленіи непріятельской арміи, а единственно о поимкѣ самого Наполеона. Великій императоръ, рассуждаетъ онъ совершенно серьезно, вѣроятно пробрается тайкомъ къ границѣ вмѣстѣ съ другими бродягами и мародерами, переодѣтый, быть можетъ, въ какія-нибудь лохмотья. Необходимо во что-бы то ни стало изловить его. И вотъ Чичаговъ распространяетъ между своими войсками описаніе примѣтъ „сего человѣка“. Онъ отдаетъ приказъ обращать особен-

*) Всѣ эти подробности о Минскѣ см. въ письмѣ Чичагова отъ 7-го ноября. „Русская Старина“ 1877 г., статья А. Н. Попова.

**) Письма кн. Кутузова не могли впрочемъ дать адмиралу право составить подобное мнѣніе. Въ нихъ говорилось, правда, много о страшныхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на французовъ, но нигдѣ не утверждалось прямо, что великая армія уже не существуетъ.

ное вниманіе на всѣхъ маленькихъ, коренастыхъ, чернявыхъ людей, и препровождать всѣхъ плѣнныхъ съ такими примѣтами лично къ нему, адмиралу *).

Издавая такія комическія предписанія, Чичаговъ вскорѣ впадалъ въ противоположныя крайности. Ему вдругъ начинало казаться, что непріятельская армія не только еще существуетъ, но и превосходитъ въ нѣсколько разъ его собственные силы. Тревожныя соображенія, что Витгенштейнъ и Кутузовъ не подоспѣютъ во-время къ Березинѣ, также не давали ему покоя. Онъ начиналъ хлопотать объ увеличеніи своихъ собственныхъ силъ, настаивалъ, чтобы корпусъ генерала Эртеля, состоявшій изъ 15,000 резервныхъ войскъ и стоявшій въ Мозырѣ, немедленно-же присоединился къ нему. Эртель былъ подчиненъ командѣ адмирала, но не спѣшилъ исполнять его приказовъ и вовсе не явился къ Березинѣ. Впослѣдствіи онъ сваливалъ всю вину на конскій падежъ, помѣшавшій ему идти впередъ. Оправданіе, по истинѣ, безпримѣрное въ исторіи всѣхъ войнъ! замѣчаетъ одинъ извѣстный военный писатель **).

Волнуемый всѣми этими обстоятельствами, Чичаговъ подвигался впередъ къ Борисову. Впереди шель лучший изъ генераловъ Дунайской арміи, графъ Ламбертъ. Въ Борисовѣ собрались значительныя непріятельскія силы; сюда прибыли между прочимъ генералъ Домбровскийъ и бывшій Минскій губернаторъ, Брошковскій съ остатками своихъ войскъ. Домбровскийъ, пришедшій поздное другихъ (ночью на 9 ноября), увѣрилъ своихъ товарищей, что русскіе далеко отстали отъ него, что отряды, оставленные имъ позади, наблюдаютъ за всѣми ихъ движеніями, и что опасаться скорого, внезапнаго нападенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Легкомысленные поляки, распорядившіеся въ Борисовѣ, охотно повѣрили его увѣреніямъ.

---

*). См. Беригарди, *Toll's Denkwürdigkeiten*, т. II, стр. 337, гдѣ разсказывается этотъ анекдотъ, впрочемъ, безъ обозначенія источника. Мы рѣшились помѣстить его въ текстѣ лишь потому, что онъ соответствуетъ какъ нельзя болѣе характеру Чичагова, и, быть можетъ, объясняетъ его первоначальную безпечность по приближеніи къ Березинѣ.

**.) Беригарди, *Записки Толя*. Т. 2, стр. 336.

Войска расположились бивуаками вокругъ огней и предались отдыху. Только одинъ командиръ 1-го линейнаго полка, полковникъ Малаховскій, старый ветеранъ, не повѣрилъ безусловно словамъ Домбровскаго. Онъ чуюлъ что-то недоброе и около полуночи приказалъ своимъ солдатамъ стать подъ ружье. Мертвая тишина царила вокругъ Борисова, когда войска графа Ламберта подошли къ мостовому укрѣпленію и внезапно ударили на непріятеля *). Польско-французскія войска, захваченныя въ-расплохъ, пытались защищаться, но тщетно. Русскіе завладѣли вскорѣ всѣми непріятельскими редутами и совершенно разсѣяли войска Домбровскаго. 2000 человекъ было убито и ранено, значительное количество взято въ плѣнъ, самъ Домбровскій съ остатками своего отряда едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Орелъ и семь орудій достались въ добычу побѣдителямъ **).

Этотъ блестящій успѣхъ, купленный, впрочемъ довольно дорогою цѣною (генераль Ламбертъ былъ раненъ пулею въ ногу на вылетъ и принужденъ оставить начальство надъ авангардомъ), вскружилъ окончательно голову адмиралу. Ему вообразилось, что ему остается теперь пожинать лишь одни лавры. Въ Борисовѣ онъ узналъ положительно, что армія Наполеона находится лишь въ разстояніи одного перехода отъ Березины, но онъ не придалъ этому обстоятельству ни малѣйшаго значенія ***). Въмѣсто того, чтобы укрѣпиться на правомъ берегу Березины и приготовиться защищать переправу всѣми силами, онъ перевелъ большую часть своихъ войскъ и всѣ свои обозы на лѣвый берегъ рѣки въ г. Борисовъ и пересе-

*) Сраженіе происходило на западномъ берегу Березины; на противоположномъ берегу, за мостомъ, находился Борисовъ.

***) Подробности боя см. у Солтыка, *Napoleon en 1812*, а также въ письмахъ Чичагова и военномъ журналѣ Дунайской арміи.

***) Въ домѣ, который занималъ Брониковскій, найдены были два письма къ нему изъ главной квартиры Наполеона. Въ нихъ извѣщалось, что главная квартира расположится 9-го ноября въ Вобрь, а 10-го прибудетъ въ Борисовъ. Чичаговъ читалъ самъ эти письма, по свидѣтельству генерала Ламберта, и тѣмъ не менѣе, вопреки совѣтамъ всѣхъ своихъ генераловъ не переходить въ городъ, онъ перевелъ туда свою главную квартиру, часть войскъ и большіе обозы. См. „Русская Старина“ 1877 г., статья Попова.

лился туда самъ съ своею главною квартирою. Расположившись тутъ со всѣми удобствами, распаковавъ свою канцелярію и кухню и заказавъ роскошный обѣдъ своимъ поварамъ, адмиралъ принялъ въ то же время надлежащія мѣры для уничтоженія приближающагося Наполеона *). Для этой цѣли онъ послалъ впередъ по Оршинской дорогѣ свой авангардъ подъ начальствомъ графа Палена. На этотъ-то авангардъ, состоявшій всего лишь изъ 2,800 человекъ, по преимуществу копныхъ, возложено было столь легкое, по мнѣнію Чичагова, дѣло, какъ истребленіе послѣднихъ остатковъ великой арміи и поимки самого Наполеона.

Между тѣмъ войска Наполеона успѣшно подвигались къ Борисову, гонимые страхомъ, волнуемые попеременно то надеждою, то отчаяніемъ. Отступленіе совершалось въ такомъ-же порядкѣ, какъ и прежде, съ тою лишь разницею, что вмѣсто Нея начальство надъ аррьергардомъ принялъ вновь Даву **). Погода стояла все это время довольно теплая, но безпорядокъ и неразлучныя съ нимъ страданія и потери продолжали возрастать въ ужасающей прогрессіи. Запасы, розданные въ Оршѣ, вскорѣ истощились. Недостатокъ и усталость производили страшныя опустошенія въ рядахъ. Вся дорога отъ Краснаго до Орши и Борисова представляла еще болѣе ужасное зрѣлище, нежели путь, пройденный непріятелемъ отъ Вязьмы до Смоленска. Въ буквальномъ смыслѣ слова она была устлана изломанными повозками, зарядными ящиками, броневыми орудіями и ружьями, мертвыми лошадьми, трупами людей, погиб-

---

*) Въ своихъ запискахъ адмиралъ старался доказать, что переходъ на лѣвый берегъ рѣки совершенно былъ самовольно генераломъ Ланжерономъ, что онъ, адмиралъ, снѣшилъ исправить эту ошибку, но что приказы его исполнялись медленно, главнымъ образомъ потому, что многіе считали болѣе удобнымъ держать при себѣ свои подводы, и что, въ концѣ концовъ, онъ принужденъ былъ подтвердить распоряженія Ланжерона. Если-бы все это было вѣрно, то оказалось бы, что въ Дунайской арміи господствовало полное безначаліе и подчиненные генералы не хотѣли знать адмирала; но въ дѣйствительности, какъ доказалъ это А. Н. Поповъ, рассказы Чичагова находятся въ полномъ противорѣчій не только съ современными показаніями его генераловъ, но и съ его собственными донесеніями съ береговъ Березины.

***) „Она послалъ Палена къ Ловишицѣ, хотя и зналъ о приближеніи Наполеона“, говоритъ гр. Ламбертъ. См. „Русская Старина“ 1877 года.

шихъ отъ голода, ранъ и изпуренія. Мѣстами трупы лошадиные и человѣческіе лежали цѣлыми кучами; между ними ползали полуживые и умирающіе, вокругъ ихъ бродили отсталые солдаты великой арміи *). Оборванные, одѣтые или въ лохмотья, или въ странные шутовскіе костюмы, женскія юбки и кофты, священническія ризы, обросшіе бородами, черные отъ дыму, съ блуждающими, воспаленными глазами, они походили скорѣе на страшные призраки, нежели на живыхъ людей. Только ужасное зловоніе, распространявшееся отъ ихъ гніющихъ членовъ, только звѣриная жадность, съ которою бросались они на всякій съѣдобный предметъ, обнаруживали въ нихъ присутствіе жизни.

Войска Наполеона дошли до Бобра, когда на встрѣчу имъ пачали подходить войска маршаловъ Удино и Виктора. Съ громкими, радостными криками привѣтствовали они великую армію, но крики эти замерли на ихъ устахъ, когда они увидѣли своихъ товарищей, этихъ увѣчаныхъ славою героевъ Москвы. До сихъ поръ они ничего не знали о несчастіяхъ, постигшихъ великую армію. Они надѣялись увидѣть стройные ряды полковъ завоевателей Москвы, а увидѣли вмѣсто нихъ толпы привидѣній, покрытыхъ рубищами, въ женскихъ шубахъ, окутанныхъ клочками ковровъ и прожженными шинелями, вопновъ, вопи которыхъ обвиты были всевозможнымъ тряпьемъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на проходившихъ мимо ихъ несчастныхъ солдатъ съ почернѣлыми и обросшими бородами лицами, безъ оружія, безъ стыда; они шли безъ всякаго порядка, съ опущенными головами, устремивъ взглядъ въ

*) Генераль Ермоловъ, шедшій по пятамъ великой арміи, говоритъ, между прочимъ въ своихъ запискахъ: „Мы находили въ разныхъ мѣстахъ оставленную артиллерію и даже сброшенную въ воду съ такою торопливостію, что недоставало времени скрыть ее отъ глазъ. Потеря въ людяхъ несравненно превсходила всё другія. Тысячи были умершихъ и замерзающихъ людей. Нигдѣ не было пристанища; мѣстечки и селенія обращены въ пепель и умножавшіеся илѣнные, все большіе и раневые, должны были ожидать неизбежной смерти. Ежеминутное зрѣлище страдающаго человѣчества восточало состраданіе и самое чувство сожалѣнія притупляло. Каждый изъ сихъ несчастныхъ въ глазахъ подобившъ ему, казалось, переставалъ быть человѣкомъ. Претерпѣваемые страданія были общія, бѣдствія свыше всякаго воображенія. Не имѣя средствъ подать помощь, мы видѣли въ нихъ жертвы, обреченныя на смерть“. Записки Ермолова. Т. I. стр. 259.

землю, молча, какъ толпа плѣнныхъ. Болѣе всего удивляло множество полковниковъ и генераловъ, которые шли по одиночкѣ, думая только о себѣ, и не зная кого спасать, остатки ли своихъ командъ, или самихъ себя. Они шли, смѣшавшись съ солдатами, которые не обращали на нихъ никакого вниманія, которыми они не могли уже командовать; всѣ связи были порваны, всѣ чины уничтожены общимъ бѣдствіемъ. Солдаты Виктора и Удино не вѣрили своимъ глазамъ. Офицеры, тронутые жалостью, со слезами на глазахъ удерживали тѣхъ изъ своихъ сотоварищей, которыхъ они распознавали въ толпѣ; они дѣлились съ ними своими средствами продовольствія, одеждою и спрашивали: гдѣ-же ихъ войска? и когда имъ указывали на слабые остатки изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, вмѣсто тысячъ людей, они все еще ихъ искали *). Это страшное, небывалое зрѣлище сразу потрясло дисциплину и порядокъ въ войскахъ Удино и Виктора. Едва только соединились они съ остатками великой арміи, какъ язва, проѣвшая ее до мозга костей, не замедлила сообщить и имъ. Прошло нѣсколько дней и корпуса Виктора и Удино начали таять также быстро, какъ и отряды великой арміи. И отъ нихъ начали отдѣляться цѣлыя толпы отсталыхъ и мародеровъ, и въ нихъ дикій инстинктъ самосохраненія занялъ мѣсто чувства долга и военной чести.

Къ несчастію для адмирала Чичагова, въ этихъ пестрыхъ толпахъ когда-то столь грознаго воинства сохранились еще и въ этотъ моментъ остатки неколебимой энергіи и желѣзнаго мужества. А самъ Наполеонъ какъ-бы преобразился въ эту минуту. Его гений, подавленный столькими страшными ударами судьбы, столькими потрясающими несчастіями, вдругъ воспрянулъ, въ виду конечной гибели, во всей своей прежней гигантской силѣ. Апатія и безнадежное отчаяніе уступили мѣсто прежней энергіи, быстротѣ, ясности взгляда. Получивъ извѣстіе о пораженіи Домбровскаго и потерѣ Борисова **), по

*) См. Сегьеръ, Histoire de Napoleon et de la grande armée. Т. II. стр. 332—333.

***) Это извѣстіе подействовало на императора въ первый моментъ потрясающимъ образомъ. „Не правда! этого быть не можетъ“, воскликнулъ онъ, услышавъ речковую вѣсть отъ офицера, присланнаго къ нему отъ маршала Удино. Офицеръ

успокоенный въ то-же время вѣстью, что Витгенштейнъ по-двигается впередъ крайне медленно и достигъ лишь до Черей, Наполеонъ немедленно-же предписалъ маршалу Удино двинуться поспѣшно на Борисовъ, ударить на Чичагова, отбросить его за Березину, завладѣть Борисовскимъ мостомъ и его укрѣпленіями.

Благодаря бессмысленнымъ распоряженіямъ Чичагова, его надменности и ослѣпленію, Удино могъ исполнить съ блестящимъ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Пройдя нѣсколько верстъ отъ Борисова къ Логиницѣ (первая станція по Оршинской дорогѣ), графъ Паленъ случайно захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Онъ узналъ отъ нихъ, что непріятель находится отъ него въ самомъ близкомъ разстояніи и что онъ располагаетъ весьма значительными силами. Паленъ немедленно-же донесъ адмиралу о показаніяхъ плѣнныхъ и, указывая на недостаточность своихъ силъ, просилъ новыхъ инструкцій Чичаговъ не придавалъ, однакоже, ни малѣйшаго значенія этому донесенію. Занятый своею мыслью о подвѣхѣ Наполеона, отрицая по прежнему самое существованіе Наполеоновской арміи, онъ предписалъ Палену идти какъ можно скорѣе впередъ къ Логиницѣ, а остальнымъ войскамъ своимъ велѣлъ варить кашу, Паленъ повиновался, но пройдя еще нѣсколько верстъ, натѣнулся на войска Удино и тотъ часъ-же опрокинуть былъ ими. Удино быстро преслѣдовалъ бѣгущихъ, почти одновременно съ ними онъ ворвался въ Борисовъ. Чичаговъ, выведенный изъ своихъ фантастическихъ грезъ, совершенно потерялъ голову. Поручивъ князю Щербатову защищать плотину и мостъ, онъ поспѣшно бѣжалъ со всѣмъ своимъ штабомъ за Березину. Между тѣмъ въ Борисовѣ кипѣла ожесточенная и беспорядочная свалка. Войска наши принуждены были отсту-

---

продолжалъ докладъ: два непріятельскіе отряды заняли мостъ и перешли уже на лѣвый берегъ, на рѣкѣ ледъ слабъ и переходить по немъ невозможно. „Неправда! съ гнѣвомъ закричалъ Наполеонъ, онъ лжетъ! Отступивъ назадъ, онъ оперся на палку, заскрипѣлъ зубами, бросилъ гнѣвный взглядъ на небо, и какъ-бы угрожая, поднялъ вверхъ правую руку, сказавъ такое слово, въ которомъ заключалось ужасное богохульство Въ эту минуту Наполеонъ замѣтилъ вошедшаго генерала Дода. Съ ужаснымъ выраженіемъ лица отъ обратился къ нему со словами: „Они тамъ“. (Ils y sont). Puisbusque, Lettres, стр. 211—214.

пять предъ вапиряющимъ непріателемъ по единственной узкой плотинѣ и двухсотъ-саженному мосту. Князь Щербатовъ не въ состояніи былъ удержаться на плотинѣ. Часть нашихъ войскъ, въ томъ числѣ конница и конная артиллерія, успѣли переправиться черезъ рѣку Слѹ, притокъ Березины, и приблизиться къ мосту, обойдя плотину. Но непріатель гнался за нами по пятамъ и грозилъ отрѣзать войска Щербатова отъ моста. Лишь съ величайшимъ трудомъ удалось, наконецъ, князю достигнуть моста; перебравшись на ту сторону, онъ тотчасъ же приказалъ съечь его. Войска Чичагова были не только отброшены за Березину, но и потерпѣли громадный уронъ. Они оставили въ рукахъ непріателя значительное количество плѣнныхъ, всѣхъ своихъ раненыхъ и больныхъ. Почти весь обозъ, въ томъ числѣ экипажи адмирала и его генераловъ, походная канцелярія съ описаніемъ примѣтъ „сего человѣка“, кухня съ массою гастрономическихъ припасовъ и весь серебряный сервизъ Чичагова достались въ руки непріателя *).

Какъ ни постыдно было пораженіе Дунайской арміи, какъ ни дурно должно оно было отозваться на настроеніи побѣдоноснаго до тѣхъ поръ войска, но въ сущности ничто еще не было потеряно и Чичаговъ имѣлъ еще полную возможность исполнить возложенную на него задачу, задержать переправу Наполеона до прибытія Витгенштейна и другихъ нашихъ армій. На сторонѣ адмирала было и теперь не мало преимуществъ. Его войска и въ количественномъ и качественномъ отношеніи значительно превосходили противника. Наполеона со-

*) Въ своемъ донесеніи государю Чичаговъ свалилъ всю вину этого постыднаго пораженія на графа Палена. „Онъ дѣйствовалъ такъ, что о немъ можно сказать противоположное тому, что сказано было о Даминондѣ, т. е. что войска, которая на канунѣ дрались какъ львы, обратились съ нимъ въ бѣгство, какъ бараны. Этотъ авангардъ, который долженъ былъ удержатъ стремленіе непріателя, только ускорилъ его прибытіе. Онъ имѣлъ средства и былъ достаточно силенъ, чтобы удержатъ его (!), но принеся его, такъ сказать, на плечахъ, со всѣхъ ногъ, такъ что я съ трудомъ спасся на длинной и затруднительной переправѣ“. Искажая такъ страшно факты, Чичаговъ постарался, разумѣется, уменьшить до смѣшнаго свои потери. „Къ счастью непріатель овладѣлъ только нѣсколькими повозками частныхъ лицъ, которыхъ я постараюсь вознаграждать, сколько позволятъ мнѣ мои средства и великодушіе Вашего Величества“. Письмо Чичагова отъ 17 ноября.

проводжала, правда, все еще громадная масса людей, но, по преимуществу, безоружныхъ, затруднявшихъ и тормозившихъ его движенія. Изъ всѣхъ корпусовъ, входившихъ въ составъ великой арміи, только одна старая гвардія удержала еще остатки дисциплины и прежняго воинственнаго пыла, но во всей гвардіи насчитывалось, по прибытіи къ берегамъ Березины, всего лишь 35000 человѣкъ. Число вооруженныхъ и оставшихся въ строю солдатъ во всѣхъ остальныхъ корпусахъ доходило до 7000 человѣкъ. Передъ Березиною къ Наполеону присоединились корпуса Удино и Виктора, остатки войскъ Домбровскаго и Брониковскаго, всего около 19000 человѣкъ. Наполеонъ располагалъ, слѣдовательно, подъ Березиною какими-нибудь 30000 человѣкъ, и что самое главное, онъ не могъ рассчитывать ни на какія дальнѣйшія подкрѣпленія *). У Чичагова было 32000 войска, и онъ могъ съ увѣренностью рассчитывать въ самомъ скоромъ времени не только на прибытіе 40000 арміи Витгенштейна, но и значительныхъ отрядовъ, выдвинутыхъ къ Березинѣ отъ нашей главной арміи. И въ физическомъ, и нравственномъ отношеніи войска Дунайской арміи стояли неизмѣримо выше непріятельскихъ, не смотря на послѣднюю случайную неудачу. Закаленные въ долголѣтней войнѣ съ турками, сытые, хорошо одѣтые солдаты Чичагова могли смотрѣть съ презрѣніемъ на толпу привидѣній, тянувшихся вслѣдъ за Наполеономъ. У Чичагова была масса превосходной конницы и казаковъ, тогда какъ у непріятели почти вовсе не было кавалеріи годной къ употребленію **). Положеніе Наполеона было къ тому же таково, что онъ долженъ былъ дѣйствовать наступательно, спѣшить переправиться со

*) О численности Наполеоновыхъ войскъ подъ Березиною см. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 341.

**) Число всей французской конницы, по показаніямъ, Шамбре, доходило до 4000, но изъ нихъ лишь немногіе могли быть употреблены въ дѣло. Чичаговъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что на Березинѣ у него было всего 20000 человѣкъ, въ томъ числѣ 9000 кавалеріи, „которая, замѣчаетъ онъ, не могла быть мнѣ полезна въ лѣсахъ и болотахъ Березины“. На это можно замѣтить лишь одно: еслибы Чичаговъ умѣлъ пользоваться своею кавалеріею, то онъ не былъ-бы захваченъ въ располхъ въ Борисовѣ. См. записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1152.

всѣми своими обозами и отсталыми черезъ весьма значительную и глубокою рѣку; тогда какъ Чичаговъ долженъ былъ только стараться задержать переправу непріятеля на нѣскольکو дней до прибытія нашихъ остальныхъ силъ. У Наполеона не было почти никакихъ средствъ для переправы, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность уничтожить въ Оршѣ весь свой понтопный паркъ. У Чичагова, наоборотъ, были всѣ средства помѣшать переправѣ, и важнѣйшій пунктъ на Березинѣ, Борисовъ, съ сильнымъ мостовымъ укрѣпленіемъ находился въ его рукахъ.

Адмиралъ утверждалъ въ своихъ запискахъ, что онъ принужденъ былъ наблюдать линію Березины на протяженіи 100 верстъ *), но въ дѣйствительности ему приходилось оберегать пространство всего лишь на 30 верстъ. Рѣка Березина, важнѣйшій притокъ верхняго Днѣпра, беретъ, какъ извѣстно, начало въ болотахъ Борисовскаго уѣзда, близъ мѣстечка Докшицы; приближаясь къ городу Борисову, она становится уже значительною рѣкою, и ширина ея доходитъ мѣстами до 50 и 60 сажень, при довольно значительной глубинѣ *). Какъ всякая болотная рѣка, протекающая по изменности съ весьма незначительнымъ уклономъ. Березина не отличается особенно быстрымъ теченіемъ, но переходъ черезъ нее крайне затрудняется свойствомъ ея береговъ. Громадныя, совершенно непроходимыя болота тянутся по обоимъ берегамъ рѣки; за ними идутъ небольшіе песчаные холмы, покрытые густыми еловыми и березовыми лѣсами. Дороги, ведущія по болотамъ, состоятъ по большей части изъ деревянныхъ гатей, узкихъ и неудобныхъ для движенія большихъ массъ войска, обремененныхъ обозами и артиллеріею. На Березинѣ было очень мало бродовъ и удобныхъ пунктовъ для переправы, а наступившая оттепель и дожди подняли уровень воды въ рѣкѣ до весьма значительной высоты. Переправа Наполеона могла

*) „На пространствѣ 20 французскихъ миль, между Веселовымъ и Березинимъ, мѣ нужно было удерживать берега Березины, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ проходили дороги къ значительнымъ магазинамъ Минскимъ и Виленскимъ. Я зналъ, что во многихъ мѣстахъ въ рѣкѣ были броды; ширина ея извѣстна потому, что мостъ, по которому французы переправлялись, былъ въ 54 сажени“. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1152.

**) См. Географическій словарь Семенова. Т. I.

произойти лишь на пространствѣ между Веселовымъ выше Борисова и Ухолодомъ ниже этого города. Самый удобный пунктъ для перехода находился у Борисова, но такъ какъ мостовое укрѣпленіе у этого города находилось въ рукахъ русскихъ и было снабжено сильною артиллеріею, то можно было предвидѣть напередъ, что Наполеонъ не отважится помышлять о переправѣ въ этомъ мѣстѣ. Несравненно удобнѣе для переправы была мѣстность у селенія Ухолодъ, въ двѣнадцати верстахъ ниже Борисова, но дорога къ этому пункту шла по непроходимымъ болотамъ и была совершенно недоступна для артиллеріи. Выше Борисова находилось три удобныхъ пункта для переправы: у Стахова въ шести верстахъ отъ города, у деревни Студянки въ шестнадцать верстахъ отъ Борисова и у Веселова въ четырехъ верстахъ отъ Студянки. Изъ всѣхъ этихъ трехъ пунктовъ наибольшія удобства для переправы представляла мѣстность у Студянки. Студянка лежитъ на склонѣ лѣваго берега Березины, въ полуторасти шагахъ отъ рѣки. Эта жалкая деревушка изъ какихъ-нибудь 25 избъ построена была амфитеатромъ на склонѣ возвышенности, господствовавшей надъ противоположнымъ берегомъ. Ширина рѣки доходила здѣсь до 50 сажень, но глубина была незначительна; можно было даже пройти въ бродъ, имѣвшій не болѣе 1½ аршина глубины. На правомъ берегу тянулось значительное болото, но можно было надѣяться, что морозы, начавшіеся тотчасъ-же послѣ прибытія французъ къ Березинѣ, скоро сдѣлаютъ его доступнымъ для перехода. Въ двухъ верстахъ отъ праваго берега рѣки пролежала по узкимъ частямъ дорога изъ Борисова въ Зембинъ, имѣвшая для Наполеона громадное значеніе, такъ какъ она выходила непосредственно на большую дорогу въ Вильну. Приблизительно такія-же удобства представляла и мѣстность у Веселова, но за то рѣка была здѣсь гораздо глубже, а броду не было никакого. Переправа у Стахова была, наконецъ, слишкомъ близка отъ Борисова, мѣста расположенія главныхъ силъ Чичагова, и не могла быть поэтому принимаема серьезно въ соображеніе *).

*) О мѣстахъ удобныхъ для переправы черезъ Березину изъ очевидцевъ см. въ особенности Шамбре. Expedition de Russie. Т. 3, стр. 37 и слѣдующія.

Въ виду такихъ мѣстныхъ условій задача Чичагова была, повидимому, совершенно проста. Онъ долженъ былъ оберегать по возможности всѣ названные пункты, сосредоточить свои главныя силы въ центральной позиціи у Борисова и обратить особенное вниманіе на мѣстность противъ Студянки. Чичаговъ принадлежалъ, однако-же, къ числу тѣхъ людей, для которыхъ возможное и ближайшее кажется наименѣе возможнымъ и правдоподобнымъ. Адмиралу, человѣку совершенно неопытному въ сухопутной войнѣ, впервые приходилось имѣть дѣло съ величайшимъ военнымъ гениемъ Наполеона. Онъ предполагалъ, что его противникъ пойдетъ навѣрное какимъ-нибудь необычнымъ путемъ, что онъ будетъ искать спасенія въ искусственныхъ и сложныхъ комбинаціяхъ. Къ тому-же адмиралъ не имѣлъ волиѣ точнаго и опредѣленнаго представленія о мѣстности. Онъ прибылъ слишкомъ поздно къ берегамъ Березины, не успѣлъ, да и не особенно спѣшилъ ориентироваться въ совершенно незнакомой для него странѣ, и, что самое важное, голова его была занята въ началѣ совершенно иными, далеко не военными соображеніями. Внезапное прибытіе непріятеля, страшный ударъ, нанесенный ему такъ неожиданно, потрясли его до глубины души, нарушили его нравственное равновѣсіе. Наполеонъ, котораго онъ считалъ уничтоженнымъ, предсталъ предъ нимъ во всемъ ореолѣ своей прежней необходимости. Онъ собирался изловить своего противника, какъ жалкаго бродягу, а тотъ внезапно однимъ мощнымъ ударомъ отбросилъ его за Березину, принудилъ его стать въ оборонительное положеніе. Было отчего потеряться и болѣе сильному, болѣе опытному человѣку, нежели Чичаговъ. Послѣ несчастнаго дѣла 12 ноября адмиралъ расположилъ свои силы на правомъ берегу Березины, повидимому, волиѣ дѣлесообразно. Самъ онъ съ главными силами сталъ у Борисовскаго мостоваго укрѣпленія; отрядъ генерала Чаплица выдвинулъ къ д. Брилимъ насупротивъ Студянки, а другой отрядъ подъ начальствомъ графа Орурка расположилъ въ селеніи Юшкевичахъ для наблюденія за нижнимъ теченіемъ Березины. Но Чичаговъ не долго оставался въ такомъ расположеніи; извѣстія, полученные имъ изъ главной квартиры Кутузова, а еще болѣе дви-

женія непріятели вскорѣ сбили его окончательно съ толку и привлекли его вниманіе совершенно не въ ту сторону, куда требовали того обстоятельства.

Маршалъ Удино, шедшій въ авангардѣ французской арміи, получилъ приказъ отъ Наполеона избрать тотчасъ-же по прибытіи къ Березинѣ удобное мѣсто для переправы и приступить немедленно-же къ сооруженію мостовъ *). Удино ориентировался чрезвычайно быстро; онъ съ самаго начала избралъ мѣстомъ для переправы Студянку, но принялъ въ тоже время мѣры, чтобы отвлечь вниманіе непріятели отъ этого пункта. Занявъ своими отрядами Борисовъ, Новый Стаховъ и Ухолодъ, маршалъ приказалъ собирать, какъ можно съ большею наглядностью для непріятели, матеріалы для постройки мостовъ во всѣхъ этихъ пунктахъ, и дѣлать въ тоже время, какъ можно тише и незамѣтнѣе всѣ приготовленія къ дѣйствительной переправѣ у Студянки. Чтобы еще вѣрнѣе обмануть непріятели, Удино разставилъ нѣсколько отрядовъ своихъ войскъ ниже Борисова, и черезъ посредство жидовъ дѣятельно распускалъ слухи, что французская армія намѣрена избрать въ своемъ дальнѣйшемъ отступленіи болѣе козлый путь на Игумень и Минскъ. Быть можетъ, Чичаговъ и не поддавался-бы на всѣ эти хитрости непріятели, но два извѣстія, полученныя имъ въ это время съ противоположныхъ сторонъ, заставили его пойти окончательно на удочку. Изъ главной квартиры Кутузова адмиралу совѣтовали обратить особенное вниманіе на путь къ Игумену и Минску, а отъ своихъ лазутчиковъ онъ получилъ совершенно невѣрное извѣстіе, что Шварценбергъ занялъ Минскъ и подвигается къ Свислочи у Березины. Получивъ эти извѣстія, Чичаговъ рѣшилъ окончательно, что Наполеонъ избираетъ мѣстомъ для переправы или Ухолодъ, или какой-нибудь другой пунктъ ниже Бори-

*) Въ первый моментъ по прибытіи къ Березинѣ, Удино доносилъ Наполеону, что армія Чичагова гораздо многочисленнѣе, нежели предполагали, и просилъ императора принять на себя лично распоряженіе о переправѣ. „Скажите Удино, отвѣчалъ Наполеонъ, что онъ ошибается на счетъ силъ непріятели; скажите ему, чтобы онъ поснѣшилъ, какъ можно скорѣе, постройкою мостовъ черезъ Березину, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ я не могу оставить арміи“. Шамбре. Т. III, стр: 36.

сова *). Забывая совершенно, что Кутузовъ совѣтовалъ ему имѣть въ виду не одинъ только южный путь на Игумень и Минскъ, а также и сѣверный на Зембинъ и Молодечно, не заботясь повѣрить показанія своихъ лазутчиковъ, онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на нижней Березинѣ и направилъ всѣ свои войска внизъ по теченію рѣки, въ то самое время, когда Наполеонъ, прибывъ въ Борисовъ и одобрявъ вполне предположенія Удино, начиналъ стягивать свою армію выше Борисова въ окрестностяхъ Студянки. Чичаговъ оставилъ у Борисова только небольшой отрядъ подъ начальствомъ Палена; генералу Чаплицу, охранявшему переправу у Студянки, онъ отдалъ приказаніе идти также къ Борисову; самъ-же съ главными силами выступилъ 13 ноября пополудни изъ Борисова внизъ по теченію рѣки и ночью съ 13 на 14 расположился у мѣстечка Шабашевичей **). Такимъ образомъ, Чичаговъ сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы облегчить Наполеону переправу черезъ Березину.

Императоръ Наполеонъ уже на пути отъ Логиницы къ Борисову находился въ страшномъ внутреннемъ волненіи. Онъ приближался, быть можетъ, къ самому роковому моменту своей жизни; онъ чувствовалъ, что отъ удачи этой переправы зависитъ не только спасеніе остатковъ его арміи, но и его самого съ его міровыми планами. Его лицо было спокойно, по обыкновенію; никто не могъ замѣтить на немъ движенія чувства или

---

*) Въ своихъ запискахъ Чичаговъ прямо утверждаетъ, что Кутузовъ повелѣлъ ему наблюдать нижнее теченіе Березины къ югу отъ Борисова. Витгенштейнъ также писалъ ему, что непріятельская армія взяла направленіе на Бобруйскъ. Наконецъ полковникъ Кюрингъ и лазутчики доносили ему, что Шварценбергъ идетъ за нимъ по пятамъ. Далѣе, Чичаговъ рассказываетъ, что всѣ его генералы поражены были неудобствомъ его позиціи и совѣтовали ему идти на Ленель на встрѣчу Витгенштейну. См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1151—1157.

***) Шабашевичи находятся, по словамъ адмирала, въ 6 миляхъ, т. е. въ 30 верстахъ, ниже Борисова. Направляясь туда, Чичаговъ старался по возможности скрыть свое движеніе отъ непріятеля, опасаясь, чтобы Наполеонъ, узнавъ о его движеніи, не атаковалъ оставленные имъ слабые отряды. Такимъ образомъ, Чичаговъ самъ хорошо понималъ, что онъ уходитъ отъ непріятеля и бросаетъ свои мелкіе отряды на произволъ судьбы. Ослабленіе по истинѣ, безпримѣрное! См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1157.

страсти, но его волненіе выражалось иными способами. Онъ уже не ѣхалъ въ экипажѣ, а сопровождалъ свои войска верхомъ на конѣ. Не разъ онъ останавливался на окраинѣ дороги и пропускалъ мимо себя проходившія войска *). Неоднократно вставалъ онъ съ коня и шелъ пѣшкомъ, какъ-бы стараясь преодолѣть то ощущеніе внутренняго и внѣшняго холода, которое не давало ему покоя.

Прибывъ въ Борисовъ и ознакомившись съ мѣстными условіями, Наполеонъ безусловно одобрилъ распоряженія Удино и приказалъ продолжать демонстраціи у Борисова и Ухолода, принявъ въ тоже время всѣ мѣры для ускоренія постройки мостовъ у Студянки. Начальники понтонеровъ, генералы Эбле и Шаслу **) уже въ сумеркахъ 13 ноября поспѣшили въ Студянку ***) , а рано утромъ 14 ноября прибылъ къ мѣсту переправы и самъ Наполеонъ. Постройка мостовъ сопряжена была съ величайшими трудностями. Послѣ пятидневной оттепели наступили вновь морозы и болота, заграждавшія доступъ къ рѣкѣ, сдѣлались проходимыми. Но рѣка не поддавалась вліянію стужи. Вода была по прежнему очень высока, ширина русла достигла до 160 шаговъ, глубина возросла до 10 футовъ, и по теченію неслись огромныя пловучія льдины. Матерьяловъ для постройки мостовъ было, повидимому, достаточно. Строевой лѣсъ покрывалъ весь берегъ рѣки у Студянки, но у французовъ не было ни времени, ни достаточнаго количества инструментовъ для рубки лѣса. Пришлось довольствоваться старыми бревнами и досками, изъ которыхъ построены были крестьянскія избы въ Студянкѣ. Послѣ уничтоженія понтоннаго парка, построеніе мостовъ было-бы совершенно невозможно, если-бы генераль Эбле не сохранилъ на всякій случай

*) „Il dut être livré à de bien cruelles réflexions à la vue du déplorable état de son armée dans les conjonctures si fatales“. См. Шамбре. Т. III стр. 42.

**) Наполеонъ уже изъ Бобра послалъ къ маршалу Удино генераловъ Эбле, Шаслу и Жомини и направилъ къ Березинѣ форспрованнымъ маршемъ всѣхъ понтонеровъ, саперовъ и инженеровъ, находившихся при арміи. Шамбре, Expédition de Russie. Т. III, стр. 33.

***) Когда Эбле и Шаслу прибыли въ Студянку, то оказалось, что за исключеніемъ 25 козловъ, сдѣланныхъ изъ совершенно негоднаго матерьяла, ничего не было готово для постройки мостовъ. Шамбре. Т. III, стр. 33.

двѣ походныя кузницы, двѣ повозки, нагруженныя углемъ и нѣсколько фуръ съ гвоздями, желѣзомъ и необходимыми инструментами *). Но важнѣе этихъ внѣшнихъ приспособленій была та высокая внутренняя энергія, которую обрѣли въ себѣ въ этотъ рѣшительный моментъ понтонеры французской арміи. Ободряемые до энтузіазма присутствіемъ самого императора, эти люди работали съ какою-то сверхъчеловѣческой силою **). Презирая страданія и мучительную смерть, они работали, погружаясь по грудь въ ледяную воду, работали среди напирających на нихъ льдинъ, и ихъ энергія не ослабѣла и тогда когда холодная морозная ночь спустилась на берега Березины и густой непроницаемый туманъ окуталъ прибрежныя лѣса и болота.

Императоръ принималъ между тѣмъ и другія мѣры для обезпеченія переправы. Онъ приказалъ установить на высотахъ близъ Студянки всю бывшую въ его распоряженіи артиллерію и открыть сильнѣйшій огонь по противоположному берегу ***). Въ то время, когда загремѣла эта страшная кононада, почти всѣ наши войска, охранявшія до тѣхъ поръ переправу у Студянки, отошли, согласно распоряженію Чичагова, къ Борисову и оставили только нѣсколько казачьихъ сотенъ и небольшой отрядъ полковника Корнилова. Само собою понятно, что немногія орудія, находившіяся при этомъ отрядѣ, не въ состояніи были бороться съ многочисленною артиллеріею непріятеля. Наполеонъ вскорѣ убѣдился, что русскіе не въ состояніи были препятствовать его переправѣ на этомъ мѣстѣ. Лицо его впервые просіяло отъ радости въ этотъ день. Присутствующіе маршалы и генералы спѣшили поздравить его съ не-

*) „Если-бы у французовъ сохранился понтоный паркъ, то они могли-бы построить мостъ въ теченіи двухъ часовъ“. Шамбре. Т. III, стр. 54.

**) Шамбре справедливо замѣчаетъ, что героизмъ этихъ людей будетъ жить столь-же долго, какъ воспоминаніе о переправѣ черезъ Березину.

***) Для этой цѣли Наполеонъ употребилъ всю артиллерію корпуса Удино и старой гвардіи. Но однимъ извѣстіемъ выдвинуто было сорокъ, по другимъ пятьдесятъ шесть орудій. Такой огонь Наполеонъ считалъ необходимымъ, предполагая, что на противоположномъ берегу сосредоточена большая часть Дунайской арміи; а многочисленныя бивачные огни, замѣченныя въ теченіи ночи за Березиною, утвердили его еще болѣе въ этомъ заблужденіи. С. Шамбре. Т. III, стр. 48

ожиданнымъ, невѣроятнымъ счастьемъ. Но надо было ловить это счастье, надо было пользоваться какъ можно скорѣе непонятною ошлопностью противника. Императоръ тотчасъ-же приказалъ генералу Корбино переплыть на противоположный берегъ съ однимъ изъ эскадроновъ своей бригады. Вслѣдъ затѣмъ переправлены были на нѣсколькихъ, быстро сколоченныхъ плотяхъ четыреста егерей изъ отряда Домбровскаго. Войска эти очистили противоположный берегъ отъ казаковъ *). Между тѣмъ постройка мостовъ быстро подвигалась впередъ. Строили разомъ два моста, на разстояніе двухсотъ саженой одинъ отъ другаго **); правый (со стороны французовъ) мостъ назначался исключительно для пѣхоты и кавалеріи; другой, болѣе прочный, для артиллеріи и обозовъ. Въ часъ по полудни оконченъ былъ первый мостъ ***), и Наполеонъ, находившійся постоянно при рабочихъ, тотчасъ-же отдалъ приказъ корпусу Удино перейти на противоположный берегъ. Неизгладимыми чертами врѣзалась эта сцена въ памяти очевидцевъ, имѣвшихъ счастье пережить эту страшную кампанію. День былъ морозный, глубокой снѣгъ покрывалъ землю, но къ счастью въ воздухѣ господствовала величайшая тишина, иначе было-бы немислимо какое-бы то ни было движеніе. „Передъ нами ****), говоритъ очевидецъ, лежала деревня Студянка и видѣлся только что наведенный мостъ. Нѣсколько баталіоновъ пѣхоты стояли у деревни, построившись колоннами. Вдругъ изъ одной избы вышелъ императоръ, окруженный толпою маршаловъ и генераловъ. Онъ былъ въ сѣрой шубѣ, но онъ отбросилъ одну изъ ея полъ лѣвою рукою, такъ что можно было рассмотреть хорошо его блестящіе сапоги и бѣлые панталоны. Обычная маленькая шляпа была на его головѣ. На лицѣ его не было замѣтно никакого движенія; оно было холодно и безстрастно, какъ всегда. Императоръ заговорилъ съ какимъ

*) Fain. Manuscrit de 1812; Soltuk, Napoleon en 1812, стр. 442; Шамбре. Т. III, стр. 50.

***) Сначала предполагали строить три моста, но потомъ отказались отъ этого намѣренія въ виду недостатка времени и матеріала. Шамбре. Т. III, стр. 44.

***) См. Шамбре. Т. III, стр. 53.

****) См. Aus dem Leben des Generals Heinrich von Brandt. Т. I, стр. 474.

то генераломъ, который почтительно снялъ шляпу. Подлѣ него я замѣтилъ Мюрата въ сѣрой мѣховой шапкѣ съ султаномъ, въ коротенькой шубкѣ съ саблею на такъ называемомъ *cordon d'Egypte* *). Тутъ-же стояли Бертъе и Евгений, закутавшись въ шубы. Ней съ своимъ красноватымъ лицомъ и рыжею бородою, съ своею почти квадратною фігурою и крѣпкими членами **), одѣтъ былъ легче всѣхъ другихъ въ темно-зеленую шинель. Тутъ-же у моста я увидѣлъ превосходнаго Дюрока, на памяти коего не лежитъ ни одного пятна, вся жизнь котораго была жизнью совершеннаго рыцаря; маршала Мортъе, выдававшася изъ всей группы колосальнымъ ростомъ ***); благороднаго Нарбоня въ его странномъ, старомодномъ парикѣ, и многихъ другихъ генераловъ. Множество адъютантовъ, всѣ въ легкихъ шинеляхъ, стояли и сновали кругомъ, ожыдая и разнося приказанія. Жандармы въ полномъ парадѣ, но на исхудалыхъ, тощихъ коняхъ, расположились полукругомъ у моста, не допуская къ нему никого изъ безоружныхъ. Погода была пріятная. Небо разъяснявалось по-немногу; легкія клочья снѣга носились въ воздухѣ, но температура поднялась значительно и около полудня ощущалась солнечная теплота“.

Императоръ подалъ сигналъ и корпусъ Удино, около 6000 пѣхоты и 1400 всадниковъ, стройными рядами двинулся къ мосту. Это были сравнительно самыя свѣжія войска. Въ величайшемъ порядкѣ, съ воинственною осанкою, съ радостными кликами проходили они мимо императора ****). Мостъ, построенный для пѣхоты, былъ крайне узокъ и неровенъ;

*) „Мюратъ подѣхалъ къ нашему полковнику и заговорилъ съ нимъ. „Что думаете вы дѣлать съ вашими ранеными“, спросилъ онъ его. „Ma foi, отвѣчалъ тотъ, они будутъ слѣдовать за нами пока могутъ“. И невольно вспомнилъ, какая провія судьбы: Мюратъ на Вѣнскомъ мосту въ 1805 г. и здѣсь на Березницѣ въ 1812 г.“ Brandt. T. I, стр. 475.

**) *Ney figura quadrata, firmisque membris mit seinem rorthen, ich möchte sagen, impertinenten Gesicht und röthlichen Bart...* Brandt. T. I, стр. 475.

***) *Ipse inter primos praestante corpore.* Brandt, стр. 475.

****) Шамбре. T. III, стр. 54. Многие солдаты были и теперь слѣпо увѣрены въ своемъ императорѣ. „Il nous tirera encore de la“, говорили они, впередя взоры въ своего императора. Fain. T. II, стр. 429.

бревна, скрѣпленные въ торопяхъ, разрывались и погружались въ воду *); но войска Удино не только проплы по немъ благополучно, но и перевезли съ собой два орудія и нѣсколько зарядныхъ ящичковъ. Уже цѣлый французскій корпусъ былъ на правомъ берегу, когда генераль Чаплицъ, узнавши о переправѣ непріятеля, поспѣшилъ возвратиться къ деревнѣ Брилямъ **). Но было уже поздно и войска его были утомлены поспѣшнымъ двѣнадцативерстнымъ переходомъ. Къ тому же Чаплицъ не рѣшился энергически атаковать непріятеля, опасаясь подвергнуть свои войска огню батарей, расположенныхъ на высотахъ Студянки. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что занялъ опушку сосѣдняго Стаховскаго лѣса. Удино имѣлъ, такимъ образомъ, полную возможность утвердиться на правомъ берегу. Ставъ фронтомъ къ сторонѣ Стахова и тыломъ къ рѣкѣ, онъ совершенно прикрылъ переправу слѣдовавшихъ за нимъ войскъ. Въ то же время маршалъ двинулъ небольшой отрядъ къ Зембину и приказалъ занять длинныя мосты и гати, ведущія черезъ болота на Виленскую дорогу. И это чрезвычайно важное предпріятіе удалось ему какъ нельзя лучше благодаря нераспорядительности Чаплица. На важнѣйшемъ пунктѣ, гдѣ можно было запереть путь всей непріятельской арміи, стоялъ лишь одинъ слабый казачій постъ. Повяно, что казаки бѣжали при первомъ же появленіи непріятеля и открыли ему Виленскую дорогу. Смѣлость Удино росла по мѣрѣ успѣха. Желая совершенно отвлечь вниманіе Чаплица отъ переправы, онъ атаковалъ его въ Стаховскомъ лѣсу и оттѣснилъ до самаго Стахова ***).

Между тѣмъ къ четыремъ часамъ пополудни фран-

*) См. Brandt. Т. I, стр. 476.

**) Чаплицъ получилъ свѣдѣнія о переправѣ непріятеля у Студянки отъ плѣнныхъ, доставленныхъ ему съ противоположнаго берега казаками. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ былъ и управляющій какой-то помѣщичьей деревни. Шамбре. Т. III, стр. 49; Чичаговъ, Записки, „Русскій Архивъ“ 1869, стр. 1161.

***) См. Шамбре Т. III, стр. 55. Чичаговъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что Чаплицъ успѣлъ вечеромъ остановить непріятеля у деревни Стахова въ двухъ миляхъ отъ переправы. Такой результатъ, подтверждающій какъ нельзя болѣе свидѣтельства другихъ очевидцевъ о пораженіи Чаплица, Чичаговъ старается выставить чуть не побѣдою. См. Чичаговъ, Записки, „Русскій Архивъ“ 1869, стр. 1163.

цускіе понтонеры окончили и постройку втораго моста. Вся артиллерія втораго корпуса, а потомъ и гвардейская были немедленно же перевезены по немъ. Съ наступленіемъ ночи перешли на правый берегъ войска Нея и молодая гвардія. Мостъ, устроенный для переправы артиллеріи и обозовъ, ломался въ теченіи ночи два раза *), починка его стоила каждый разъ не мало времени и невѣроятныхъ усилій. Наполеонъ оставался все время у мостовъ, ускоряя по возможности переправу **). Съ минуты на минуту можно было ожидать нападенія русскихъ, и при томъ съ двухъ сторонъ на правомъ и на лѣвомъ берегу. Въ теченіи всего 14 числа Чичаговъ оставался съ главною массою своихъ войскъ у Шабашевичей ***). Только 15 онъ двинулся, наконецъ, вверхъ по теченію рѣки ****). Около того же времени передовыя войска Витгенштейна показались у Борисова, и главнокомандующіе Дунайской и Двинской арміи получили, наконецъ, возможность дѣйствовать сообща противъ непріятели. Этого мало: начали приближаться и передовыя отряды главной русской арміи. Графъ Ожаровскій и Платовъ приблизились къ самой Березинѣ, Ермоловъ и Милорадовичъ слѣдовали непосредственно за ними.

Наступила послѣдняя удобная минута для окончательнаго сокрушенія остатковъ Наполеоновскихъ полчищъ, но наши главнокомандующіе не сумѣли воспользоваться ею. Любопытно, что Чичаговъ, оставаясь вѣренъ своему характеру, занятъ былъ и въ этотъ моментъ больше всего мелочными интересами своего личнаго тщеславія. Когда къ нему явился отъ Витгенштейна полковникъ Сеславинъ и предложилъ ему вопросъ, какимъ образомъ намѣренъ онъ дѣйствовать про-

---

*) Первый разъ починка потребовала три часа времени, а второй разъ четыре часа. Шамбре. Т. III, стр. 58.

***) См. Шамбре. Т. III. Когда Наполеонъ отдыхалъ въ крестьянской избѣ, мѣсто его занимали Мыратъ, Бертье или Лористонъ, стр. 59.

****) Хотя Чичаговъ зналъ уже въ это время о переправѣ непріятели у Студянки, однако онъ послалъ къ Борису только небольшой отрядъ генерала Рудчевича, предписавъ ему двинуться въ ту сторону, куда обстоятельства потребуютъ. См. „Русская Старина“ 1877., стр. 192.

*****) И въ этотъ день онъ дошелъ только до Борисова и остановился тутъ на ночлегъ. „Русская Старина“ 1877 г., стр. 193.

тивъ непріятеля, то адмираль прежде всего вывелъ изъ этого заключеніе, что Витгенштейнъ считаетъ себя независимымъ, никому ни подчиненнымъ начальникомъ и не скрылъ своего недовольства отъ самого пославца *). Наконецъ, онъ условился атаковать одновременно съ Витгенштейномъ непріятеля на обоихъ берегахъ Березины. Между тѣмъ уже вся почти непріятельская армія была на правомъ берегу. Въ полдень 15 числа перешла по мосту старая гвардія и переѣхалъ самъ императоръ, затѣмъ переправились Баденская дивизія и остатки корпусовъ вице-короля, Даву и Жюно. На лѣвомъ берегу оставался всего лишь одинъ корпусъ Виктора. Большая часть его расположилась близъ Студянки, только дивизія Партуно оставалась въ Борисовѣ, откуда ожидали нападенія Витгенштейна. Независимо отъ этихъ войскъ, на лѣвомъ берегу, близъ Студянки, оставались еще громадныя обозы и многочисленныя толпы безоружныхъ, раненныхъ, больныхъ, женщинъ и дѣтей. Никто не заботился особенно объ участи этихъ несчастныхъ. До шести часовъ 15 числа, пока проходили войска, имъ не дозволяли приближаться къ мосту. Наконецъ, когда всѣ строевыя войска, за исключеніемъ корпуса Виктора, перешли на правый берегъ, подавъ былъ сигналъ къ переправѣ безоружныхъ. Въ величайшемъ безпорядкѣ хлынули они со всѣхъ сторонъ къ мостамъ. Каждый хотѣлъ поспѣть первый къ переправѣ, всѣ толкали, давили, душили другъ друга. Люди, лошади, повозки смѣшались въ дикомъ безпорядкѣ. Образовалась такая невообразимая путаница, что только одиночные люди могли пробраться къ мостамъ, и то съ опасностью для жизни **). Большинство бѣглецовъ скоро утомилось въ страшной

*) „Около 10 ч. вечера явился ко мнѣ отъ графа Витгенштейна одинъ изъ нашихъ партизановъ, полковникъ Сеславинъ. Онъ спросилъ меня, какъ я буду дѣйствовать, такимъ тономъ, который мнѣ ясно доказывалъ, что Витгенштейнъ считаетъ себя независимымъ и намѣренъ распоряжаться по своему усмотрѣнію“. И такъ, кромѣ того, что помощь опоздала своимъ прибытіемъ, но здѣсь вѣшалось еще и мелочное самолюбіе, которое должно было вредить совокуинности нашихъ дѣйствій. Нужно замѣтить, что Витгенштейнъ никогда не былъ подчиненъ Чичагову. См. Записки Чичагова „Русскій Архивъ“ 1879 г., стр. 1169.

**) Шамбре. Т. III, стр. 60. Великая армія потеряла большую часть своихъ обозовъ и артиллеріи, но войска Удино и Виктора везли за собою громадныя обозы.

безплодной борьбѣ. Полная анатія и безчувственность заступила мѣсто лихорадочной суматохи. Наступила ночь, и десятки тысячъ этихъ несчастныхъ, казалось, забыли о переправѣ, о возможности спасти свою жизнь. Одни изъ нихъ лежали какъ мертвые у бивуачныхъ огней, другіе бродили по окрестностямъ, стараясь добыть гдѣ-нибудь кусокъ хлѣба или лошадиного мяса. Начало свѣтать, и со стороны Зембина слышались пушечные выстрѣлы: то Чичаговъ началъ нападеніе на маршала Удино. Императоръ сѣлъ на лошадь и поскакалъ на мѣсто боя. Но въ тоже самое время громъ пушекъ раздался и на лѣвомъ берегу рѣки: то Витгенштейнъ началъ тѣснить войска маршала Виктора *). Сраженіе закипѣло по обѣимъ сторонамъ рѣки. Судьба завоевателя поставлена была еще разъ на карту.

Очевидно, что судьба дня зависѣла во всѣхъ отношеніяхъ отъ Чичагова. Витгенштейнъ въ самомъ счастливомъ случаѣ могъ истребить лишь одинъ корпусъ Виктора и захватить въ плѣнъ толпы безоружныхъ и обозы. Чичаговъ имѣлъ дѣло съ самимъ Наполеономъ и съ главными силами его арміи. Численное превосходство было на сторонѣ адмирала, но онъ не сумѣлъ воспользоваться имъ **). Его войска, раздѣленные на четыре колонны, атаковали непріятели съ семи часовъ утра, но руководимыя нерѣшительными начальниками и потрясенныя неудачами предшествовавшихъ дней, подвигались впередъ медленно, какъ-бы оцупью. Сначала дѣло шло какъ будто-бы хорошо. Непрiятельскіе аванпосты, осыпаемые градомъ пуль нашихъ стрѣлковъ, подались назадъ. Колонна генерала Красовскаго, шедшая по опушкѣ лѣса, приблизилась къ рѣкѣ и открыла сильный огонь по непрiятельскимъ мостамъ. Сопротивленіе непрiятеля становилось между тѣмъ сильнѣе съ каж-

*) Гайн. Т. II, стр. 396.

***) Совершенно въ противномъ старается увѣрить насъ адмиралъ. Онъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что у него было всего 10000 пѣхоты, и что лѣсистая мѣстность не дозволила ему воспользоваться своею 9000 кавалеріею и 100 орудіями. Адмиралъ упустилъ при этомъ изъ виду, что у непрiятеля было еще менѣе пѣхоты и что лѣсистая мѣстность не позволяла Наполеону воспользоваться своею артиллеріею и конницею. См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1166.

дою минутою. На высотахъ у Брилей поставлена была главная масса непріятельской артиллеріи. Она открыла адскій огонь по нашимъ колоннамъ. Ядра летѣли градомъ, отламывая по пути громадныя древесныя сучья и причиняя страшную убыль нашимъ войскамъ. Но они все еще подвигались впередъ. Войска Чаплица, шедшія впереди, вышли на большую, открытую поляну. Какъ будто не ожидая атаки со стороны непріятеля, они подвигались впередъ рассыпнымъ строемъ. Войска резерва, долженствовавшія поддержать ихъ, находились далеко позади, на лѣвомъ флангѣ и были также рассыпаны по кустамъ. Непріятель спѣшилъ воспользоваться этими ошибками. Его пѣхота, построившись въ колонны, открыла убійственный огонь, а кавалерія бросилась въ атаку. Стремительный ударъ опрокинулъ войска Чаплица. Непріятельскіе всадники оружили самого Чаплица и другихъ генераловъ. Завязалась дикая свалка. Самъ Чаплицъ былъ раненъ въ голову; подъ нимъ и подъ генераломъ Войновымъ, получившимъ сильную коптузію, убиты были лошади. Непріятельскіе солдаты окружили князя Щербатова и начали тащить его съ коня. Только неожиданная атака эскадрона Павлоградскихъ гусаръ спасла нашихъ генераловъ отъ постыднаго плѣна. Но сраженіе было проиграно окончательно. Непріятельскія войска, въ рукахъ которыхъ осталось около 2000 плѣнныхъ, утвердились въ Зембинѣ и открыли себѣ путь на Виленскую дорогу *).

Между тѣмъ на лѣвомъ берегу Березины происходили ужасныя сцены, кипѣлъ послѣдній отчаянный бой. Дивизія Партуно, получившая приказъ защищать Борисовъ, была окружена уже вечеромъ 15 числа со всѣхъ сторонъ войсками Витгенштейна. Партуно пытался пробиться ночью къ Студянкѣ, но былъ встрѣченъ превосходными силами и послѣ ожесточенна-

*) Всѣ подробности объ этомъ сраженіи см. въ Запискахъ самого Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г. стр. 1171. Заключительныя слова адмирала: „мы продолжали битву до поздней ночи, удержались на своихъ мѣстахъ, но не могли подвинуться впередъ“, рѣшительно не имѣютъ смысла въ виду фактовъ, передаваемыхъ намъ самимъ. Не менѣе странно говорить Чичаговъ о плѣнныхъ, взятыхъ у него въ этотъ день: „Что-же касается до плѣнныхъ, взятыхъ у насъ, я никакъ не могъ добиться настоящаго числа ихъ, благодаря ложнымъ донесеніямъ, которыя вошли въ обыкновеніе въ русской арміи“. Записки Чичагова, тамъ-же.

го сопротивленія принужденъ положить оружіе. Въмѣстѣ съ его войсками захвачена была въ плѣнъ и масса отдѣльныхъ, по большей части, безоружныхъ солдатъ *). На другой день войска Витгенштейна атаковали корпусъ маршала Виктора. Обойдя его съ обоихъ фланговъ, они открыли убійственный огонь по непріятельскимъ войскамъ, безоружнымъ и обозамъ, столпившимся на берегу рѣки. Поднялось страшное смятеніе. Въ то время какъ войска Виктора пытались съ мужествомъ отчаянія задержать наше наступленіе, толпы безоружныхъ бросились къ мостамъ. Тѣ, у которыхъ были лошади, сбивали съ ногъ пѣхотинцевъ, преграждавшихъ имъ дорогу; экипажи и фургоны давили людей. Отовсюду среди грома пушечныхъ выстрѣловъ раздавались страшные крики и стоны несчастныхъ, раздавленныхъ колесами и конскими копытами. Прорваться къ мостамъ не было человѣческой возможности. Многіе бросались прямо въ рѣку, но шли ко дну, опрокинутые, сдавленные льдинами. Лошади, притиснутыя къ рѣкѣ, также бросались въ воду и тонули; другія сбивались цѣлыми табунами у мостовъ и преграждали къ нимъ путь **). Маршалъ Викторъ, желая дать безоружнымъ время перебраться за рѣку, приказалъ своимъ войскамъ перейти въ наступленіе. Хотя почти всѣ его войска состояли изъ поляковъ и особенно изъ нѣмцевъ ***), на измѣву которыхъ рассчитывали наши генералы, но они ринулись впередъ съ отчаянною храбростью. Въ теченіи цѣлаго дня кипѣлъ, не прерываясь, самый ужасный бой. Неоднократно непріятельскія войска бросались въ атаку; разъ имъ удалось даже отчаяннымъ натискомъ прорвать нашъ центръ. Но Витгенштейнъ постоянно вводилъ въ дѣло подходившія къ нему свѣжія войска, и силы Виктора начали постепенно осла-

*) Партуно сдался послѣ ожесточеннаго сопротивленія, потерявъ половину своихъ людей. Въмѣстѣ съ дивизіею Партуно въ руки Витгенштейна попало еще отъ 5 до 6 тысячъ отсталыхъ солдатъ и масса багажа. См. Шамбре. Т. III, стр. 63—65; Фенъ. Т. II, стр. 389 и слѣд.

***) Объ этомъ страшномъ смятеніи см. Шамбре. Т. III, стр. 69; Фенъ. Т. II, стр. 400.

***) Изъ двухъ дивизій Виктора была одна польская, другая нѣмецкая, кавалерія была вся нѣмецкая. Изъ четырехъ дивизій Удино одна состояла изъ поляковъ, другая изъ швейцарцевъ и кроатовъ; только двѣ дивизіи были французскія.

бѣвать въ неравной борьбѣ *). Наступила ночь, непріятель былъ притиснуть къ самой рѣкѣ и селенію Студянкѣ, и Викторъ понялъ невозможность защищать далѣе переправу. Надо было отказаться отъ мысли спасти безоружныхъ и обозы. Съ оружіемъ въ рукахъ, по трупамъ и тѣламъ живыхъ проложили себѣ дорогу къ мостамъ его войска. Небольшой арьергардъ, оставленный у Студянки, пытался спасти безоружныхъ, но тщетно. По переходѣ войскъ все такъ сдавилось и спуталось на берегу, что невозможно было подойти къ мосту. Генераль Эбле приказалъ своимъ понтонерамъ проложить трапшею черезъ эти горы повозокъ, черезъ эти груды мертваго и живаго мяса. Они принялись за дѣло съ дикою энергіею: сгоняли лошадей въ воду, втаскивали на мостъ повозки и опрокидывали ихъ въ рѣку, сворачивали въ сторону груды раздавленныхъ, обезображенныхъ труповъ **). Но и силы этихъ героическихъ людей, жертвовавшихъ своею жизнью для спасенія остатковъ арміи, должны были истощиться подъ конецъ въ этомъ дикомъ хаосѣ смерти и безпорядка. Наступило восемь съ половиною часовъ утра: а почти всѣ безоружные и обозы продолжали толпиться на лѣвомъ берегу рѣки. Для этихъ несчастныхъ пробилъ теперь послѣдній часъ. Арьергарду Виктора приказано было перейти черезъ рѣку и зажечь мосты ***). Трапшея, проложенная понтонерами Эбле, уже взкрылась и войска должны были пролагать себѣ путь оружіемъ черезъ сплошную массу народа. Эта послѣдняя сцена была ужасна. „Французы, говоритъ очевидецъ, должны были дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ безоружныхъ земляковъ и боевыхъ товарищей“ ****). Войска арьергарда, перейдя рѣку, немедленно же

*) Показанія французовъ, въ томъ числѣ и Шамбре, что силы Витгенштейна въ пять разъ превосходили силы Виктора, во всякомъ случаѣ крайне преувеличены. У Виктора было около 11000, со стороны Витгенштейна въ бою принимали участіе не болѣе 16000 человекъ, остальные войска подошли только къ ночи. См. „Русская Старина“ 1877 года, стр. 199.

***) Шамбре. Т. III, стр. 72.

****) Викторъ и Эбле употребляли передъ тѣмъ всѣ усилія, чтобы побудить остальныхъ перейти черезъ мостъ, они приказывали даже жечь повозки, — все тщетно. См. Шамбре. Т. III, стр. 73.

*****) Фенъ. Т. II, стр. 400.

зажгли мосты. Пламя мгновенно охватило сухія балки; густые клубы чернаго дыму подыались надъ рѣкою. Дикіе вопли отчаянія огласили лѣвый берегъ. Теперь, когда послѣдніе шансы спасенія исчезли, эти несчастные, напрягая послѣднія силы, бросились къ рѣкѣ. Многіе пытались перейти по горящимъ мостамъ, другіе старались пробраться по льдинамъ, спершимся между обоими мостами, но тѣ и другіе гибли въ борьбѣ со смертію: Одни, охваченные пламенемъ, ослѣпленные дымомъ, валились съ моста въ воду, другіе погружали льдины своею тяжестью въ воду и шли ко дну *).

Войска Витгенштейна между тѣмъ придвинулись къ самымъ мостамъ. Гулъ артиллерійскихъ орудій внезапно умолкъ, какъ бы ужаснувшись страшнаго зрѣлища, открывшагося передъ нимъ. Пространство на квадратную версту было покрыто полуразломанными экипажами, фурами, повозками; по землѣ валялись груды добычи, захваченной въ Москвѣ, всевозможные предметы роскоши. Между этими предметами валялись повсюду трупы, ползали раненые и умирающіе, бродили голодные, полузамерзшіе люди. Между солдатами, одѣтыми въ лохмотья, виднѣлись во множествѣ женщины и дѣти. У самыхъ мостовъ тѣла убитыхъ и раздавленныхъ лежали цѣлыми кучами **). Всѣ крестьянскія избы, уцѣлѣвшія отъ разрушенія, были переполнены мертвецами и умирающими. Рѣка была запружена несмѣтнымъ количествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей. Цѣлые эскадроны всадниковъ, бросившихся въ рѣку, виднѣлись мѣстами изъ-подъ льдинъ, сбившихся надъ ними. Мѣстами надъ поверхностью воды виднѣлись какъ статуи оконченнѣвшіе кавалеристы верхомъ на лошадяхъ, въ томъ положеніи, какъ застала ихъ смерть ***). Морозъ возрасталъ съ минуты на минуту и положеніе несчастныхъ непріятелей, оставшихся въ живыхъ, особенно женщинъ и дѣтей, становилось

*) Объ этомъ послѣднемъ и быть можетъ самомъ ужасномъ моментѣ переправы см. Фенъ, т. II, стр. 408 и слѣд.; Шамбре. Т. III, стр. 73—74; Фезензакъ, стр. 339 и слѣд.

**) Шамбре. Т. III, стр. 74; Сегюръ. Т. II, стр. 472. Шамбре говорятъ, что казаки Витгенштейна захватили 5000 плѣнныхъ и колоссальную добычу. Донесеніе графа Витгенштейна государю отъ 17 ноября (у Богдановича).

***) См. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1176.

все ужаснѣе. Собирая послѣднія силы, подходили и подползали они къ нашимъ солдатамъ и со слезами выпрашивали у нихъ кусокъ хлѣба. За обгрызокъ русскаго сухаря, надъ которымъ такъ потѣшались прежде французы, отдавали они теперь послѣднее свое достояніе, всю свою добычу. Офицеры предлагали за кусокъ хлѣба кольца, часы и послѣднія деньги. Наши солдаты не могли смотрѣть безъ сожалѣнія на этихъ несчастныхъ. Они дѣлились съ непріятелями, особенно съ женщинами и дѣтьми, своими послѣдними крохами *). Совершенно иначе относились къ французамъ наши казаки. Хищническіе инстинкты преобладали у нихъ надъ всѣмъ остальнымъ, надъ чувствомъ состраданія. Какъ волки рыскали они по страшному полю бояща, среди замерзшихъ болотъ и прибрежныхъ лѣсовъ. Не довольствуясь валявшеюся повсюду добычею, они обыскивали трупы убитыхъ и раздѣвали ихъ до-гола. Съ опасностью жизни вытаскивали они изъ рѣки мертвецовъ; покончивъ съ мертвыми, они принимались за живыхъ и сдирали съ нихъ послѣднія лохмотья, не смотря на ихъ слезы и жалобные крики **).

Наступила ночь и страданія непріятелей, брошенныхъ на произволъ судьбы, достигли до своей крайней степени. Генералы, отдохавшіе въ сосѣднихъ избахъ, не могли уснуть отъ раздирающихъ душу воплей. Многіе изъ непріятелей пытались перелѣзть черезъ заборы и пробраться въ избы, но это послѣднее усиліе окончательно убивало ихъ. Чичаговъ, выйдя утромъ изъ своей квартиры, нашель вокругъ ея множество замерзшихъ. Они лежали въ самыхъ различныхъ позахъ, одни съ поднятыми руками, другіе съ поднятыми ногами***).

*) Богдановичъ. „Исторія отечественной войны“. Т. III, стр. 283.

**) „Потрясающая картина бѣдствій непріятеля не производила большаго впечатлѣнія на нашихъ казаковъ, которые только и думали какъ-бы воспользоваться случаемъ поживиться; имъ однако не такъ много досталось добычи, какъ казакамъ Платова, Виттетштейна на правомъ берегу, которые взяли повозки съ золотыми, серебрянными и другими драгоценными вещами, награбленными непріятелемъ въ Москвѣ. Поэтому мои казаки вытаскивали изъ рѣки тѣла и обирали платье ихъ, часы и кошельки. Такъ какъ этотъ промыселъ не казался имъ довольно выгоднымъ, то они ссымали платье съ оставшихся въ живыхъ французовъ“ п т. д. Записки Чичагова, „Русскій Архивъ“ 1869 г., стр. 1176.

***) Записки Чичагова, стр. 1177.

По всѣмъ окрестнымъ лѣсамъ и болотамъ валялись трупы. Курьеры, отправляемые изъ нашей арміи, часто принуждены были останавливаться на пути, очищать дорогу отъ труповъ и вытаскивать мертвецовъ, попавшихъ между полозьями ихъ саней *). Медленное теченіе Березины, замедляемое къ тому же пловучими льдинами, не въ состояніи было пронести огромнаго количества труповъ. По срединѣ рѣки, противъ самой Студянки, образовался цѣлый островъ изъ людскихъ и лошадиныхъ остововъ. Этотъ страшный монументъ переправы виднѣлся до самаго весенняго половодья **). Весною Минскій губернаторъ приказалъ собирать и сжигать трупы, валявшіеся между Борисовымъ, Студянкою и въ окрестностяхъ. Однихъ человѣческихъ труповъ сожжено было 24000 ***).

Уже одна эта цифра показываетъ, какія громадныя потери понесла армія Наполеона при переправѣ черезъ Березину. Въ битвахъ на обоихъ берегахъ рѣки погибло около 6000 человѣкъ, почти столько же утонуло и замерзло, болѣе 12000 было взято въ плѣнъ. Изъ всей старой гвардіи, почти не принимавшей участія въ сраженіи, осталось въ строю не болѣе 2000 человѣкъ. До Березины у Наполеона было подъ ружьемъ около 30000 ч., послѣ Березины у него осталось всего 9000. Но потерю въ регулярныхъ войскахъ не исчерпывались человѣческія жертвы, принесенныя въ эти страшные дни. Изъ числа безоружныхъ, сопровождавшихъ Наполеона, погибло или попало въ плѣнъ не менѣе 25000 ч. Вся потеря французовъ подъ Березиною доходила, слѣдовательно, до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Великая армія, можно сказать, уже не существовала послѣ этой несчастной переправы ****).

*) Записки Чичагова, стр. 1177.

***) Бернгарди замѣчаетъ, что этотъ островъ, образовавшійся изъ остововъ, существуетъ и по-нынѣ. См. Бернгарди. Т. III, стр. 340.

****) Записки Чичагова, стр. 1178.

*****) О потеряхъ французской арміи при Березинѣ нѣтъ совершенно точныхъ указаній. Фенъ полагаетъ, что потеря одними плѣнными (въ томъ числѣ отсталые) доходила до 15000 ч. и сраженіе при Березинѣ, замѣчаетъ Шамбре, было очень кровопролитно, но потери французовъ, принужденныхъ бросить своихъ раненныхъ, были чувствительнѣе. Тамъ на Березинѣ совершились судьбы великой арміи, передъ которой дрожала Европа; въ военномъ отношеніи она перестала су-

Какъ ни велики были эти результаты, но успѣхъ могъ-бы быть несравненно полнѣе и совершеннѣе, если бы наши главнокомандующіе стояли въ эти дни на высотѣ своей задачи. Мы не говоримъ о Кутузовѣ, который, по своей или не своей винѣ, отсталъ въ это время далеко отъ непріятеля, а о генералахъ, распорядившихся подъ Березиною. Никто изъ нихъ не можетъ быть вполнѣ оправданъ отъ обвиненій, падающихъ на него. Витгенштейнъ дѣйствовалъ слишкомъ медленно и нерѣшительно и ограничился одною атакою на непріятельскій арьергардъ. Но главная и самая тяжелая доля вины падаетъ безъ сомнѣнія на тщеславнаго и мелочнаго адмирала. На берегахъ Березины онъ доказалъ какъ нельзя болѣе свою полную военную несостоятельность. Благодаря его непостижимымъ распоряженіямъ, Наполеонъ успѣлъ одержать цѣлый рядъ побѣдъ надъ Дунайскою арміею и, если не спасти свою армію, то спасти самого себя, своихъ маршаловъ, большинство генераловъ, множество офицеровъ и сержантовъ, т. е. именно тѣ элементы, при помощи которыхъ образовалъ онъ потомъ съ такою невѣроятною быстротою новую полумилліонную армію. Но то былъ пока еще вопросъ темнаго будущаго *); въ самый же

ществовать; ей не оставалось теперь иного спасенія кромѣ бѣгства. Т. III, стр. 71. Фезензакъ говоритъ, что въ ужасный день переправы погибло 15000 ч. „Souvenirs militaires“, стр. 336. Сегюръ опредѣляетъ потерю великой арміи въ 20000 чел. Эта послѣдняя цифра, особенно если она относится къ однимъ вооруженнымъ и оставшимся въ строю солдатамъ, наиболѣе близка къ дѣйствительности, такъ какъ Наполеонова армія, насчитывавшая въ своихъ рядахъ до переправы болѣе 30000 ч., уменьшилась послѣ нея до 9000 ч.

*) Наглость Чичагова выразилась особенно рельефно въ его донесеніи императору о переправѣ черезъ Березину. Сначала онъ говоритъ о томъ, какъ, стоя у Борисова, онъ задерживалъ непріятеля въ теченіи трехъ дней, какъ потомъ, прійдя къ убѣжденію, что Наполеонъ направится къ югу, онъ не помѣшалъ непріятелю устроить переправу у Студянки. „Болото и дѣсь по этому берегу, возвышенность по другому сдѣлали бесполезнымъ препятствовать его переправѣ. Впрочемъ, рѣка такъ узка и мелка, что иѣхота его перевезена была на лошадахъ полъ прикрытіемъ сзади устроенной на высотахъ батареи“. О сраженіи 16 ноября Чичаговъ говоритъ какъ-то вскользь. Численность Наполеоновыхъ войскъ онъ опредѣляетъ въ 70000 ч. и замѣчаетъ, что онъ ничего не могъ сдѣлать противъ нея съ 18 или 19 тысячами своей иѣхоты. „Впрочемъ, непріятель былъ отброшенъ на 4 или на 5 верстѣ, съ потерю одного орудія, иѣсколькихъ офицеровъ, сотни плѣнныхъ и многихъ убитыхъ, потому что, признаюсь, я приказалъ солдатамъ не обременять насъ слишкомъ плѣнными, которые намъ въ тягость“.

моментъ совершающихся событій должно было ясно представиться передъ глазами всѣхъ, способныхъ понимать истину, одно потрясающее и возвышающее душу явленіе. Наши операціонные планы оказались несостоятельными, наши генералы соперничали другъ съ другомъ въ страшныхъ ошибкахъ и упущеніяхъ, а между тѣмъ конечный результатъ превзошелъ наши ожиданія. Провидѣніе, столь явно покровительствовавшее намъ въ теченіи всей этой безпримѣрной войны, обращало въ спасеніе и славу наши заблужденія и губило нашего геніальнаго противника, не смотря на всѣ счастливыя случайности, выручавшія его, повидимому, на каждомъ шагѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Подъ Малоярославцемъ мы очистили путь Наполеону на Калугу, а онъ, ослѣпленный самою судьбою, повернулъ на опустошенную Смоленскую дорогу. Подъ Краснымъ мы пропустили почти безъ боя разрозненные корпуса великой арміи, но одинъ изъ нихъ, о существованіи котораго забыли, казалось, и мы и непріатели, попалъ неожиданно въ наши руки и былъ истребленъ нами почти до послѣдняго человѣка, не смотря на героизмъ и военные таланты своего неустрашимого вождя. Мы усугубили и утроили наши ошибки на Березинѣ, мы устроили бѣгущему Наполеону, въ полномъ смыслѣ, золотой мостъ; мы позволили слабому, можно сказать, издыхающему противнику разбить насъ на лѣвомъ берегу, отразить наши нападенія на правомъ;—и что-же? Наполеонъ дѣйствительно спасся, но его армія уже не существовала послѣ Березины. Число всѣхъ солдатъ, сохранившихъ оружіе, уменьшилось до 9000 человѣкъ; войска Виктора и Удино еще почти что свѣжія, нетронутыя нѣсколько дней тому назадъ, пришли въ такое-же плачевное состояніе, какъ и корпуса бывшей великой арміи. Непріятельскіе солдаты утратили послѣ Березины послѣдніе слѣды воинственнаго духа и дисциплины. Послѣд-

---

Чичаговъ кончаетъ свое донесеніе словами, къ которыхъ сказался онъ весь со всею своею невѣроятною наглостью. Врядъ-ли бы кто-нибудь другой отважился помѣстить подобныя слова въ донесеніи императору. Вотъ они: „Сію минуту узнаю, что непріатель уходитъ; буду его преслѣдовать. Можно надѣяться, что придутъ потомъ и всѣ другіе, и непріатель отсюда до *Парижа* потерпитъ много потерь“.

нее страшное усиліе поглотило всѣ ихъ нравственныя и физическія силы. Отнынѣ они уже не въ состояніи болѣе сражаться, отбивать атаки преслѣдующаго непріятели, предлагать себѣ путь съ оружіемъ въ рукахъ. Они могутъ только бѣжать, бѣжать безъ оглядки, гонимые безсмысленнымъ страхомъ и животнымъ инстинктомъ самосохраненія. Нѣтъ уже болѣе надобности преслѣдовать ихъ регулярными войсками; достаточно однихъ казаковъ и мороза, чтобы добивать ихъ, чтобы прекратить ихъ предсмертную агонію.

Какъ-же должны были подѣйствовать на умы и сердца современниковъ эти неожиданныя, небывалыя послѣдствія сражений нерѣшительныхъ, дѣйствій нерѣдко ошибочныхъ и почти всегда запоздалыхъ? Не должны-ли они были вызвать въ сердцахъ вѣрующихъ непобѣдимое убѣжденіе, что мы сильны были помощію свыше, что Самъ Господь Всемогуцій поборалъ по насъ, что не намъ, а Ему обязаны мы своимъ спасеніемъ, своею побѣдою, своею славою. Люди міра сего продолжали толковать и въ это великое время о счастливыхъ случайностяхъ, о заслугахъ и ошибкахъ того или другаго лица. Массы же народныя и люди, озаренные внутреннимъ свѣтомъ религіи, могли только преклоняться передъ величіемъ и ужасомъ страшнаго суда, совершившагося передъ ихъ глазами. „Не намъ, не намъ“, говорили они вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, „а имени Твоему даждь славу“.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

НАШИ НОВЫЕ „ФИЛОСОФЫ И БОГОСЛОВЫ“.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

(Продолженіе *).

II.

Литературная и педагогическая дѣятельность при смутной
вѣрѣ въ прогрессъ.

Мы слышали рассказъ графа о томъ, что его юность и первая молодость, при всемъ его стремленіи къ хорошему, прошла въ бурныхъ волненіяхъ эгоистическихъ влеченій. Его несчастіе состояло въ томъ, что онъ едва-ли не съ самаго рожденія вращался въ средѣ неограниченнаго господства страстей. Вслѣдствіе вліянія этой среды, возбуждавшей только низшую сторону его богато одаренной природы, его эгоизмъ рано долженъ былъ достигнуть значительной степени своего развитія. Но эгоизмъ, достигшій высокой степени развитія, любитъ господство надъ окружающимъ обществомъ, на которое онъ смотритъ какъ на средство для своего удовлетворенія. Онъ ищетъ расширенія своего вліянія во-внѣ и требуетъ подчиненія. Онъ каждую секунду стремится вмѣшаться въ теченіе окружающей его жизни, чтобы ассимилировать ее себѣ, переработать по своему; ибо для него невыносимо оставить ее идти своимъ порядкомъ, отказаться отъ видной въ ней роли. Можетъ быть отъ этого-то, во времена особеннаго господства эгоистическихъ

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 20.

стремленій, и бываетъ такъ много людей, которые всюду суются и во все вмѣшиваются. У графа это стремленіе проявить свое вліяніе въ окружающей его средѣ, чтобы достигнуть господства надъ окружающими его людьми, выразилось въ литературной и педагогической дѣятельности. Литература и воспитаніе, конечно, два могущественнѣйшихъ средства къ тому, чтобы господствовать надъ умами и характерами людей. И графъ избралъ именно эти два средства, присоединивъ къ нимъ въ послѣдствіи вліяніе въ сферѣ мѣстной администраціи въ качествѣ мирового посредника. Что его литературная дѣятельность была не выраженіемъ безкорыстной любви къ истинѣ, что его педагогическіе опыты были не чистымъ служеніемъ добру, но именно выраженіемъ суетныхъ эгоистическихъ влеченій, своекорыстной „похоти“ учить другихъ, не зная чему—это доказывается собственными признаніями графа. Правда, въ этихъ признаніяхъ замѣтно нѣкоторое преувеличеніе въ дурную сторону: авторъ не щадитъ себя, не щадитъ и другихъ своихъ собратій; но и при всѣхъ этихъ преувеличеніяхъ нельзя не видѣть, что въ нихъ есть доля правды. И мнѣ кажется, что въ этой правдѣ заключается ключъ къ уразумѣнію того, какимъ образомъ въ нашей литературѣ появились „писаки“ и „развиватели“ молодыхъ людей, т. е. тѣ литературные и педагогическіе шарлатаны, которые много головъ, особенно молодыхъ, сбивали съ толку въ послѣднее время. Послушаемъ однако рассказъ графа, не чуждый впрочемъ нѣкоторыхъ неясностей.

„Въ это время (т. е. спустя 10 лѣтъ по выходѣ изъ университета со 2-го курса) я сталъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости. Въ писаніяхъ своихъ я дѣлалъ тоже самое, что въ жизни. Для того, чтобы имѣть славу, надо было скрывать хорошее и выказывать дурное. Я такъ и дѣлалъ. Сколько разъ я ухитрялся скрывать въ писаніяхъ своихъ, подъ видомъ равнодушія и даже легкой насмѣшливости, тѣ мои стремленія къ добру, которыя составляли смыслъ моей жизни. И я достигалъ этого: меня хвалили.—26-ти лѣтъ я пріѣхалъ послѣ войны (Крымской) въ Петербургъ и сошелся съ писателями. Меня приняли какъ своего, льстили мнѣ. И не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь

тѣхъ людей, съ которыми я сошелся, усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала. Взглядъ на жизнь этихъ людей, моихъ сотоварищей по писанію, состоялъ въ томъ, что жизнь вообще идетъ (сама?) развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, художники-поэты. Наше призваніе—учить людей. Для того-же, чтобы не представился естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить?—въ теоріи этой было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и потому мнѣ было очень естественно усвоить эту теорію. Я художникъ, поэтъ, писалъ, училъ, не знаю самъ, чему; мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушанье, помещеніе, общество; у меня была слава. Стало быть то, чему я училъ, было очень хорошо. (Не очень-ли ужъ наивное это разсужденіе?)—Вѣра эта въ значеніе поэзии и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень выгодно и пріятно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собой. Одни говорили: мы самые лучшіе и полезныя учителя; мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. А другіе говорили: нѣтъ, мы настоящіе, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Кромѣ того было много между ними людей и не заботящихся о томъ, кто правъ, кто виноватъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощію этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усумниться въ истинности этой нашей вѣры. Тогда я сталъ внимательно наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы ея, писатели, были люди *) въ

*) Здѣсь пропущено нѣсколько словъ, вѣроятно, искаженныхъ переписчикомъ рукописи.

большинствѣ плохѣ, ничтожныя по характерамъ, много ниже тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней разгульной и военной жизни, но самоувѣренныя и довольныя собою, какъ только могутъ быть довольны люди совершенно святые, или такіе, кои и не знаютъ, что такое святость. Люди эти мнѣ опротивѣли и самъ я себѣ опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта обманъ.—Но странно то, что хотя всю эту ложь вѣры я понялъ скоро и отрекся отъ нея (sic!), но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми, чина художника, поэта, учителя—я не отрекся. Я паивно воображалъ, что я поэтъ-художникъ и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ. Изъ сближенія съ этими людьми я выпесъ новый порокъ,— до болѣзненности (sic!) развившуюся гордость и сумасшедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему“.

Итакъ, по словамъ графа, онъ началъ писать изъ тщеславія, корыстолюбія и гордости, а не изъ любви къ истинѣ. Свою разгульную военную жизнь, которой тоже вѣроятно не чужды были нѣкоторыя изъ этихъ страстей, онъ промѣнялъ на нѣкоторое шарлатанство въ литературѣ, чтобы удовлетворить этимъ страстямъ. Чтобы заглушить въ себѣ нѣкоторое смутное чувство целовкости этого шарлатанства, онъ особенно быстро усвоилъ ученіе о томъ, что поэтъ учить безсознательно и что онъ именно такой учитель. Такимъ образомъ, до болѣзненности развившаяся гордость не была для него новымъ порокомъ, вынесеннымъ изъ сближенія съ литературными дѣятелями, какъ онъ говоритъ, но это было продолженіе стараго порока, только лишь теперъ усиленнаго теоріею безсознательнаго учительства. Эта до болѣзненности развившаяся гордость по всѣмъ вѣроятіямъ была причиною, почему напему поэту скоро опротивѣли эти писатели. Мнѣ кажется, вовсе не то, что это писатели спорили между собою, оттолкнуло отъ нихъ графа. Не нужно двухъ-лѣтнихъ наблюденій, чтобы видѣть несогласіе писателей между собою. Отъ вѣка они во взаимномъ спорѣ и каждый журналъ съ первой строки можетъ убѣдить васъ въ этомъ. Трудно допустить, чтобы когда-нибудь графъ не зналъ этого. А если такъ, то не это оттолкнуло его отъ

литераторовъ, а до болѣзненности развившаяся гордость, та гордость, которая штабнаго офицера отталкиваетъ отъ армейскаго, графа отъ разночинца, крупную литературную величину, каковою себя сознавалъ графъ, отъ мелкой. Штабные все же лучше всѣхъ для него остались. Напрасно также графъ увѣряетъ, что онъ скоро помялъ ложь вѣры въ безсознательное учительство и отрекся отъ нея, но лишь сохранилъ чинъ литератора. Онъ не отрекался отъ этой вѣры, если, по его-же словамъ, сохранилъ „сумасшедшую увѣренность въ томъ, что онъ призванъ учить людей, самъ не зная чему“. Говорить, что помялъ ложь этой вѣры, что отрекся отъ нея и вмѣстѣ сохраняетъ увѣренность въ ней—это ничто болѣе, чѣмъ брестая игра словами. Тутъ гдѣ-нибудь есть фальшь. И фальшь эта сама собою обнаруживается изъ дальнѣйшаго разсказа графа, изъ котораго видно, что онъ и его сотоварищи въ то время совсѣмъ не замѣчали лжи этой вѣры, но какъ сумасшедшіе были вполне *убѣждены*, что они должны какъ разъ поступать сообразно этой вѣрѣ. Даже болше, при продолженіи разсказа, графъ прямо утверждаетъ, что поѣздка за границу еще болѣе утвердила его въ той твердой „вѣрѣ въ совершенствованіе вообще, которою онъ жилъ“. И приведу въ подлинникѣ его разсказъ между прочимъ потому, что въ немъ есть указаніе на то, въ чемъ состояла эта вѣра въ усовершенствованіе, которой они служили и органами которой они себя считали.

„Теперь вспоминая объ этомъ своемъ настроеніи тогда и настроеніи тѣхъ людей (т. е. литераторовъ), какихъ впрочемъ и теперь тысячи, мнѣ и жалко, и страшно, и смѣшно*),—возникаетъ именно то самое чувство, которое испытываешь въ домѣ сумасшедшихъ. Мы все тогда были убѣждены, что намъ нужно говорить, писать, печатать, какъ можно скорѣе, какъ можно болше, что все это нужно для блага человѣчества. И тысячи насъ, отрицая, ругая другъ друга, печатали, писали, поучая другихъ и не замѣчая того, что мы ничего не знаемъ,

*) Это противное русскому языку построеніе фразы встрѣчается и въ другомъ сочиненіи графа: „Въ чемъ моя вѣра!“ на стр. 7: „Читай эти правила, на меня находила радостная увѣренность“ и т. д.

что мы на самый простой вопросъ жизни: что хорошо, что дурно, не знаемъ, что отвѣчать; мы всѣ, не слушая другъ друга, всѣ за-разъ говорили, иногда потакая другъ другу съ тѣмъ, чтобы и мнѣ потакали, иногда-же раздражаясь другъ противъ друга совершенно какъ въ сумасшедшемъ домѣ. Тысячи рабочихъ изъ послѣднихъ силъ работали, набирали, печатали миллионы словъ, и почта развозила ихъ по всей Россіи, а мы все еще больше учили, и никакъ не успѣвали всему научить, и все сердились, что насъ мало сознаютъ. Ужасно странно; но мнѣ теперь понятно. Настоящими задушевными разсужденіями нашими было то, что мы хотѣли какъ можно больше получать денегъ и похвалъ. Для достиженія этой цѣли мы ничего другаго не успѣвали дѣлать, какъ только писать книжки и газеты, что мы и дѣлали. Но для того, чтобы дѣлать столь бесполезное дѣло и имѣть увѣренность, что мы важные люди, намъ нужно было еще разсужденіе, которое оправдывало бы нашу дѣятельность. И вотъ у насъ было придумано слѣдующее: все, что существуетъ—разумно. Все, что существуетъ, все развивается. Развивается-же посредствомъ просвѣщенія. Просвѣщеніе-же измѣряется распространеніемъ книгъ и газетъ. А намъ платятъ деньги и насъ уважаютъ за то, что мы пишемъ книги и газеты, и потому мы самые полезные и хорошие люди. Разсужденіе это было-бы очень хорошо (будто-бы?), если-бы мы всѣ были согласны; но такъ какъ на каждую мысль, высказываемую однимъ, являлась всегда мысль диаметрально-противоположная, высказываемая другимъ, то это должно-бы было заставить насъ одуматься. Но мы этого не замѣчали: намъ платили деньги, и люди нашей партіи насъ хвалили,—стало быть мы, каждый изъ насъ, считали себя правыми. Теперь мнѣ ясно, что разницы съ сумасшедшимъ домоу никакой не было; тогда-же я только смутно подозрѣвалъ это, и то только, какъ всѣ сумасшедшіе, называлъ всѣхъ сумасшедшими кромѣ себя“.

Читатель! Не лестное это изображеніе нашей прессы! Эта руководительница общества, эта представительница интеллигенціи нашей,—она сумасшедшій домъ! Говорить объ этомъ лицо компетентное и мы съ вами не имѣемъ права не вѣрить. Что

въ нашей прессѣ господствуетъ какое-то смѣшеніе языковъ, что по временамъ она отличается непониманіемъ самаго простаго и жизненнаго, что ею также управляютъ страсти, какъ и всѣми людьми, что служеніе принципамъ есть только маска или оправданіе этихъ страстей,—это вѣроятно не разъ приходило въ голову каждому, кто пристально слѣдилъ за нашими органами печати. Особенно бьетъ въ глаза господство общей фразы, которая замѣняетъ убѣжденіе и мысль. За исключеніемъ одной—двухъ газетъ, прессой нашей управляютъ не принципы, не твердо выработанныя и ясно сознаанныя убѣжденія, а взятая на прокатъ чужія, общія фразы. Эти общія фразы употребляются цѣлыми массами безъ яснаго отчета, безъ твердаго пониманія ихъ смысла. Писатели ихъ пишутъ, читатели ихъ читаютъ, но просвѣтленія отъ этого нѣтъ, а есть лишь одинъ туманъ. И нельзя сказать, что торговля этими фразами есть простое сумасшествіе. Тутъ есть значительная доля шарлатанства. Это очень безотрадный фактъ, особенно если подумать, что и въ вѣкоторыхъ quasi-ученыхъ книгахъ иногда попадаются весьма недвусмысленные признаки такого-же положенія дѣла. Слабымъ утѣшеніемъ можетъ намъ служить въ этомъ лишь то, что надъ всѣмъ этимъ хаосомъ страстей, надъ всѣмъ этимъ смѣшеніемъ языковъ и базарнымъ шумомъ выступаетъ и посится нѣчто идеальное, хотя и опонленное общемою фразою: я разумью всеобщую вѣру въ прогрессъ. Я не могу прямо признать, что эта вѣра служитъ только прикрытіемъ нашего шарлатанства въ литературѣ; я не думаю, чтобы прогрессъ былъ придуманъ только для самооправданія. Миѣ кажется, что въ него дѣйствительно вѣруютъ. Безъ вѣры жить нельзя, и потому на мѣсто истинной вѣры всегда выступаетъ суевѣріе, или вѣра въ то, чего ясно не сознаютъ. Поэтому миѣ кажется, что въ замѣнъ истинной вѣры теперь дѣйствительно вѣрятъ въ прогрессъ, хотя и безъ яснаго сознанія того, куда ведетъ насъ этотъ прогрессъ. И графъ отлично характеризуетъ эту вѣру въ своемъ разсказѣ о поѣздкѣ за-границу.

„Такъ я жилъ, предаваясь этому (т. е. литературѣ) безумно еще 6 лѣтъ, до моей женитьбы. Въ это время я поѣхалъ за-границу. Жизнь въ Европѣ и сближеніе мое съ передовыми и

учеными людьми утвердили меня еще больше въ той твердой вѣрѣ въ совершенствованіе вообще, въ которой я жилъ; потому что ту-же самую вѣру нашелъ я и у нихъ. Вѣра эта приняла во мнѣ ту общую форму, которую она имѣетъ у большинства образованныхъ людей нашего времени. Вѣра эта выражалась словомъ: „прогрессъ“. Тогда мнѣ казалось, что этимъ словомъ выражается что-то. Я не понималъ еще того, что мучимый, какъ всякій живой человѣкъ, вопросами, какъ мнѣ лучше жить, я, отвѣчая: жить сообразно съ прогрессомъ, отвѣчаю совершенно тоже, что отвѣтитъ человѣкъ, уносимый теченіемъ, на главный и единственный вопросъ: куда держаться?—если скажетъ: „насъ несетъ куда-то?“ Тогда я не замѣчалъ этого. Только изрѣдка не разумъ, а чувства возмущались противъ этого общаго въ наше время суевѣрія, которымъ люди заслоняютъ отъ себя свое непониманіе жизни. Такъ, въ бытность мою въ Парижѣ, видъ гильотины обличилъ мнѣ шаткость (вѣроятно неосновательность?) моей вѣры въ прогрессъ. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то и другое вдругъ застучало въ ящикъ, я понялъ, — не умою, а всѣмъ существомъ, что никакія теоріи разумности существующаго и прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если-бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ-бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно, и что судья тому, что хорошо и нужно, не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди и не прогрессъ, а я съ своимъ сердцемъ. Другой случай знанія недостаточности для жизни суевѣрія прогресса была смерть моего брата. Умный, добрый, серьезный человѣкъ, онъ заболѣлъ молодымъ, страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ и еще менѣе понимая, зачѣмъ умираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго угасанія. Но это были только рѣдкіе случаи сомнѣнія; въ сущности-же я продолжалъ жизнь, исповѣдуя только вѣру въ прогрессъ. „Все развивается и я развиваюсь; а зачѣмъ это я развиваюсь вмѣстѣ со всѣми—это видно будетъ“. Такъ-бы я тогда долженъ былъ формулировать свою вѣру“.

Ясно, что теорія прогресса, руководившая графомъ и можетъ быть теперь продолжающая предпосылаемая взору нашей прессы и интеллигенціи, была снована не на убѣжденіи, не на пониманіи, не на разсудкѣ, а на вѣрѣ. Есть фактъ, именуемый прогрессомъ; но въ чемъ заключается цѣль прогресса и какія его причины, словомъ, какъ возможенъ прогрессъ, объ этомъ теорія ничего не говоритъ. А между тѣмъ, только при рѣшеніи вопросовъ о причинахъ и цѣли, фактъ этотъ получаетъ смыслъ и значеніе. Странно, что безсмысленней теоріи прогресса никому какъ-будто не приходитъ и въ голову. Странно, что довольствуются только простымъ признаніемъ какого-то безсмысленнаго процесса, который неизвѣстно зачѣмъ совершается въ природѣ. Еще страннѣе, что при настоящемъ господствующемъ механическомъ взглядѣ на всю совокупность существующаго все-таки признаютъ какое-то развитіе, между тѣмъ какъ съ этой точки зрѣнія оно совершенно невозможно. Правда, природа и исторія конечно даютъ намъ несомнѣнныя доказательства, что существуетъ если не развитіе, то какой-то процессъ, который совершается во времени, начало котораго сокрыто въ темныхъ глубинахъ прошедшаго, продолженіе принадлежитъ настоящему, а конечныя звенья идутъ непрерывною вереницею въ туманную даль будущаго. Полагаютъ, что такое растяженіе этого процесса во времени возможно въ силу причинной связи вещей между собою. Будущія звенья развитія возможны потому, что въ настоящемъ зрѣютъ ихъ причины или условія; настоящее возможно въ силу непосредственно прошедшаго, въ которомъ были даны все условія настоящаго. Весь процессъ такимъ образомъ распадается на длинный рядъ моментовъ, въ которомъ каждый предшествующій моментъ содержитъ все условія настоящаго, и каждый настоящій — все условія будущаго. Но если мы такое механическое пониманіе развитія приложимъ ко всеобщему развитію бытія, выраженіемъ коего должны считать всякое частное развитіе въ какой-либо отдѣльной области существующаго, то мы увидимъ, что развитіе бытія является невозможностію, и именно въ силу причинной связи. Если этотъ процессъ подлежитъ лишь одной причинной связи ве-

щей между собою, то онъ невозможенъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите вы всѣ дѣйствующія причины, всю совокупность условій, бытіе все въ цѣломъ; если въ настоящее мгновеніе даны въ этой совокупности причинъ всѣ условія будущаго результата, то этотъ результатъ долженъ уже наступить и никакого другаго результата вслѣдъ за этимъ слѣдовать уже не должно; въ дѣйстви были всѣ условія, которыя могли произвести только лишь одинъ результатъ имъ пропорціональный. Если-же вслѣдъ за этимъ результатомъ наступаетъ въ слѣдующее мгновеніе новый, то это возможно было-бы только въ томъ случаѣ, если-бы ко всей совокупности условій, производшихъ одинъ результатъ, присоединилось еще новое условіе для произведенія втораго результата, отличнаго отъ перваго. Рядъ результатовъ въ рядѣ моментовъ времени возможенъ былъ-бы лишь въ томъ случаѣ, если-бы сумма дѣйствующихъ причинъ увеличивалась, если-бы условія нарастали въ каждое послѣдующее мгновеніе. Но вѣдь бытіе не увеличивается, не возрастаетъ. Сколько есть у него реальности, столько и остается чисто химическихъ элементовъ; количество дѣйствующихъ силъ, число атомовъ матеріи не увеличивается. Въ каждое мгновеніе вся эта реальность дѣйствуетъ всею своею силою, сколько ея есть. Откуда-же вьзяться новымъ условіямъ, новымъ причинамъ для произведенія новыхъ результатовъ или измѣненій старыхъ. И такъ, если бытіе не увеличивается, если всѣ реальныя условія дѣйствуютъ въ каждый моментъ времени, никакое развитіе невозможно. При данности въ каждый моментъ всѣхъ условій, въ каждый моментъ возможенъ лишь одинъ результатъ, этимъ условіямъ пропорціональный, причемъ результатъ этотъ не можетъ быть отдѣленъ отъ своихъ условій никакимъ мгновеніемъ времени. Даны всѣ условія,—сейчасъ-же, безъ промежутка, долженъ быть данъ и результатъ. Если есть промежутокъ, если результатъ медлитъ, то значить, не всѣ условія даны, а это невозможно, ибо бытіе дѣйствуетъ въ каждое мгновеніе все безъ остатка *). И такъ, вслѣдствіе причинной связи условій съ слѣдствіями, никакой

*) Тутъ нельзя говорить, что въ развитіи потенціальная энергія превращается въ кинетическую, ибо сама потенціальная есть лишь превращеніе кинетической.

процессъ, никакое развитіе, никакой прогрессъ невозможенъ. Если же тѣмъ не менѣе развитіе существуетъ, то вѣроятно не механическія причины его производятъ. Вѣроятно тутъ дѣйствуетъ причина свободная и сознательная, т. е. воля. При такой причинѣ возможны и наростаніе условій и развитіе. Всякій однажды полученный результатъ такая причина можетъ созрывать и измѣнять въ силу этого именно сознанія. Но если допустить бытіе такой воли, управляющей міровымъ процессомъ, то это будетъ значить допустить Провидѣніе. Пусть мы не знаемъ цѣлей Провидѣнія, но если оно управляетъ міромъ, прогрессъ и возможенъ, и долженъ имѣть смыслъ. И такая вѣра въ прогрессъ, по моему мнѣнію, есть единственно разумная вѣра. Та-же вѣра, про которую упоминаетъ графъ, есть дѣйствительно лишь смутное суевѣріе нашего времени, затемняющее смыслъ нашей жизни. И нѣтъ ничего удивительнаго, если это суевѣріе блѣднѣетъ предъ лицомъ смерти, потому что предъ лицомъ смерти блѣднѣетъ всякая несостоятельная теорія, всякая система, даже хорошо обдуманная въ подробностяхъ, но недостаточная. Смерть есть великій критерій для сужденія о различныхъ теоріяхъ, ибо въ виду смерти всякій невольно влечетъ каждую такую теорію на судъ своей совѣсти. Мы обыкновенно разсматриваемъ всякія системы и ученія съ точки зрѣнія ихъ формальной или фактической состоятельности; мы смотримъ на нихъ большею частію со стороны требованій разума, оцѣниваемъ ихъ достоинство по принципамъ, ему свойственнымъ. И такимъ образомъ мы смотримъ не только на различныя теоріи и ученія, но и на нашу собственную жизнь, на взгляды, управляющіе этою жизнью, на ея значеніе и смыслъ. Но это не единственный критерій. Можно находить данное ученіе, или систему, или дѣятельность, съ точки зрѣнія извѣстныхъ разумныхъ принциповъ, безукоризненными и въ то-же время чувствовать, что они не удовлетворяютъ требованіямъ совѣсти. И особенную чуткость совѣсть наша обнаруживаетъ именно въ вопросѣ о смерти. При мысли объ этомъ несомнѣнномъ, но таинственномъ и непонятномъ фактѣ. Тутъ не помогутъ никакія логическія выкладки, никакая формальная убѣдительность. При всей логи-

ческой стройности, при всей кажущейся убѣдительности известнаго воззрѣнія, оно всегда будетъ возбуждать внутреннее глубокое чувство недовольства, если только въ немъ есть фальшь въ объясненіи факта смерти. Смерть рѣшенные вопросы дѣлаетъ открытыми, и каждый разъ снова и снова будитъ мышленіе. „Смерть, говоритъ Шопенгауеръ, есть собственно, вдохновляющій геній, муза философіи. Не будь смерти, врядъ-ли было-бы даже возможно философствовать“. Неудивительно поэтому, что казнь преступника и смерть брата крѣпко заставили задуматься графа надъ состоятельностью теоріи, въ которую онъ вѣрилъ. Всѣмъ существомъ своимъ онъ почувствовалъ что-то ненормальное какъ въ казни преступника, такъ и въ ранней смерти брата, что-то такое, передъ чѣмъ всѣ теоріи должны стать въ тупикъ. Вѣдь въ сущности передъ этимъ же фактомъ смерти оказалась неудовлетворительною и вся его жизнь, вѣдь именно мысль о смерти обнаружила ему потомъ весь ужасъ его положенія, всю безсодержательность его существованія. Въ Парижѣ и при смертномъ одрѣ брата графъ только впервые почувствовалъ, что есть этотъ критерій истинности всякой теоріи и практики. Къ сожалѣнію „до болѣзненности развитая гордость“ уже здѣсь столкнула его самосознаніе съ настоящаго пути. Объявивъ, что всѣ теоріи и всѣ людскія слова передъ этимъ критеріемъ—ложь, онъ сейчасъ-же создаетъ, можетъ быть, еще болѣе ложную теорію и произноситъ еще болѣе несостоятельное слово о томъ, что не люди и не теоріи, а онъ самъ съ своимъ сердцемъ судья того, что хорошо и что дурно. Да вѣдь и каждый, и тотъ, который совершаетъ преступленіе, и тотъ, который казнить, и тотъ, кто умираетъ на одрѣ болѣзни,—каждый можетъ такой теоріи слѣдовать и находить хорошимъ совсѣмъ не то, что таковымъ считаетъ графъ, и дурнымъ то, что графъ считаетъ хорошимъ. Почему графъ долженъ оказаться непогрѣшимымъ судьей, когда на основаніи того-же принципа другіе могутъ погрѣшати и ошибаться? Только тотъ, кто вѣритъ въ свою непогрѣшимость, можетъ не задавать себѣ подобнаго вопроса. И графъ, повидимому, этого вопроса себѣ не поставилъ. И вообще не настолько были эти впечатлѣнія смерти

глубоки, чтобы онъ серьезно усумнился какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ своей вѣрѣ въ прогрессъ, ибо изъ дальнѣйшаго изложенія его исповѣди мы видимъ, что похоть учить другихъ для способствованія неизвѣстно куда идущему прогрессу, не только у него не ослабла, но приняла новую форму.

„Вернувшись изъ заграницы, рассказываетъ графъ, я поселился въ деревнѣ и попалъ на занятіе крестьянскими школами. Занятіе это было мнѣ особенно по сердцу, потому что въ немъ не было той, ставшей для меня очевидною, лжи, которая уже рѣзала мнѣ глаза въ дѣятельности литературнаго учительства (котораго однако графъ не оставлялъ и послѣ сознанія его лжи,—замѣчу въ скобкахъ). Здѣсь я уже дѣйствовалъ во имя прогресса, но я уже относился критически къ самому прогрессу. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ своихъ совершается неправильно (нужно-бы задать себѣ здѣсь очень важный вопросъ: почему неправильно?) и что вотъ надо отнестись къ первобытнымъ людямъ, крестьянскимъ дѣтямъ, совершенно свободно, предлагая имъ избрать тотъ путь прогресса, какой они захотятъ. (Графъ тутъ совсѣмъ не замѣчаетъ, что наши крестьяне уже много лѣтъ воспитывались въ извѣстныхъ культурныхъ условіяхъ, какъ доказываютъ ихъ религія, языкъ, обычаи и нравы). Въ сущности-же я вертѣлся все около одной и той-же неразрѣшимой задачи, состоящей въ томъ, чтобы учить, не зная чему. Въ высшихъ сферахъ литературной дѣятельности я понималъ, что нельзя учить, не зная чему, потому что я видѣлъ, что всѣ учатъ различному и спорами между собою скрываютъ только сами отъ себя свое незнаніе. Здѣсь же, съ крестьянскими дѣтьми, я думалъ, что можно обойти эту трудность, предоставивъ дѣтямъ учиться, чему они захотятъ. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ я вилялъ, чтобы исполнить свою похоть—учить, хотя очень хорошо зналъ въ глубинѣ души, что я ничему не могу учить такому, что нужно, потому что самъ не знаю, что нужно. Послѣ года, проведеннаго въ занятіяхъ школой, я въ другой разъ поѣхалъ за границу, чтобы тамъ узнать, какъ-бы это такъ сдѣлать, чтобы, самому ничего не зная, умѣть учить другихъ. И мнѣ казалось, что я этому выучусь загра-

ницей, и вооруженный всею этою премудростью (?), я въ годъ освобожденія крестьянъ вернулся въ Россію, и, занявъ мѣсто посредника, сталъ учить и необразованный народъ въ школахъ, и образованный въ журналъ („Ясная Поляна“), который я началъ издавать. Дѣло, казалось, шло хорошо; но я чувствовалъ, что я не совсѣмъ умственно здоровъ и долго это не можетъ продолжаться. И я-бы, быть можетъ, тогда пришелъ къ этому отчаянію, которое овладѣло мной черезъ 15 лѣтъ, если-бы у меня не было тогда еще одной стороны жизни, неизвѣданной еще мною и обѣщавшей мнѣ спасеніе: это было семейная жизнь“.

Само собою разумѣется, что учить другихъ не то, что самому учиться. Многіе находятъ, что первое не въ примѣръ пріятнѣе послѣдняго. Графъ въ свое время въ „Отечественныхъ Запискахъ“ посвятилъ особую статью этому вопросу, которая утверждала именно тоже самое, т. е. что мы не знаемъ, чему нужно учить народъ и потому напрасно беремся не за свое дѣло. Графъ не только, слѣдовательно, училъ крестьянскихъ дѣтей, но училъ и ихъ учителей. Въ свое время статья эта надѣлала много шума въ педагогическомъ мірѣ. Особенно она должна была не правиться тѣмъ, кто смотрѣлъ на народъ, какъ на такую массу, которая сама не имѣетъ вкуса и не можетъ судить о томъ, чего ей нужно. Но голосъ графа остался конечно любопытнымъ голосомъ, но вопіющимъ въ пустынѣ. Никто ему не внялъ. И что всего любопытнѣе: не внялъ, кажется, ему и самъ графъ. Какъ въ литературномъ учительствѣ, такъ и въ школѣ съ графомъ повторяется все одно и тоже: не знаетъ онъ, чему нужно учить, видитъ, что не знаетъ, а все учить, да учить: издаетъ книжки для школъ, пишетъ статьи и романы. Любопытный это психологическій фактъ! Можно говорить и думать одно, а дѣлать другое. Можно за это презирать другихъ, а самому дѣлать тоже. Какъ будто тутъ можетъ быть какая привиллегія! И это продолжается не годъ, не два, а цѣлыя десятки лѣтъ. Явно, что явленіе это не случайное. И пусть для этого есть самыя важныя причины, но во всякомъ случаѣ останется прискорбнымъ тотъ фактъ, что вся эта дѣятельность безъ знанія и убѣжденій направ-

ляется на молодыя души, что самая воспримчивая среда служить предметомъ подобныхъ экспериментовъ. Что можетъ быть возмутительнѣе подобнаго педагогическаго шарлатанства? И я, право, отказываюсь вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ графъ, или иной какой педагогъ, рѣшился учить и воспитывать, не зная самъ, чему нужно учить и къ чему воспитывать. Я, право, не могу вѣрить, чтобы эгоизмъ и упрямство человѣка образованнаго были такъ грубы, чтобы, при ясномъ сознаніи своей несостоятельности и неумѣніи, все-таки браться за такое святое дѣло, какъ воспитаніе дѣтей. Что-же послѣ этого остается священнаго въ жизни, на что-бы не рѣшился посягнуть эгоизмъ человѣка? Мнѣ кажется, нельзя тутъ понимать графа буквально. Вѣроятно онъ въ то время еще не подозревалъ, что онъ учить, не зная и не имѣя надежды, что дѣлаетъ хорошо и что, слѣдовательно, все-таки это слѣдуетъ дѣлать, все-таки это нужно! И очень можетъ быть, что и въ послѣдствіи съ графомъ повторится тоже самое: полагая, что онъ вполне постигъ истину, онъ будетъ подъ именемъ истиннаго христіанства учить другихъ тому, чего самъ не знаетъ! Очень можетъ быть, что вполне сознавая свою мнимую истину, онъ все-таки будетъ поступать вопреки ей. И опять я не могу допустить, чтобы онъ это сдѣлалъ съ намѣреніемъ и сознаніемъ. Я не хочу считать графа шарлатаномъ, я хочу видѣть въ немъ человѣка заблуждающагося. Впрочемъ, продолжаю изложеніе того, какъ онъ самъ себя понимаетъ въ своей исповѣди.

„Въ продолженіи года я занимался посредничествомъ, школами и журналомъ, и такъ измучился отъ того особенно, что запутался, такъ мнѣ тяжела стала борьба по посредничеству, такъ смутно проявилась моя дѣятельность въ школахъ, такъ противно мнѣ стало мое вліяніе въ журналѣ, состоявшее все въ одномъ и томъ-же—въ желаніи учить всѣхъ и скрыть то, что я не знаю, чему учить,—что я заболѣлъ, болѣе духовно, чѣмъ физически, бросилъ все и поѣхалъ въ степь, къ башикирцамъ, — дышать воздухомъ, пить кумысъ и жить животною жизнью. Вернувшись оттуда, я женился. Новыя условія счастливой семейной жизни совершенно уже отвлекли меня отъ всякаго исканія общаго смысла жизни. (До сего времени

графъ, впрочемъ, не упоминаетъ въ своей исповѣди, чтобы онъ отыскивалъ этотъ смыслъ). Вся жизнь моя сосредоточилась за это время въ семьѣ, въ женѣ, въ дѣтяхъ и *потому* (!) въ заботахъ объ увеличеніи средствъ жизни. Стремленіе къ совершенствованію вообще, къ прогрессу, теперь подмѣнилось уже прямо стремленіемъ къ тому, чтобы мнѣ и семьѣ было какъ можно лучше. Такъ прошло еще 15 лѣтъ. Не смотря на то, что я считалъ писательство пустяками, въ продолженіи этихъ пятнадцати лѣтъ, я все-таки продолжалъ писать. Я вкусилъ уже соблазна писательства, соблазна огромнаго денежнаго вознагражденія и рукоплесканій за ничтожный трудъ (преувеличиваете, графъ!), и предался ему какъ средству къ улучшенію своего матеріальнаго положенія и заглушенію въ душѣ всякихъ вопросовъ о смыслѣ жизни моей и общей. Я писалъ нѣучая тому, что для меня было единой истиной, — что надо жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше“.

И такъ, съ женитьбой графъ, повидимому, совсѣмъ бросилъ учительство въ школахъ (хотя книжки для школъ продолжалъ издавать), но онъ не бросилъ писательства, по его сознанию, изъ-за рукоплесканій и денегъ. Этому, однако, какъ будто противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ сочиненіяхъ своихъ онъ проповѣдывалъ все-таки то, что для него въ то время было „единой истиной“, т. е. писалъ и ради истины. Истина эта состояла въ томъ, что нужно жить такъ, чтобы самому съ семьей было какъ можно лучше. Истина сама по себѣ хорошая. Ничего нѣтъ лучше, какъ стремиться къ лучшему. Къ сожалѣнію графъ довольно своеобразно понималъ самое лучшее. По его словамъ, это лучшее состояло, повидимому, только въ одномъ матеріальномъ обезпеченіи. И виновата въ такомъ пониманіи лучшаго какъ будто женитьба, какъ будто заботы о семьѣ. Но заботы о семьѣ могутъ требовать и не одного только матеріальнаго обезпеченія, которое вѣроятно у графа и безъ того было; ибо не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ. Слѣдовательно, если исключительно на матеріальной сторонѣ сосредоточились заботы графа о семьѣ, то въ этомъ не можетъ быть виновата семья. Если семья есть, ее надо кормить, —

это правда. Но отсюда не слѣдуетъ, что только тѣмъ заниматься и нужно. Есть духовные интересы, есть отношенія въ самомъ же семействѣ, которыя могутъ дать иную пищу заботамъ. Нигдѣ внутренняя, задушевная жизнь не достигаетъ такого раскрытiя и такой искренности, какъ въ семейныхъ отношенiяхъ, которыя поэтому составляютъ идеаль и для болѣе обширныхъ общественныхъ единицъ. Итакъ, не семейный союзъ виноватъ въ томъ узкомъ пониманiи обязанностей семьянина, которое, повидимому, руководило графомъ, какъ руководить и другими. Есть другiя причины, почему человекъ погружается въ матеріальное, почему онъ прилѣпляется къ земнымъ сокровищамъ, которыя тля тлитъ и тати подкапываютъ и крадутъ. И причины эти въ томъ, что духъ бодръ, а плоть немощна; въ томъ, что по слабости своей воли человекъ болѣе склоняется на сторону немощи, чѣмъ силы,—болѣе тяготеетъ къ матеріальному, чѣмъ къ духовному. Та же немощь возобладала надъ мощию и у графа, только онъ не хочетъ, повидимому, признать этого, ибо не вѣрится, какъ увидимъ, ни въ грѣховное разстройство человеческой воли, ни въ свободу ея. А, кажется, горькій опытъ долженъ былъ-бы убѣдить его въ существованiи того и другаго!

Вѣдь вся жизнь графа, какъ она имъ рассказана до сихъ поръ, служить несомнѣннымъ доказательствомъ тому, что уже съ самаго начала его жизненнаго странствiя, какъ Данга на пути, духъ его повстрѣчали три страшныхъ звѣря: пантера (барсъ), левъ и волчица. Барсъ—это сластолюбивая и прихотливая распущенность въ средѣ „людей нашего круга“, левъ—это до болѣзненности развившаяся гордость въ литературномъ кружкѣ, и волчица—это алчная заботливость о матеріальномъ въ заботахъ о семействѣ. Напрасно графъ устремляетъ взоръ свой къ вершинѣ солнечнаго холма, къ свѣту идеаловъ; три звѣря повсюду заграждаютъ ему путь. И вотъ:

На позовникъ жизненной дороги,
Въ дремучемъ очутился я лѣсу:
Съ прямой тропы мой такъ сбился ноги.

Всѣ мы заблуждающіеся въ лѣсу этого грѣховнаго міра, въ терніяхъ грѣха, всѣ мы встрѣчаемъ этихъ ужасныхъ звѣ-

рей; ибо все, что въ мірѣ, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (Іоан. II. 16). „А Ты, Господи, не на вѣрность-ли обращаешь очи Твои? восклицаетъ Іеремія. Ты бьешь ихъ, а они не чувствуютъ боли; Ты сокрушаешь ихъ, а они не хотятъ принять наставленія, лица свои сдѣлали крѣпче скалы и не хотятъ обратиться. Я подумалъ было, что это вѣроятно бѣдники, невѣжды; ибо не знаютъ пути Господня, ни повелѣній Бога своего; пойду себѣ къ знатымъ и поговорю съ ними: они знаютъ путь Господень и повелѣнія Бога своего; но и они всѣ вмѣстѣ сокрушили ярмо, расторгли узы. За то левъ изъ дубравы поразитъ ихъ, степной волкъ разоритъ ихъ, леопардъ подстерегаетъ ихъ у городовъ; кто выйдетъ изъ нихъ, будетъ растерзанъ; ибо умножились преступленія ихъ, усилилась измѣна ихъ“ (Іерем. V, 3—6). И вотъ въ этихъ-то трехъ звѣряхъ, которые составляютъ трехглавое чудовище эгоизма, вносящаго всюду смятеніе и разстройство, заключается истинная причина и нашихъ суетныхъ претензій, и нашей нравственной гибели. А тамъ, гдѣ дѣйствуетъ и живетъ эгоизмъ, тамъ онъ только болѣе и болѣе возрастаетъ, потому что по самой природѣ своей онъ требуетъ неограниченнаго господства.

М. Остроуновъ.

(Продолженіе будетъ).

ОБРАЗОВАННЫЕ ЕВРЕИ

въ

СВОИХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ХРИСТІАНСТВУ.

По поводу брошюры Я. М. Прилукера:

Альтруистическія начала въ этическихъ системахъ іудаизма и христіанства и чаянія обихъ религій въ будущемъ. Двѣ публичныя лекціи, читанныя съ благотворительною цѣлю въ Одессѣ. Одесса. 1885 г.

Брошюра, заглавіе которой мы сейчасъ выписали, на нашъ взглядъ, можетъ представлять не маловажный интересъ для каждаго, кто слѣдитъ за состояніемъ еврейскаго вопроса. Среди множества вопросовъ, которыми такъ богата наша взволнованная и взбаламученная эпоха и которые такъ или иначе рѣшаются современными намъ мыслящими людьми,—еврейскій вопросъ, безъ сомнѣнія, по всей справедливости занимаетъ одно изъ видныхъ и даже выдающихся мѣстъ. Рѣшеніемъ его въ наше время заинтересованы не только публицисты, политико-экономы, моралисты, философы и т. п., но имъ озабочены высшія руководящія народными сферами, онъ задаетъ усиленную работу европейскимъ законодателямъ, правителямъ, дипломатамъ, не говоря уже о томъ, что въ народныхъ массахъ онъ нерѣдко сопровождается страшными и грозными погромами. Самъ по себѣ вопросъ этотъ не есть какая-либо случайная и мимолетная новость среди христіанскихъ народонаселеній; начало его скрывается въ глубокой древности и современно появленію самаго христіанства. Но новая сила, съ которою вопросъ этотъ заявляетъ себя въ наше вре-

мя; новы характеристическія особенности въ рѣшеніи его въ наши дни; ново наконецъ то, что современное образованное общество, наше русское, равно какъ и западно-европейское, въ рѣшеніи этого вопроса рѣзко дѣлится на два противоположныя лагерья. Въ одномъ изъ этихъ лагерей вы увидите искреннихъ или мнимыхъ іудофиловъ, т. е. людей, во имя либеральныхъ идей горячо отстаивающихъ интересы современныхъ намъ евреевъ и готовыхъ ломать свои либеральныя копья за полную равноправность ихъ съ остальными христіанскими народностями; въ другомъ — вы увидите не менѣе горячихъ приверженцевъ современнаго намъ антисемитскаго движенія, быть можетъ, искренно порицающихъ внѣшнее проявленіе, внѣшнюю форму этого движенія, — но вполне оправдывающихъ его цѣль, характеръ и основную идею.

Брошюра, о которой мы хотимъ говорить съ нашими читателями, старается разсмотрѣть свой предметъ чисто съ объективной точки зрѣнія, старается сохранить полное безпристрастіе и въ отношеніи къ христіанамъ, и въ отношеніи къ евреямъ. Правда, авторъ ея, г. Прилукеръ, образованный еврей, остается вѣрнымъ основнымъ задачамъ и цѣлямъ современнаго намъ еврейства; но онъ далеко не похожъ на многихъ другихъ писателей изъ своего народа, которые во что бы то ни стало хотятъ защитить, оправдать, или, по крайней мѣрѣ, пзвинить своихъ соплеменниковъ въ глазахъ остальнаго христіанскаго населенія; онъ вовсе не апологетъ евреевъ. Напротивъ, онъ ясно видитъ страшную отсталость темныхъ массъ талмудическаго еврейства, глубоко скорбитъ объ этомъ и горячо призываетъ своихъ соплеменниковъ приняться за великое дѣло самообновленія и самовозрожденія къ лучшему, надѣясь, что и среди христіанъ найдется не мало гуманныхъ и просвѣщенныхъ людей, которые „какъ львы возстанутъ“ и придутъ на помощь добрымъ успіямъ или добрымъ начинаніямъ передовыхъ еврейскихъ дѣятелей. *„Мы прозрѣвшіе,“* взываетъ онъ ко всемъ образованнымъ людямъ, *„попытаемся, чтобы поскорѣе прозрѣли и другіе какъ евреи, такъ и христіане!...“*

Г. Прилукеръ горячо пропагандируетъ идею всеобщаго *прозрѣнія*. Во имя этого прозрѣнія онъ выступилъ на литературное поприще, издаетъ свои брошюры, говоритъ публичные лекціи, ведетъ полемику съ своими литературными врагами и является страстнымъ проповѣдникомъ новаго самообновленнаго и самовозрожденнаго еврейства. Это-же самое прозрѣніе г. Прилукеръ проповѣдуетъ и въ указанной нами брошюрѣ своей. Впрочемъ брошюра его преимущественно интересна не по всѣмъ этимъ отношеніямъ, а только по своему морально-философскому направленію, по своимъ религіозно-нравственнымъ воззрѣніямъ, или лучше, по тѣмъ чаяніямъ и ожиданіямъ, которыя образованные евреи возлагаютъ на обѣ религіи, еврейскую и христіанскую, въ будущемъ. Признавая современное религіозно-нравственное состояніе еврейства и христіанства неудовлетворительнымъ, видя въ недружелюбныхъ и даже враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, исповѣдующихъ эти религіи, болѣе или менѣе прямое отраженіе или выраженіе ихъ религіозныхъ воззрѣній,—современные намъ образованные евреи вмѣстѣ съ г. Прилукеромъ безъ всякаго стѣсненія говорятъ уже намъ о какихъ-то будущихъ чаяніяхъ обѣихъ религій, о будущей народной нравственности, или лучше, о будущихъ религіозно-нравственныхъ отношеніяхъ народовъ, которыя должны измѣнить, улучшить и усовершенствовать какъ теоретическія воззрѣнія народовъ, такъ и ихъ соціальныя или общественныя отношенія. Они являются среди современнаго намъ общества глашатаями, проповѣдниками, какими-то вдохновенными пророками, возвѣщающими дому Израилеву и остальнымъ народамъ новую эру человечества, новую эпоху, будущія и лучшія религіозно-нравственныя отношенія среди людей. Мы хотѣли-бы обратить вниманіе нашихъ читателей именно на эту сторону дѣла въ брошюрѣ г. Прилукера, такъ какъ именно эта сторона всего лучше выражаетъ взглядъ современныхъ евреевъ и на ортодоксальное еврейство, и на различныя христіанскія вѣроповѣданія, всего лучше характеризуетъ отношенія образованныхъ евреевъ къ христіанству.

Большую частію у насъ распространены невѣрныя или ошибочныя воззрѣнія на образованныхъ евреевъ; ихъ часто смѣшиваютъ или даже отождествляютъ съ темными и невѣжественными массами евреевъ-талмудистовъ. Но это большая ошибка. Современный образованный еврей, кромѣ расоваго или племеннаго происхожденія своего, ничего не имѣетъ общаго съ невѣжественными и въ тоже время до крайности высокоумными талмудистами, съ ихъ вѣрованіями, чаяніями и ожиданіями. Онъ видимо хочетъ освободиться отъ недостатковъ, присущихъ его расѣ или племени; онъ ищетъ свѣта просвѣщенія, онъ заявляетъ себя передовымъ глашатаемъ истины и свободы, онъ вноситъ въ общество новые идеалы, новыя задачи и новыя цѣли, которыя столько-же чужды его сородичамъ-талмудистамъ, сколько должны быть чужды христіанству, христіанскому обществу и христіанскому государству. Современное образованное еврейство есть дѣйствительно новая, еще недавно появившаяся въ жизни европейскіхъ народовъ, культурная сила, съ которою раньше или позже придется считаться нашему русскому обществу, какъ уже считается съ нимъ западно-европейское общество. Очевидно, на поприще исторической жизни европейскіхъ народовъ, какъ говорятъ западные христіанскіе моралисты, выступаетъ новая культурная сила, которая еще недавно не имѣла никакого значенія, но которая болѣе и болѣе становится вліятельной и могущественной въ наши дни.

Въ чемъ-же состоятъ отличительныя черты этой культурной силы? Какія задачи и цѣли преслѣдуетъ она? Какимъ отличается характеромъ и направленіемъ? Вотъ какъ отвѣчаетъ на эти вопросы, разсуждая о западномъ образованномъ еврействѣ, уважаемый Зеландскій епископъ Мартензенъ, котораго нельзя, конечно, заподозрить ни въ непониманіи этого западнаго еврейства, ни въ искренней, глубокой и сердечной преданности дѣлу христіанъ. Интересно сопоставить его характеристику этого еврейства съ идеями, развиваемыми г. Прилукеромъ въ упомянутой нами брошюрѣ. „Первоначально, говоритъ уважаемый епископъ,

положеніе евреевъ въ средѣ христіанскаго общества было угнетенное; нельзя отвергать и того, что первоначально еврей, особенно въ средніе вѣка, терпѣли много притѣсненій и даже гоненій со стороны христіанъ, въ чему сами часто подавали поводъ своею лихоимственной эксплуатаціею. Въ послѣдующія затѣмъ времена они были *тертими* и достигли на западѣ многихъ гражданскихъ правъ. Но съ тѣхъ поръ, когда, подъ вліяніемъ принциповъ французской революціи и основаннаго на этихъ принципахъ либерализма, всѣмъ безъ различія, т. е. не смотря на тагія или иныя религіозныя вѣрованія, дарованы были извѣстныя политическія права, когда разрушены столь многія общественныя связи и индивидуализмъ проникъ во многія отношенія, — съ этихъ поръ еврей заняли прочное положеніе въ гражданскомъ обществѣ и взошли даже на такую ступень, съ которой могутъ дѣйствовать агрессивно, т. е. могутъ дѣйствовать наступательно противъ христіанства. Мы говоримъ не объ ортодоксальныхъ, талмудическихъ евреяхъ; мы говоримъ объ огромномъ большинствѣ тѣхъ образованныхъ евреевъ, которые совершенно отказались отъ религіи своихъ отцевъ, но которые однако-же не отреклись отъ своихъ національныхъ претензій“. Намъ впрочемъ преимущественно интересуютъ религіозно-нравственныя воззрѣнія этихъ евреевъ, о которыхъ Мартезенъ говоритъ далѣе: „Религія этихъ современныхъ евреевъ существенно состоитъ въ космополитическихъ принципахъ французской революціи, преимущественно-же въ признаніи всеобщихъ человѣческихъ правъ и находящихся въ связи съ этими правами идеаловъ культуры и цивилизаціи, вполне усвоенныхъ евреями и выдаваемыхъ ими за подлинное выраженіе или за подлинный духъ еврейства. Распространеніе этой-то подлинно гуманной или общечеловѣческой религіи и будетъ въ тоже время осуществленіемъ земнаго мессіанскаго царства, т. е. появленіемъ ожидаемаго ими счастливаго царства на землѣ, въ которомъ дѣти Израиля столько-же силою своего капитала, сколько силою своего слова, духа, культуры будутъ пользоваться господственнымъ, руководящимъ и направляющимъ вліяніемъ сре-

ди всѣхъ остальныхъ народовъ, и въ которомъ христіанство болѣе и болѣе будетъ являться еультомъ состарѣвшимся и отжившимъ свое время. Что израильскій народъ долженъ пользоваться господствомъ надъ всѣми остальными націями, что онъ представляетъ собою, такъ сказать, царственную національность, къ которой остальные національности стоятъ въ вассальныхъ отношеніяхъ, то отъ этой традиціи своего народа образованные евреи никакимъ образомъ не хотятъ отказаться. Даже болѣе того, въ наше время, при посредствѣ капитала, политической агитаціи и современной печати, они положили очень дѣйствительное начало для достиженія этого господства надъ всѣми народами“.

Прежде чѣмъ пойдемъ дальше за Мартенzenомъ, справедливость заставляетъ насъ сказать, что наши образованные евреи не заявляютъ, повидимому, подобныхъ властолюбивыхъ или аристократическихъ притязаній; но крайней мѣрѣ, г. Прилуверъ выводитъ эти притязанія изъ „глубоко-эгоистическаго принципа еврейства“. Онъ говоритъ: „Современный іудаизмъ—это какъ-бы феодальный баронъ старинной аристократической фамиліи, попавшій въ распоряженіе своихъ-же собственныхъ рабовъ. Они завладѣли своимъ господиномъ, терзаютъ его и мучаютъ, но онъ мужественно переноситъ свое униженіе, отнюдь не спускаясь до признанія рабовъ себѣ равными. Именно въ этомъ глубоко-эгоистическомъ принципѣ еврейства вся сила и живучесть „вѣчнаго жида“, какъ силенъ и вѣчно живучъ принципъ эгоизма въ самомъ естествѣ, въ самой природѣ“. Такъ думаетъ г. Прилуверъ. „Благородная каста браминовъ, присовокупляетъ онъ, присвоила себѣ лучшую часть своего божества—голову и мозгъ, великодушно уступивъ низшимъ кастамъ животъ и ноги. Эгоистическій іудаизмъ, какъ-бы опасаясь, что на всѣхъ не хватитъ тучныхъ пастбищъ, одинъ завладѣлъ высочайшимъ существомъ, не удѣливъ другимъ народамъ ни одной нити его волосъ“. Таковы сужденія объ этомъ предметѣ г. Прилувера. Но очевидно, въ данномъ случаѣ онъ говоритъ объ эгоистическомъ, талмудическомъ іудаизмѣ, основывающемъ свои аристократическія притязанія на одной только вѣрѣ, на

исключительномъ признаніи лишь себя избраннымъ народомъ Божиимъ; но онъ ничего не говоритъ о притязаніяхъ образованнаго еврейства, основанныхъ на высшей культурѣ, на высшихъ природныхъ дарованіяхъ евреевъ, на могущественномъ дѣйствіи современной еврейской печати. Почему не допустить, что всѣ послѣднія преимущества, усвояемая образованными евреями себѣ, не создадутъ для нихъ привилегированнаго положенія среди христіанскихъ народовъ? Въ особенности, почему не допустить, что силою своего слова и силою своей печати они будутъ признаны вождями и руководителями среди остальныхъ народностей? Но крайней мѣрѣ, собственно о еврейской печати Мартенсенъ говоритъ слѣдующее: „Современная печать во многихъ главныхъ европейскихъ странахъ преимущественно находится въ рукахъ евреевъ, которые при посредствѣ талантливыхъ и увлекательно написанныхъ статей готовятъ общественное мнѣніе относительно современныхъ вопросовъ, даже такихъ, въ которыхъ дѣло идетъ о предметахъ чуждыхъ еврейству, въ которыхъ дѣло касается напр. спора между христіанскими вѣроисповѣданіями, спора между ультрамонтанствомъ и протестантствомъ, между папою и императоромъ. Разумѣется, все это рѣшается съ точки зрѣнія еврейскихъ интересовъ. Современная еврейская литература развита въ огромномъ объемѣ и какъ нѣчто отвергающее или оспаривающее невѣжественныя и устарѣвшія воззрѣнія среди народовъ распространена въ огромныхъ размѣрахъ. Преимущественно-же она всѣми мѣрами старается распространить то воззрѣніе, что высочайшихъ вершинъ и славнѣйшихъ произведеній литературы нельзя находить у Шиллера, Гете и другихъ героев новѣйшаго гуманизма, но ихъ надобно искать у Гейне, Берне и у другихъ еврейскихъ писателей, которые противопоставили права свободной мысли ограниченному христіанству, отъ каковой ограниченности не вносили были изъятъ и величайшіе христіанскіе писатели гуманнаго направленія. Изъ прежняго періода гуманныхъ писателей самымъ величайшимъ и самымъ выдающимся у нихъ признается Лессингъ, именно потому, что онъ написалъ

„Натана Мудраго“. Конечная цѣль всѣхъ этихъ стремленій состоитъ въ упомянутомъ нами евreo-мессіанскомъ гуманномъ царствѣ. А главное условіе, отъ котораго зависить достиженіе этой цѣли, состоитъ въ томъ, чтобы выжить христіанство изъ общественной жизни. Итакъ для того, чтобы совершенно изгнать христіанство изъ общественной жизни, изъ законодательства и изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, чтобы порвать всѣ связи, соединяющія народы со Христомъ, они работаютъ непрерывно, работаютъ день и ночь; потому что Мессія, въ котораго вѣруютъ христіане, но котораго іудеи осудили и распяли на крестѣ, всегда встрѣчается имъ на пути ихъ стремленій, какъ несокрушимый камень преткновенія; потому что вѣра въ Него народовъ, законы и учрежденія и всякія другія свидѣтельства Его владычества и Его царствованія, причиняютъ имъ скорбь, производятъ на нихъ тяжелое и удручающее впечатлѣніе. Что этотъ Мессія есть ложный Мессія, что Его царствованіе есть иллюзія — вотъ главное убѣжденіе, которое они унаслѣдовали отъ своихъ отцевъ; вотъ мечта, которую они всячески стараются реализировать, и въ этомъ мечтаніи они воодушевляются и поддерживаются отступничествомъ, которое такъ часто случается въ нѣдрахъ самаго христіанства, утверждаются всякимъ неразуміемъ и всякимъ несовершенствомъ, которыя въ такомъ изобиліи существуютъ среди христіанъ, и на которыя они ссылаются съ особенною любовью“.

Не безынтересны также и тѣ средства, которыя образованные евреи употребляютъ, по словамъ Мартензена, для практическаго осуществленія своихъ цѣлей, для проведенія своихъ идеаловъ въ жизнь, — и которыя лучше всего характеризуютъ ихъ дѣйствительное отношеніе къ христіанскому обществу. „Для осуществленія своего идеала, говоритъ почтенный епископъ, образованные евреи охотно вступаютъ въ союзъ съ либерализмомъ и на всѣ лады проповѣдуютъ евангеліе либерализма, которое имѣетъ для нихъ то значеніе, что всѣ религіозныя вѣрованія подводитъ подъ индифферентную точку зрѣнія. Во имя либеральной терпимости они трудятся надъ тѣмъ, чтобы уничто-

жить всякія религіозныя и на нихъ основанныя церковныя отличія, стараются совершенно изгнать христіанство въ одну лишь частную жизнь и сообщить ему значеніе чисто частнаго дѣла; они именно стараются, чтобы напр. для нихъ открытъ былъ доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ и чтобы этотъ доступъ не условливался исповѣданіемъ той или другой религіи. Изъ всѣхъ общественныхъ школъ они хотѣли-бы удалить религіозное обученіе и желали-бы ограничиться въ этихъ школахъ проповѣдію деистической религіи, лишь съ общими нравственными понятіями, безъ всякаго упоминанія о какой-либо положительной религіи; они требуютъ, чтобы имя Іисуса упоминалось въ общественныхъ школахъ, какъ имя историческаго лица прежнихъ временъ, а не какъ единственное Имя, *о Немъ же подобаетъ спастися* всѣмъ людямъ; и съ помощью либерализма они достигли этого, по крайней мѣрѣ, въ Голландіи. Образованные евреи вступаютъ въ союзъ съ національнымъ либерализмомъ и въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживаютъ національныя стремленія. Но само собою разумѣется, что они дѣлаютъ это не ради самой національности, а во имя индивидуальной свободы, которую они при посредствѣ этого надѣются достигнуть. Потому что сами въ себѣ ихъ стремленія отличаются чисто космополитическимъ характеромъ, какимъ отличались напримѣръ „человѣческія права“ французской революціи. Въ отношеніи-же къ національностямъ христіанскимъ и нехристіанскимъ, въ отношеніи къ ихъ историческимъ воспоминаніямъ, историческому происхожденію и отличительнымъ установленіямъ они не питаютъ никакого интереса. Въ дѣйствительности-же тайно, именно въ духѣ и въ своемъ расположеніи, они не принадлежатъ ни къ какой національности, хотя съ величайшею легкостію усваиваютъ себѣ языкъ каждой національности, равно какъ ея нравы и обычаи изъ повседневной жизни. Они переходятъ отъ одной національности въ другую и повсюду ощущаютъ себя какъ дома, гдѣ только находятъ *индивидуальную свободу и свободную конкуренцію*; только при видѣ этой свободы бьется ихъ сердце живѣйшимъ образомъ. Националь-

ное благо и національное горе касается ихъ только ви́шнимъ образомъ. Но сами себя они сознаютъ націею, въ противоположность „народамъ“ (гоимъ) языческаго происхожденія, и сохраняютъ чувство своего превосходства, хотя-бы это превосходство они усвоили себѣ сами, а не другіе. Часто замѣчаютъ, что даже тѣ евреи, которые отличаются добродѣтелями, гражданскимъ и лично гуманнми, во времена великихъ историческихъ кризисовъ, когда рѣшается судьба націи, когда дѣло идетъ о жизни и смерти, когда сердца всѣхъ трепещутъ между страхомъ и надеждою,—они безъ всякаго перерыва продолжаютъ свое „гешефтмахерство“ и съ удивительною расчетливостію, и совершенно „легкимъ сердцемъ“ ведутъ свою игру на повышеніе и пониженіе процентныхъ государственныхъ бумагъ и всею душею предаются коммерческимъ спекуляціямъ“. Такъ говоритъ о современныхъ образованныхъ евреяхъ Зеландскій епископъ Мартензенъ, въ такихъ чертахъ изображаетъ духъ, характеръ и направленіе дѣятельности ихъ одинъ изъ лучшихъ христіанскихъ моралистовъ на Западѣ. Рѣчи его поучительны и для насъ.

Мы именно въ тѣхъ видахъ и позволимъ себѣ привести эти выписки изъ „Христіанской Этики“ западнаго христіанскаго моралиста, чтобы лучше освѣтить брошюру г. Прилукера,—чтобы яснѣе понять духъ, характеръ и направленіе идей, пропагандируемыхъ г. Прилукеромъ и въ публичныхъ чтеніяхъ, и въ упоминаемой нами брошюрѣ его. Брошюра его есть копія съ той картины, оригиналь которой созданъ или нарисованъ на Западѣ; его ново-еврейскія идеи чисто западнаго происхожденія; онѣ давно развиваются и пропагандируются его западными соплеменниками, и намъ кажется, что правильное пониманіе этихъ идей возможно только при ихъ взаимномъ сличеніи, т. е. при сличеніи западно-европейскихъ идей съ идеями, появляющимися среди нашего образованнаго еврейства. Повторяемъ, эти идеи относятся другъ къ другу, какъ копія картины въ своему оригиналу. Предпославши эти общія соображенія, переходимъ къ брошюрѣ г. Прилукера и останавливаемся преимущественно на

тѣхъ ея частяхъ, въ которыхъ затрогиваются религіозно-правственныя условія жизни враждующихъ или несогласныхъ народностей.

Главный вопросъ, рѣшеніемъ котораго занятъ г. Прилукеръ, состоитъ въ указаніи коренныхъ или основныхъ причинъ отчужденія и недоброжелательства между евреями и христіанами. Откуда-же происходитъ ихъ взаимная вражда? Изъ-за чего они ведутъ взаимную борьбу? Г. Прилукеръ хочетъ отдать себѣ ясный отчетъ, въ чемъ именно заключается самая *сущность* злополучнаго еврейскаго вопроса, гдѣ его *принципальныя основанія*; словомъ, онъ старается, на сколько для него *возможно и позволительно*, изслѣдовать интересующій его вопросъ объективно, научно и теоретически, а для этого, отвлекаясь отъ *партизанскихъ мнѣній, взглядовъ и ощущеній*, хочетъ выяснить настоящее и истинное положеніе вещей. Г. Прилукеръ надѣется даже, что, когда онъ изслѣдуетъ такимъ образомъ свой вопросъ, то „намъ станетъ яснымъ также и то, въ чемъ должно состоять правильное и коренное его разрѣшеніе, за которымъ *необходимо* должно послѣдовать умиротвореніе враждующихъ, примиреніе ненавидящихъ другъ друга, прекращеніе вѣковѣчной борьбы“. Итакъ, въ чемъ-же состоитъ, по мнѣнію г. Прилукера, сущность еврейскаго вопроса не только у насъ въ Россіи, но и въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ вопросъ этотъ существуетъ? Гдѣ корень, душа, основной нервъ этого вопроса? Прежде чѣмъ сообщить его отвѣтъ, считаемъ необходимымъ предварительно замѣтить, что г. Прилукеръ не согласенъ съ большинствомъ нашихъ публицистовъ, признающихъ еврейскій вопросъ по преимуществу экономическимъ и полагающихъ сущность его въ справедливомъ протестѣ христіанскаго населенія противъ все болѣе и болѣе распространяющагося экономическаго-же могущества евреевъ, преобладанія ихъ на поприщѣ промышленности, торговли и т. д. Онъ даже съ негодованіемъ отзывается о тѣхъ публицистахъ, которые, разсуждая о недобросовѣстной еврейской конкуренціи, говорятъ о какихъ-то врожденныхъ или „воспи-

танныхъ вѣками хищнически-эксплуаторскихъ“ инстинктахъ и стремленіяхъ еврейской расы и при томъ въ такой преизбыточной мѣрѣ, что христіанское *хищничество и эксплуатация* никакъ иначе не могутъ уравниваться, какъ лишь при помощи нелегальныхъ погромовъ и легальныхъ репрессалій. Конечно г. Прилукеръ настолько объективенъ, что онъ не отвергаетъ всего этого: но онъ думаетъ, что всѣ эти расовые, политическіе, экономическіе, эксплуататорскіе и пр. факторы борьбы составляютъ лишь случайную примѣсь, суть лишь результатъ самаго процесса борьбы въ ея временномъ развитіи, но не измѣняютъ самой сущности дѣла, не выражаютъ и не обнаруживаютъ ея коренной основы. Главныя-же, существенныя и коренныя причины борьбы, по мнѣнію г. Прилукера, состоятъ въ глубокой *разни мировоззрѣній христіанскаго и еврейскаго*, которая не вчера возникла и зародилась и которую ни христіане, ни евреи не въ силахъ примирить при своемъ настоящемъ состояніи умственномъ, правовомъ, экономическомъ, бытовомъ, нравственномъ, социальномъ и т. п. „Обѣ стороны (т. е. христіане и евреи) слишкомъ обособились, говоритъ онъ, и пока не изгладится это обособленіе, враждебнымъ отношеніямъ въ той или другой формѣ нельзя предвидѣть конца“. Итакъ, что-же надобно дѣлать для прекращенія этого обособленія? Какъ вырвать и уничтожить самый корень этой вѣковой отчужденности? Г. Прилукеръ совѣтуетъ для этого очень сильное и очень радикальное средство ни больше, ни меньше, какъ всеобщую *эмансипацію въ религіозномъ отношеніи*. Именно эта эмансипація произведетъ чудо всеобщаго примиренія. „Есть страны, говоритъ онъ, гдѣ какъ евреи, такъ и христіане болѣе или менѣе *эмансипировались въ религіозномъ отношеніи*,—тамъ собственно еврейскаго вопроса давно не существуетъ, или же онъ проявляется въ слабыхъ и мимолетныхъ симптомахъ“. Такое счастливое положеніе дѣлъ, по его словамъ, будто-бы существуетъ во Франціи, Англійи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ хотя и можно еще встрѣчать общую борьбу сословій, въ которой участвуютъ и евреи наравнѣ съ гражданами

другихъ исновѣданій, но гдѣ собственно еврейскаго вопроса нѣтъ, или-же онъ является очень слабымъ и очень мимолетнымъ. „Напротивъ того тамъ, говоритъ далѣе г. Прилукеръ, гдѣ *неотъжественно-религіозный элементъ* все еще является спящимъ регуляторомъ частной и общественной жизни какъ христіанъ, такъ и евреевъ, тамъ взаимныя ихъ отношенія всегда бывали наиболѣе натянутыми, представляя собою наилучшія условія для всевозможныхъ случайностей при сколько-нибудь разнотанномъ и ненормальномъ состояніи общественнаго организма“. Въ этомъ отношеніи г. Прилукеръ не отличаетъ строго среднихъ вѣковъ отъ нашего времени, средневѣковыхъ преслѣдованій евреевъ отъ современныхъ погромовъ. И въ средніе вѣка, и въ наше время, и прежде и теперь, все эти преслѣдованія, погромы, гоненія и проч. происходили изъ одного и того-же источника, имѣли въ основаніи своемъ то, что враждующіе не умѣли или не хотѣли достаточно эмансипировать себя въ религіозномъ отношеніи, и что прогрессъ человѣческій не развивался среди нихъ въ равномерной постепенности. Онъ съ грустію замѣчаетъ, что именно „на нашу долю выпало жить во время, когда люди, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ отечествѣ, какъ-бы почувствовали невыносимое утомленіе отъ непосильной умственной *критической* работы, вдругъ отказались отъ нея и, закусивъ удила, очертя голову, бросились въ пучину удивительнѣйшаго умственнаго хаоса, невозможной просто путаницы понятій“ (очевидно *религіозно-нравственной*). Такова либеральная или космополитическая точка зрѣнія г. Прилукера. Такъ судитъ онъ о началѣ или происхожденіи современнаго намъ антисемитическаго движенія, о его коренныхъ причинахъ и средствахъ къ прекращенію.

Намъ слѣдовало-бы прежде всего подвергнуть безпристрастной оцѣнкѣ эту основную точку зрѣнія г. Прилукера и показать, насколько она состоятельна, т. е. насколько правильно освѣщаетъ свой предметъ; но въ интересъ самаго дѣла считаемъ необходимымъ предварительно выяснитъ самое понятіе эмансипаціи, рекомендуемой г. Прилукеромъ нашему обществу. Это поможетъ

намъ затѣмъ вѣриѣ оцѣнить и основную точку зрѣнія его, равно какъ освѣтить и нѣкоторыя частныя или второстепенныя его сужденія. Итакъ, что-же значитъ, по г. Прилукеру, эмансипироваться въ религіозномъ отношеніи? Въ чемъ именно состоитъ *невѣжественно-религіозный элементъ*, отъ котораго нашему обществу надобно освободиться и который вызываетъ враждебныя отношенія между евреями и христіанскими народностями? Г. Прилукеръ говоритъ обо всемъ этомъ въ своей брошюрѣ недостаточно ясно и даже очень осторожно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ христіанскому вѣроученію и христіанскимъ народнымъ вѣрованіямъ; но за то онъ совершенно ясенъ и совершенно откровененъ въ отношеніи къ религіозному міросозерцанію современныхъ намъ евреевъ-талмудистовъ. Г. Прилукеръ не беретъ на себя рѣшенія богословскихъ задачъ, т. е. не хочетъ касаться догматической стороны дѣла, которая, по его мнѣнію, „хотя имѣетъ основную важность при разсмотрѣніи еврейскаго вопроса, но по своей обширности не *годится* для краткой бесѣды“. Предоставляя своимъ слушателямъ или читателямъ самимъ вдуматься въ христіанскую сторону вопроса, онъ, какъ еврей, ограничивается лишь стороною еврейскою. Тѣмъ не менѣе онъ не скрываетъ отъ читателей ни теоретическихъ, ни практическихъ своихъ убѣжденій не только тогда, когда съ полною откровенностію говоритъ о недостаткахъ еврейскаго талмудическаго міросозерцанія, но и тогда, когда стороною и какъ-бы невзначай касается нѣкоторыхъ теоретическихъ и практическихъ положеній христіанства. Г. Прилукеръ равнымъ образомъ не принимаетъ на себя и философскаго рѣшенія своей задачи. Онъ не выводитъ и не устанавливаетъ на примѣръ своего религіознаго или философскаго міросозерцанія изъ какихъ-либо основныхъ философскихъ понятій или началъ; онъ не даетъ своимъ читателямъ какаго-либо цѣльнаго или стройнаго философско-религіознаго міровоззрѣнія; онъ ограничивается лишь немногими критическими замѣчаніями о міровыхъ, какъ выражается онъ, религіяхъ, т. е. о христіанствѣ, буддизмѣ и исламѣ. Тѣмъ не менѣе и у него есть одно основное начало, при

помощи котораго онъ оцѣниваетъ сравнительное достоинство всѣхъ религій. Онъ въ каждой изъ нихъ обращаетъ свое преимущественное вниманіе на присущій ей этической элементъ и цѣнностію этого элемента опредѣляетъ достоинство самой религій. Г. Прилукеръ, слѣдовательно, ни на минуту не спускается съ своихъ либеральныхъ или космополитическихъ высотъ. Съ этихъ высотъ онъ оцѣниваетъ достоинство положительныхъ религій; съ этихъ-же высотъ онъ говоритъ намъ и о религіозной эмансипаціи. Итакъ, что-же значить, по нему, эмансипироваться въ религіозномъ отношеніи?

Прежде всего это значить равно находить иѣчто истинное, иѣчто доброе и прекрасное во всѣхъ религіяхъ, въ которыхъ существуетъ этической (т. е. нравственный) или альтруистической (т. е. благожелательный въ отношеніи къ другимъ людямъ) элементъ, и, подобно извѣстному единомышленнику своему Лессингу, „съ полнымъ благоговѣніемъ относится ко всяческому религіознымъ убѣжденіямъ“, въ которыхъ можно находить этотъ элементъ. Очевидно, г. Прилукеръ въ этомъ отношеніи близкій послѣдователь и ученикъ Лессинга; подобно своему учителю, онъ тоже съ большимъ уваженіемъ говоритъ, за исключеніемъ лишь талмудизма, о всѣхъ положительныхъ религіяхъ, т. е. о христіанствѣ, буддизмѣ и исламѣ. Всѣ эти вѣроисповѣданія онъ одинаково называетъ великими, утверждаетъ фактъ присутствія въ нихъ возвышенныхъ альтруистическихъ началъ, свидѣтельствуя о желаніи ихъ спасти міръ, и, сопоставляя ихъ между собою, хотя и отдастъ, повидимому, предпочтеніе буддизму предъ всѣми остальными религіями, — но крайней мѣрѣ, идеальнѣйшій альтруизмъ находитъ только въ священныхъ книгахъ индусовъ; тѣмъ не менѣе признаетъ обаятельную красоту и силу идеаловъ новозавѣтныхъ, которые, по нему, „ассимилировали въ свою пользу многія положенія и тезисы философскихъ ученій античнаго міра и, пожалуй, индійскаго востока“. Такова основная, безпристрастная и космополитическая точка зрѣнія, принадлежащая г. Прилукеру, равно какъ и учителю его Лессингу. Съ этой-то точки

зрѣнія и тотъ и другой, и учитель и ученикъ, уже могутъ съ скорбію говорить о всѣхъ вопросахъ на тему, чья вѣра лучше, спасительнѣй и на чьей сторонѣ истина, потому что всѣ подобнаго рода вопросы не хотятъ признать тождества этихъ религій, и всегда были, да и теперь остаются яблокомъ раздора между народами, всегда были, да и теперь продолжаютъ быть камнемъ преткновенія для братскаго единенія между евреями и христіанами; и тотъ и другой равно могутъ заявлять о своемъ уваженіи и благоговѣніи ко всѣмъ религіямъ, потому что у всѣхъ ихъ находятъ один и тѣже альтруистическія начала, хотя и въ равномерной степени. Пастъ, впрочемъ, несколько не подкупаетъ эта космополитическая точка зрѣнія, мы даже вполне отвергаемъ ее, и именно на слѣдующемъ основаніи. Вѣротерпимость есть вполне христіанская добродѣтель и впервые возвыщена Спасителемъ въ Его удивительной притчѣ о полѣ, поросшемъ добрыми колосьями и плевелами, и возвыщена была въ то время, когда міръ преданъ былъ страшному антагонизму. На вопросъ рабовъ притчи къ своему господину: „хочешь-ли, мы пойдемъ, выколемъ плевелы?“ Домовладыка отвѣчалъ: „нѣтъ, выдергивая плевелы, какъ-бы не выдергать вмѣстѣ съ ними и пшеницы. Оставьте расти то и другое до жатвы вмѣстѣ; и во время жатвы я скажу жнецамъ: соберите прежде плевелы и свяжите ихъ въ снопы, для сожженія ихъ; а пшеницу уберите въ житницу мою“. Съ тѣхъ поръ, т. е. со времени появленія христіанства, эта удивительная притча лежитъ въ основаніи всѣхъ откошеній христіанъ къ иновѣрцамъ какъ внутри христіанскихъ государствъ, такъ и внѣ ихъ, въ международныхъ сношеніяхъ съ иновѣрцами. Именно эта добродѣтель положена Спасителемъ нашимъ въ самую основу христіанской жизни. Конечно были времена, когда добродѣтель эта туснѣла въ сознаніи христіанъ, когда жизнь христіанская оказывалась стоящею въ противорѣчій съ высокими требованіями этой добродѣтели. Но эти времена были случайны; они доказываютъ только, что отступленія отъ высокихъ требованій евангельскаго закона всегда возможны въ грѣшномъ родѣ челове-

скомъ. Тѣмъ не менѣе истинно то, что добродѣтель эта—христіанская добродѣтель и общеобязательна для всѣхъ христіанъ. Въ чемъ же состоитъ сущность ея? Въ безусловномъ требованіи отъ всѣхъ правой вѣры и дѣлъ, согласныхъ съ этой вѣрой; а въ то же время въ безусловномъ требованіи снисходительности къ людямъ заблуждающимся по вѣрѣ и жизни. Она, эта добродѣтель, въ одно и то же время есть выраженіе любви къ безусловной истинѣ, и проявленіе снисходительной или терпѣливой любви къ людямъ заблуждающимся. Совершенно съ другимъ характеромъ является космополитическая вѣротерпимость. Въ самомъ дѣлѣ, не много надобно для того, чтобы видѣть, что космополитическая терпимость, повидимому, столь гуманная и столь безпристрастная, основывается на полнѣйшемъ равнодушіи ко всѣмъ религіознымъ системамъ, и ничѣмъ не лучше и не хуже того отношенія къ нимъ, которое практиковалъ одряхлѣвшій Римъ ко всѣмъ религіознымъ культамъ побѣжденных имъ народовъ. Это кажущееся уваженіе утверждается на чистѣйшемъ индифферентизмѣ, чистѣйшемъ равнодушіи ко всему священному, небесному, божественному,—и на преслѣдованіи однихъ земныхъ культурныхъ цѣлей, однихъ земныхъ выгодъ; словомъ, основывается на томъ убѣжденіи, что признаніе одной какой-либо религіи истинною есть заблужденіе, потому что каждая изъ этихъ религій столько же истинна, сколько и другая. Заявляя о своемъ уваженіи ко всѣмъ этическимъ религіямъ, космополитизмъ, очевидно, хочетъ лишь остановиться на половинѣ пути отрицанія всѣхъ этихъ религій; онъ очень хорошо знаетъ, что за этимъ наружнымъ уваженіемъ скрывается иронія надъ всѣми религіями, еще дальше—нигилизмъ, а еще дальше—несемпизмъ, *Weltschmerz*, мучительная, міровая скорбь. И вотъ поэтому-то и Лессингъ, и г. Прюлеръ говорятъ намъ о своемъ уваженіи ко всѣмъ религіямъ; но это уваженіе не можетъ и не должно обманывать никого. Оно есть только *modus vivendi* между людьми, потерявшими вѣру въ религіозную истину; оно только маскируетъ скрытое отрицаніе всѣхъ религій. Извѣстно, что на вопросъ султана Салади-

на, какая изъ трехъ религій,—еврейская-ли, христіанская или магометанская,—лучше, истиннѣе и совершеннѣе остальныхъ религій, Лессинговъ „Натанъ Мудрый“ отвѣчалъ апологомъ о чловѣкѣ, имѣвшемъ кольцо необычайной цѣнности и удивительныхъ свойствъ. Кто владѣлъ этимъ кольцомъ, тотъ былъ пріятель предъ Богомъ и людьми, былъ первымъ въ своей семьѣ и былъ уважаемъ, какъ глава и князь. Словомъ, кольцо доставляло своему обладателю всѣ тѣ совершенства и всѣ тѣ блага, какія можетъ доставить чловѣку истинная религія. Кольцо передавалось по наслѣдству лучшему въ родѣ и, переходя отъ сына къ сыну, досталось наконецъ одному отцу, имѣвшему трехъ сыновей, отличавшихся равными достоинствами и пользовавшихся одинаково его любовію. Поставленный въ величайшее затрудненіе и не желая обидѣть ни одного изъ своихъ сыновей, этотъ отецъ тайкомъ приказываетъ мастеру поддѣлать кольца и, умирая, передаетъ любимымъ сыновьямъ вмѣсто подлиннаго одного кольца три поддѣльныхъ кольца. Сыновья узнаютъ объ этой поддѣлкѣ, объ этомъ обманѣ, только тогда, когда среди своихъ споровъ изъ-за первенства и обладанія подлиннымъ кольцомъ обращаются къ мудрому судья, который сказалъ имъ:

„Обманщики, обманутые вы!

Пусть выкажетъ одинъ передъ другимъ
 Всю силу своего кольца; пусть въ жизни—
 И миролюбіемъ ее проявитъ,
 И кротостію, и добрыми дѣлами,
 И искреннею преданностью Богу—
 И ежели вліяніе вашихъ колецъ
 Въ потомствѣ вашемъ скажется, то снова —
 Черезъ сотню тысячъ лѣтъ—я васъ зову.
 Тогда другой судья сидѣть здѣсь будетъ
 На этомъ стулѣ,—онъ мудрѣй меня,—
 И онъ отвѣтитъ вамъ. Ступайте!—Вотъ что
 Сказалъ судья“.

Такъ разсуждаетъ или поучаетъ у Лессинга Натанъ Мудрый. Этотъ же духъ сказывается и въ брошюрѣ г. Прилукера.

Не трудно понять, что разумѣетъ Натанъ Мудрый подъ

фальшивыми или поддѣльными кольцами обманутыхъ сыновей, и кто тотъ судія (т. е. отдаленное потомство, обогащенное опытомъ жизни и знаніемъ), который по истеченіи сотни тысячъ лѣтъ безошибочно рѣшитъ, въ споры людей о превосходствѣ ихъ въ религіозномъ отношеніи, племенномъ, политическомъ и т. п. Но не трудно также понять и то, что Натановъ судья, разсуждая даже чисто съ человѣческой точки зрѣнія, поступилъ совершенно неправильно и неблагоразумно. Убѣжденный, что кольца поддѣльны, что подлинное кольцо потеряно, почему онъ не посоветовалъ обманутымъ братьямъ искать подлиннаго кольца? Почему напрасно заставляеть ихъ такъ долго, въ теченіи сотни тысячъ лѣтъ, испытывать силу фальшивыхъ колець, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ-концовъ услышать отъ будущаго судьи одинъ и тотъ-же приговоръ: ихъ кольца нигуда не годятся, не имѣютъ никакой чудодѣйственной силы и братья грубо обмануты безсердечнымъ или неразумнымъ отцемъ? Но оставимъ апологическую или иносказательную рѣчь. Очевидно, что, по мнѣнію Лессинга, между тремя религіями—христіанской, еврейской и магометанской, нѣтъ существеннаго различія и ни одна изъ нихъ не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ другой. Но мы рѣшительно не понимаемъ того космополитическаго безпристрастія или благодушія, которое съ одинаковымъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ относится ко всеѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ, признаваемымъ одинаково ложными. Можно-ли уважать заблужденіе? Не долженъ-ли каждый честный человѣкъ, во имя своего человѣческаго достоинства, во имя нескоренимаго чувства правды, отвергать заблужденіе и чтить и уважать одну только истину? Когда космополитическіе либералы говорятъ намъ о своемъ уваженіи или благоговѣніи ко всяческимъ религіознымъ системамъ, то этимъ самымъ они оскорбляютъ достоинство истинной религіи, оправдываютъ религіозныя заблужденія и въ концѣ-концовъ развиваютъ полнѣйшее равнодушіе къ истинной религіи, узаконяютъ сомнѣніе и скептицизмъ. Соглашаемся, что истинную религію трудно найти, особенно человѣку воспитанному въ ложныхъ по-

нятіяхъ и убѣжденіяхъ; соглашаемся также и съ тѣмъ, что мы съ наименьшимъ сомнѣніемъ, какъ говоритъ Натанъ Мудрый, „относимся къ своимъ роднымъ“, къ своимъ предкамъ, передавшимъ намъ по наслѣдству такія или иныя религіозныя убѣжденія; соглашаемся, наконецъ, что перемѣна религіозныхъ убѣжденій часто сопровождается для насъ тяжелыми и мучительными жертвами: но все это нисколько не освобождаетъ насъ отъ нашей священной, а потому и въ высшей степени гуманной обязанности искать истинную религію, знать ее и только ее одну открыто исповѣдовать и возвѣщать людямъ. Трудность и тяжесть долга нисколько не можетъ извинить нашей лѣности и боязни. Мы могли-бы освобождать себя отъ этого труда только въ томъ случаѣ, когда-бы были убѣждены, что истинной религіи нѣтъ на землѣ, что она невозможна для насъ, что между Богомъ и человекомъ не было и нѣтъ никакого союза. Только при этомъ убѣжденіи все религіи могли-бы имѣть въ глазахъ нашихъ одну и ту же цѣнность, или собственно, не имѣли-бы никакой цѣнности, такъ какъ все онѣ одинаково были-бы тогда обманчивыми, ложными, поддѣльными, какъ Натановы кольца. Но этого никогда не докажутъ ни себѣ, ни остальнымъ людямъ наши космополитическіе либералы. Напротивъ, существованіе многихъ религій несомнѣнно ведетъ къ убѣженію въ бытіи истинной, какъ существованіе фальшивыхъ монетъ несомнѣнно убѣждаетъ въ бытіи монетъ настоящихъ, неподдѣльныхъ, имѣющихъ дѣйствительную цѣнность. Не должно двоиться или троиться въ своихъ убѣжденіяхъ, надобно оставаться цѣльнымъ и искреннимъ человекомъ на всегда. Прекрасно говоритъ преосвященный Амвросій, что истинную религію надобно принимать въ томъ видѣ, въ какомъ даетъ ее намъ божественное откровеніе и что положеніе: „все вѣры одинаково хороши“ противорѣчитъ здравому человеческому смыслу. Онъ именно говоритъ: „Основной законъ человеческого мышленія, что объ одномъ и томъ-же предметѣ нельзя утверждать *да* и *нѣтъ*, а что-нибудь одно, или *да*, или *нѣтъ*—этотъ законъ логики имѣетъ здѣсь полное примѣненіе. Какъ ни

разширяйте христіанскую мысль, какія ни дѣлайте изъ нея примененія къ различнымъ сторонамъ жизни, повидимому благоприятныя, какъ ни расплывайтесь въ разсужденіяхъ,--вы не можете и не должны оставлять вопроса не опредѣленнымъ со всюю точностію и не спросить въ заключеніи: *да* или *нѣтъ*?*). Христіанство, или нѣтъ? Если христіанство, то почему вы не христіанинъ? Если-же не христіанство, то укажите намъ вашу лучшую религію. Преосвященный говоритъ еще, что „этого требуетъ отъ насъ и само Слово Божіе. Апостолъ Павелъ говоритъ: „или что я предпринимаю, по плоти предпринимаю такъ, что у меня то *да*, *да*, то *нѣтъ*, *нѣтъ*. Ибо и Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, проповѣданный у васъ нами, не былъ *да* и *нѣтъ*; но въ немъ было *да*, ибо всѣ обѣтованія Божіи въ Немъ *да*, и въ Немъ *аминь*“ (2 Корин. 1, 17—20). Но переходимъ ко второму, рекомендуемому г. Ирплуверомъ средству эмансипироваться въ религіозномъ отношеніи.

М. Стояновъ.

(Окончаніе будетъ)

*) См. „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ 1888 г. № 20.

ФИЛОСОФСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ О. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Не безъ основанія полагають, что умственное движеніе въ нашемъ обществѣ за послѣднія десятилѣтія, по началу своему, восходитъ къ знаменитымъ тридцатымъ-сороковымъ годамъ. Мыслящіе люди того времени, преимущественно тѣ, которые сосредоточивались въ литературныхъ кружкахъ, между прочимъ, заняты были, подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, уясненіемъ значенія и взаимоотношенія началъ національнаго и общечеловѣческаго развитія примѣнительно къ русской литературѣ, русскому просвѣщенію и русской жизни вообще. При этомъ впервые обнаружилось раздѣленіе на партіи славянофиловъ и западниковъ. Съ другой стороны, совершенно отличнымъ по направленію и характеру теченіемъ философской мысли, — наплывомъ идей французскаго социализма, — взволнованы были умы нѣкоторыхъ послѣдователей западничества, желавшихъ быстрого переустройства государственной и общественной жизни путемъ насильственнаго переворота. Въ это-же время, именно, въ началѣ второй половины сороковыхъ годовъ, могучій двигатель литературы русской въ новомъ, отрицательномъ направленіи, повидимому, бывшій сторонникомъ западниковъ, на самомъ-же дѣлѣ не принадлежавшій ни къ какой партіи, Гоголь, въ своихъ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ и „Авторской исповѣди“, неожиданно выступилъ съ своимъ особымъ философско-поэтическимъ міросозерцаніемъ. Это міросозерцаніе, многимъ представлявшееся тогда какимъ-то мистическимъ бредомъ, заключало въ себѣ

много примирительнаго, въ особенности для славянофиловъ и западниковъ. Въ основѣ своей оно сводится къ идеѣ устроенія человѣческой жизни по началамъ русскаго православія, какъ носящимъ въ себѣ залогъ установленія возможно совершенныхъ отношеній между людьми, въ духѣ братскаго единенія, обуславливающагося внутреннимъ совершенствованіемъ каждаго, — чувствами смиренія, всепрощенія и самоотверженной любви къ другимъ.

Никто, конечно, изъ тогдашнихъ порицателей этого міровоззрѣнія, выраженаго Гоголемъ, дѣйствительно, своеобразно, притомъ въ связи съ осужденіемъ своего прежняго великаго литературнаго подвига, — не могъ предполагать, каксе торжество ожидало его у насъ въ недалекомъ относительно будущемъ. Вовсе не расположенъ былъ, повидимому, вѣрить тогда въ такую будущность воззрѣній автора „Переписки“ и знаменитый впоследствии виновникъ этого торжества, ближайшій литературный послѣдователь Гоголя, широко развернувшій и высоко поднявшій потомъ знамя его міросозерцанія—*Ф. М. Достоевскій*. Онъ посвященъ былъ уже тогда „во всю правду грядущаго обновленнаго міра и во всю святость будущаго коммунистическаго общества“. Но прошло нѣсколько годовъ тяжелаго испытанія для него и вмѣстѣ живаго непосредственнаго знакомства съ тѣмъ, что составляетъ завѣтную святыню людей,—и эта жертва социалистическо-коммунистическихъ идей, этотъ „больной душою“, хотя не перестававшій быть вѣрующимъ, человѣкъ преклонился предъ правдою, провозглашенною его литературнымъ водителемъ, и сдѣлалъ ее, по выраженію одного публициста, предметомъ „мощной проповѣди“.

Основные воззрѣнія Гоголя, относящіяся къ области философскаго мышленія, слишкомъ общи и вмѣстѣ элементарны, притомъ выражены какъ-то безотчетно; самые предметы ихъ только намѣчены какъ-бы въ какомъ-то ясновидѣніи. Достоевскій, съ свойственными ему силою и гибкостью мышленія, подвергъ эти предметы глубокому и тонкому анализу, сообщивъ, такимъ образомъ, раскрытію ихъ философскую постановку; вмѣстѣ съ этимъ мистико-философскія идеи Гоголя, посящія на себѣ печать романтизма, развиты имъ въ опредѣ-

ленное, широкое и стройное философское міросозерцаніе. Воспитанный подъ вліяніемъ впечатлѣній нѣмецкой философіи, Достоевскій, до послѣдняго времени своей жизни, былъ, какъ говоритъ онъ самъ о себѣ, „силенъ въ любви“ къ философіи, любилъ, по свидѣтельству одного біографа его, заниматься вопросами „о сущности вещей и о предѣлахъ знанія“, отдаваясь рѣшенію этихъ вопросовъ больше изъ любви къ самому дѣлу. Но, не смотря на это, философская мысль его, съ первой поры пробужденія ея, главнымъ образомъ направлена была, подъ вліяніемъ французскихъ соціалистическихъ теорій, которыми онъ увлекался въ извѣстный періодъ жизни, — къ разрѣшенію жизненныхъ задачъ. Этому практическому направленію онъ не переставалъ слѣдовать въ своемъ философствованіи и послѣ перелома въ своихъ убѣжденіяхъ. Само собою понятно, что направленіе это не давало ему уноситься въ область чистаго умозрѣнія.

Нельзя не отмѣтить, при этомъ, еще нѣкоторыхъ важныхъ особенностей какъ въ характерѣ философствованія Достоевскаго, такъ и въ способѣ выраженія его идей. Дѣло въ томъ, что онъ не былъ только мыслителемъ, но и поэтомъ, почему о немъ можно, кажется, сказать, что „философствовалъ какъ поэтъ“, какъ выразился въ одномъ письмѣ самъ онъ относительно своего брата. Въ самомъ дѣлѣ, при поразительной силѣ философскаго анализа, Достоевскій обладалъ преимущественно художественнымъ складомъ мышленія, болѣе способенъ былъ мыслить образами и, какъ выразился одинъ біографъ его, „чувствовать мысли“, чѣмъ развивать ихъ логически и сообщать имъ отвлеченную формулу. Говоря въ публицистическихъ своихъ статьяхъ языкомъ понятій, онъ выражаемая въ этихъ произведеніяхъ мысли постоянно иллюстрируетъ поэтическими образами; даже въ цѣлыхъ философско публицистическихъ трактатахъ („Сонъ смѣшнаго челоѣка“, I ч. „Записокъ изъ подполья“ и др.) отвлеченныя идеи выражаются у него въ образной, притомъ иногда фантастической формѣ. Съ другой стороны, лучшіе его романы отличаются философскимъ характеромъ и во многомъ напоминаютъ собою публицистическія статьи.

Это соединеніе и, такъ сказать, взаимопроникновеніе въ мы-

пленин Достоевскаго началъ поэтическаго и философскаго отразилось въ нѣкоторой степени и на самомъ складѣ его воззрѣній, представляющихъ отраженіе чего-то поэтическаго, не всегда поддающагося анализу. Поэтому объять и уяснить ихъ философскій смыслъ—не совсѣмъ легко. Кроме того, въ своихъ публицистическихъ статьяхъ, написанныхъ по извѣстнымъ современнымъ вызовамъ, Достоевскій философскія воззрѣнія развивалъ отрывочно—не въ системѣ, почему они лишены общаго освѣщенія, которымъ обусловливалось-бы правильное и точное пониманіе ихъ. А между тѣмъ, взятыя въ совокупности, всѣ они имѣютъ самую тѣсную связь, строгое единство, образуя одно цѣльное, стройное міросозерцаніе. Поэтому, раскрытіе этихъ воззрѣній, съ возможно яснымъ освѣщеніемъ, въ такой связи, по которой можно было-бы вѣрно опредѣлять философское міросозерцаніе нашего мыслителя-поэта и тѣмъ устравить сбивчивость пониманія тѣхъ или другихъ сторонъ его,—нельзя, кажется, не признать желательнымъ.

I.

Основной пунктъ міровоззрѣнія Достоевскаго, главный предметъ, который обнимается его философскою мыслию,—человѣкъ или міръ людей, съ ихъ жизнію, являющеюся какъ-бы средоточіемъ міровой жизни. По своимъ внутреннимъ основамъ бытія, человѣкъ, соотвѣтственно этому общему взгляду, мыслится имъ какъ носитель началъ гармоніи міровой жизни, въ частности-же и въ особенностяхъ той гармоніи взаимныхъ отношеній, которою обусловливается общее благо людей. Эта идея имѣетъ у него тѣсную связь, какъ съ своимъ основаніемъ, съ другими—„высшими“ идеями, которыми опредѣляются самыя основы человѣческаго бытія, его цѣли и задачи.

Собственно „высшая“ идея, по воззрѣнію Достоевскаго, одна—это идея безконечности бытія, безсмертія души. „Единственною“ высшею идеею Достоевскій признаетъ ее потому, что „всѣ остальные *высшія* идеи жизни, которыми можетъ быть живъ человѣкъ“, какъ религіозныя, нравственныя, — „лишь изъ одной ея вытекаютъ“. Она есть идея нескончаемаго совершенствованія человѣка, слѣдовательно, начало всѣхъ высшихъ

идей, осуществленіе которыхъ составляетъ задачу жизни человека и человечества. Ею сообщается высшій смыслъ земной жизни человека, крѣпится связь его съ землею. „Тутъ казалось-бы, говорить Достоевскій, даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е. кромѣ земной и безсмертная, то для чего-бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ напротивъ, ибо только съ вѣрой въ свое безсмертіе человекъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ“. Отсюда, идея безсмертія души служитъ животворнымъ началомъ для человека; это не есть что-либо создаваемое только и мыслимое отвлеченно,—нѣтъ,—„это сама жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ правильнаго сознанія для человечества“. Раскрывая такимъ образомъ значеніе идеи безсмертія, Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ ту мысль, что нормальное состояніе человечества непременно предполагаетъ вѣру въ безсмертіе, потому что она необходима, а изъ этого, скажемъ къ слову, онъ выводитъ истинность того, что бытіе души человеческой нескончаемо.

Выходя изъ того положенія, что идея безсмертія служитъ „источникомъ истины и правильнаго сознанія для человечества“, Достоевскій, въ выведенныхъ имъ различныхъ образахъ лицъ, отрицающихъ безсмертіе души, какъ-бы путемъ доказательства отъ противнаго, выражаетъ и утверждаетъ мысль, что безъ вѣры въ свою душу и ея безсмертіе человекъ не можетъ бытіе свое признавать естественнымъ, что при этомъ жизнь для него „невыносима“. Самымъ послѣдовательнымъ выразителемъ этой мысли является у него такъ называемый „логическій самоубійца“, выведенный въ трактатѣ, подъ заглавіемъ „Приговоръ“. Къ нему примыкаютъ по своимъ воззрѣніямъ—Кирилловъ („Бѣсы“), Ипполитъ („Идіотъ“) и отчасти Иванъ Карамазовъ („Братья Карамазовы“). Всѣ они рождаются въ томъ, что протестуютъ, или, выражаясь языкомъ Достоевскаго, *бунтуютъ* противъ основъ бытія и не хотятъ мириться съ „наличнымъ смысломъ“ его. Они негодуютъ на то, что явились на свѣтъ безъ ихъ воли (логич. самоуб., Ипполитъ), какъ произведеніе косной природы, для страдательнаго участія въ какой-то „гармоніи цѣлаго“, притомъ участія сознательнаго, зна-

читать,—для страданія,—явились съ тѣмъ, однако, чтобы, по дѣйствію той-же природы, уничтожиться. Такъ какъ, по взгляду „логическаго самоубійцы“, „до цѣлаго и его гармоніи ровно нѣтъ никакого дѣла“ ему, то для счастья его, возможнаго еще въ моментъ существованія, одинаково не имѣетъ значенія, останется-ли это цѣлое съ гармоніей послѣ него, или уничтожится вмѣстѣ съ нимъ. Самое сознаніе всего этого есть уже, по нему, дисгармонія. Оно не даетъ ему возможности жить такъ, какъ живутъ животныя; а стараться устроить жизнь „на разумныхъ основаніяхъ, на научно вѣрныхъ соціальныхъ началахъ—не для чего. Можно было бы примириться съ жизнью, повидимому, на „высшемъ и непосредственномъ счастьи любви къ ближнимъ“, какъ говоритъ „логическій самоубійца“, „и любви ко мнѣ человѣчества“; но при мысли, что „завтра-же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество обратится въ ничто“,—примиреніе это является невысказаннымъ. Разъясняя этотъ доводъ въ статьѣ „Голословныя утвержденія“, Достоевскій какъ-бы дополняетъ его, высказывая мысль, что любовь къ человѣчеству въ человѣкѣ, не вѣрующемъ въ безсмертіе души, еще болѣе усиливаетъ сознаніе его несчастія, потому что мысль о превращеніи человѣчества „въ нуль“, „изъ-за любви къ человѣчеству, возмущаетъ его, оскорбляетъ его за все человѣчество и, по закону отраженія идей, убиваетъ въ немъ самую любовь къ человѣчеству“ и даже превращаетъ эту любовь въ ненависть.

Самый прямой выходъ изъ этого отчаяннаго пессимизма, порождаемаго сознаніемъ безсилія предъ косною, самовластною и безучастною природою,—воспользоваться тѣмъ, что есть лучшаго въ человѣкѣ, какъ представителѣ той-же природы,—сознаніемъ и своею волею, или, лучше, своеволіемъ, для того, чтобы высвободиться изъ рабства ея и, не дожидаясь, пока она сдѣлаетъ его своею жертвою, уничтожить себя и, въ своемъ лицѣ,—саму эту природу. Самоубійство, поэтому, является тутъ естественнымъ актомъ, по которому человѣкъ можетъ возвыситься навсегда надъ природою. На языкѣ маньяка Кириллова, который дополняетъ собою „логическаго самоубійцу“, возвыситься такимъ образомъ надъ природою—значитъ стать

Богомъ. Онъ разсуждаетъ такъ. Человѣкъ — несчастенъ, и если живетъ, то только потому, что боится смертной боли и того свѣта; слѣдовательно, жизнь есть боль, страхъ, и человѣкъ обманываетъ себя, представляя, что любить жизнь: онъ любитъ боль и страхъ, которые для него — Богъ. Поэтому, „кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ Богъ будетъ“.

Но человѣку, отрѣшившемуся отъ идей бытія Бога и безсмертія души, можно иначе еще проявить и приложить свою силу сознанія и свободы: онъ можетъ употребить ее также для возведенія себя въ божество, но не переставая жить, быть человѣкомъ, не порывая сознательной связи съ міромъ. Эта идея — „человѣко-бога“ осязательно выражается у Достоевскаго въ галлюцинаціяхъ Ивана Карамазова, въ которыхъ наглядно представляется внутренняя мучительная борьба сомнѣнія съ отрицаніемъ. Мнимый гость, призракъ, представляющій сторону безусловнаго отрицанія въ убѣжденіяхъ Ивана Карамазова, этотъ Мефистофель его, внушаетъ ему, что отрекшись отъ Бога и идеи безсмертія, „человѣкъ (въ смыслѣ собирательномъ) возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится человѣко-богъ. Ежечасно побѣждая природу своею волею и наукой, человѣкъ тѣмъ самымъ ежечасно будетъ ощущать наслажденіе столь высокое, что оно замѣнитъ ему всѣ прежнія упованія наслажденій небесныхъ... Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать на то, что жизнь есть мгновеніе, и возлюбитъ брата своего уже безо всякой мзды“. Этимъ послѣднимъ изворотомъ отрицательной мысли, отличающейся какою-то панускною мечтательностью, очевидно, слишкомъ мало выясняется и вовсе не оправдывается идея человѣка-бога. Гораздо послѣдовательнѣе развивается она въ примѣненіи къ отдѣльному человѣку-отрицателю въ противоположномъ смыслѣ. Какъ носитель этой идеи, онъ ставится въ особое, исключительное положеніе въ отношеніи къ другимъ. Такъ, по взгляду „юнаго мыслителя“, до періода поголовнаго отреченія отъ Бога, который едва-ли, впрочемъ, когда-нибудь наступитъ, „всякому сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, „на новыхъ началахъ“. „Въ этомъ смыслѣ“, говоритъ далѣе за не-

го мнимый гость, характерно формулирует только что высказанную мысль, ему *все позволено*. Мало того: если даже периодъ этотъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія все-таки нѣтъ, то *новому человеку* позволительно стать челоѣко-богомъ, даже хотя-бы одному въ цѣломъ мірѣ, и, ужь конечно, съ легкимъ сердцемъ *перескочитъ* всякую *прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если оно понадобится*. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ—тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ-же будетъ первое мѣсто... *все дозволено!*“ Нѣтъ сомнѣнія, что это—бредъ; но ему никто не откажетъ въ своего рода логикѣ. Притомъ, въ немъ Иванъ Карамазовъ приблизительно раскрываетъ тоже, что онъ высказывалъ раньше въ здоровомъ состояніи, только какъ-бы условно, безъ утвержденія и отрицанія. Не возражая противъ того, что Міусовъ сообщалъ у Зосимы относительно разсужденія его о слѣдствіяхъ уничтоженія вѣры въ безсмертіе души,—вывода, что „тогда ничего уже не будетъ безнравственнаго, все будетъ дозволено“; что „для каждаго частнаго лица, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, нравственный законъ природы долженъ измѣниться въ полную противоположность прежнему“; что „эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ челоѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и чуть-ли не благороднымъ исходомъ въ его положеніи“,—опъ сказалъ: „нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія“. Эта условная формула, разумѣется, означаетъ не что иное, какъ то, что съ допущеніемъ основанія въ пей, т. е. отрицанія безсмертія, падаетъ обязательность для челоѣка всякихъ объективныхъ и субъективныхъ нравственныхъ требованій, даже всякаго нравственнаго принципа его жизни и дѣятельности. При такой *неограниченности* по отношенію къ области нравственныхъ дѣйствій, челоѣкъ съ данной точки зрѣнія, дѣйствительно, какъ-бы становится на „мѣсто Божіе“, — является челоѣко-богомъ. Значитъ, въ сущности, смыслъ этой послѣдней формулы тотъ же, что и въ высказанной Иваномъ Карамазовымъ въ бреду, въ словахъ: „все позволено!“ Соответственно этому смыслу идея „челоѣко-бога“ получаетъ иное, противопо-

ложное значеніе по отношенію къ той, по которой допускается, что, съ отрицаніемъ безсмертія, человекъ, являясь *независимымъ* отъ дѣйствія на него всякой высшей силы, можетъ усвоить себѣ божеское достоинство путемъ возвышенія до идеально - нравственнаго совершенства, выражающагося въ безкорыстной любви къ ближнимъ. Какъ наиболее послѣдовательно выводимая изъ отрицанія безсмертія, первая идея, — нравственной неограниченности человекъ-бога, по очевидному взгляду Достоевскаго, совершенно уничтожаетъ силу послѣдней, не имѣющей подъ собою сколько-нибудь твердыхъ логическихъ основаній.

Съ послѣдовательностью вывода многозначительной формулы „все позволено“ изъ той мысли, что нѣтъ безсмертія, съ точки зрѣнія Достоевскаго, нельзя не согласиться. Отъ логически неизбѣжнаго какъ для послѣдовательнаго отрицателя идеи безсмертія, такъ и для человекъ вѣрующаго въ загробную жизнь, напр., для старца Зосимы, который на высказанное Иваномъ Карамазовымъ положеніе: „нѣтъ добродѣтели, если нѣтъ безсмертія“ — отвѣтилъ: „блаженны вы, коли такъ вѣруете, или ужь очень несчастны“. Но нельзя не видѣть, что эта, такъ сказать, *примолнцкая*, безусловная формула заключаетъ въ себѣ такъ много разрушительнаго, что, при одной только идее ея приложенія, ведущаго несомнѣнно не къ иному чему, какъ къ антропофагін, къ взаимоуничтоженію людей, — становится немыслимою и самая идея человекъ-бога. Поэтому, чтобы осуществленіе данной формулы возможно было безъ нарушенія этой идеи, необходимо видоизмѣнить ее (формулу) или, по-крайней мѣрѣ, связать съ какимъ-либо нравственнымъ принципомъ, хотя-бы чисто субъективнымъ. Живымъ выразителемъ этой ступени развитія идеи человекъ-бога, покусившимся даже на выполненіе ея, является у Достоевскаго трагическая личность своеобразнаго, необузданнаго мыслителя-Раскольниковъ („Преступленіе и Наказаніе“).

Родственная связь между Раскольниковымъ и Иваномъ Карамазовымъ очевидна. Тотъ обликъ вѣрующаго человекъ, который по временамъ выказываетъ въ себѣ, — напр., въ воззваніяхъ къ Богу, въ заявленіи Порфирію о своей вѣрѣ въ Бога

и въ безсмертіе души,—до нравственнаго перелома Раскольниковъ, этотъ мученикъ своей мятежной идеи, является въ немъ, кажется, слѣдствіемъ непосредственнаго воздѣйствія воспитаннаго съ дѣтства религіознаго чувства, еще не успѣвшаго заглухнуть окончательно, состояніемъ своего рода аффекта. Религіозности его совершенно противорѣчитъ характеръ его злосчастной идеи, разсматриваемой въ связи съ Карамазовскою идеею человѣко-бога (хронологическая непослѣдовательность тутъ не имѣетъ значенія, а потому не должна смущать насъ). Раскольниковъ—это „новый человѣкъ“, который, по внушенію „научной“ мысли, какъ думаетъ Бухаревъ *), развилъ въ особую теорію и взялся было осуществить принципъ неограниченной свободы нравственныхъ дѣйствій, не стѣсняемыхъ никакими объективно-обязательными требованіями, законами, никакими установленными и установившимися нормами нравственной дѣятельности. Имъ овладѣла титаническая мысль—сдѣлаться независимымъ отъ всего того, что ставитъ его въ рабское подчиненіе кажущимся непреложнымъ законамъ нравственнаго добра; онъ думалъ, что, признавъ свою волю исключительнымъ источникомъ законодательства для себя, можетъ, силою своего духа, стать властнымъ двигателемъ жизни по направленію къ цѣлямъ добра, какъ понималъ его самъ онъ. Въ силу этой идеи самозаконодательства, онъ считалъ себя въ правѣ „поправлять природу“.

Основаніемъ такого, антиномизма, который можно назвать „индивидуальнымъ“, служитъ отрицаніе общеобязательности нравственнаго закона, равенства предъ нимъ всѣхъ людей. Раскольниковъ, подобно другимъ отрицателямъ, выведеннымъ Достоевскимъ (логич. самоуб., Иванъ Карам., Ипполитъ), дѣлитъ всѣхъ людей на два неравныхъ разряда: на „низшій“—людей, живущихъ только для рожденія себѣ подобныхъ, значить, для продолженія рода,—и на „высшій“—собственно людей, имѣющихъ даръ сказать „новое слово“ путемъ нарушенія существующихъ нормъ жизни,—преступленія закона. Масса „людей“ перваго разряда представляетъ изъ себя не что

*) „Прав. Обзр.“, янв. кн. 1834 г.

инное, какъ матеріалъ для различныхъ построеній, направленныхъ къ усовершенствованію жизни, — ничто инертное, чѣмъ можетъ и должна двигать, соотвѣтственно той или другой идеѣ благоустройства жизни, воля человѣка „необыкновеннаго“, принадлежащаго къ высшему разряду. Для выполненія „своей“ идеи, — способствованія возвышенію жизни людей, — такой человѣкъ можетъ, по этому взгляду, быть преступникомъ, или, выражаясь языкомъ Раскольникова, въ правѣ „дозволить своей совѣсти“ „перешагнуть... чрезъ нныя препятствія, — *разрѣшить кровь*“, пожертвовать, напримѣръ, жизнию немногихъ для тысячи жизней, по требованію математическаго разчета. Великіе водители человѣчества — Ликурги, Солоны, Магометы, Наполеоны, по воззрѣнію Раскольникова, — „все до единого были преступники, — уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, и ужь, конечно, не останавливались предъ кровью“.

Вотъ это-то нарушеніе закона, въ силу усвояемаго себѣ права самозаконодательства и во имя лучшаго устроенія или „поправленія“ жизни, Раскольниковъ и принялъ было за принципъ, которому онъ долженъ слѣдовать въ своей жизни, какъ человѣкъ, возвышающійся надъ массою. Въ своемъ мрачномъ катихвизисѣ онъ смѣло провозглашаетъ, что „кто крѣпко въ умѣ и силенъ духомъ, тотъ у нихъ (т. е. у людей низшаго разряда) и силенъ; кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣ!“ и что „власть дается только тому, кто посмѣетъ поклониться и взять ее. Тутъ только одно, одно: стоитъ только посмѣть“. И онъ съ веподѣльнымъ восторгомъ говоритъ, при этомъ, о себѣ: „у меня только одна мысль выдумалась, въ первый разъ въ жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ! Никто! Миѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ-же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелицности, взять все просто за просто за хвостъ и стряхнуть къ черту! Я захотѣлъ осмѣлиться“... Убіеніе, совершенное имъ не для собственной наживы и не для облагодѣтельствованія другихъ, было не болѣе какъ опытомъ надъ силой своего духа,

чтобы увѣриться, можетъ-ли онъ „осмѣлиться взять власть“, „тварь-ли онъ дрожащая“, или—тутъ не досказавъ самъ собою вытекающій противоположный членъ дѣленія,—или „творецъ“ новыхъ началъ жизни, существо самовластное, верховный законодатель и судья для себя? По его взгляду, стоитъ только посмѣть коснуться установившагося принципа верховнаго нравственнаго законодательства,—и падутъ узы духовнаго рабства, эта бессмысленная зависимость отъ какихъ-то безусловныхъ, а на самомъ дѣлѣ—произвольныхъ и насильственныхъ формъ слѣдованія требованіямъ добра (не самый принципъ добра, которымъ, съ точки зрѣнія Раскольникова, только и оправдывается „новое слово“, покупаемое цѣною преступленій, а принципъ всеобщей обязательности и непреложности верховныхъ предначертаній). Ему казалось, что только нужно посягнуть на этотъ принципъ, „сломать, что надо, разъ навсегда, и страданіе взять на себя“,—и само собою получится право передѣлывать міръ, распоряжаться людьми какъ матеріаломъ, пріобрѣтется власть „надъ всею тварью дрожащею и надъ всѣмъ муравейникомъ“. Отдаваясь мучительному анализу своего неудавшагося опыта, Раскольниковъ рѣшительно думалъ, что тутъ онъ имѣлъ дѣло съ принципомъ. „Старушонка вздоръ, думалъ онъ, старуха пожалуй, что и ошибка, не въ ней и дѣло!.. я переступить скорѣе хотѣлъ... я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ“. Убилъ онъ этотъ принципъ, добавимъ, для того, чтобы замѣнить его своимъ, новымъ принципомъ нравственнаго самозаконодательства.

Впрочемъ, и способъ нарушенія этого принципа на дѣлѣ существенно связавъ съ Раскольниковскою идеею „поправленія природы“ людьми, способными „посмѣть взять власть“. Для Раскольникова, хотѣвшаго усвоить себѣ назначеніе—быть своего рода зодчимъ счастья людей, съ правомъ пользоваться ими какъ матеріаломъ и, какъ-бы въ видѣ приспособленій, уничтожать въ немъ все негодное и вредное,—убійство должно было явиться ближайшимъ дѣломъ, съ котораго, именно, слѣдовало начать. Утверждая, что люди, „чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны быть преступниками, разрушителями настоящаго „во имя лучшаго будущаго“, Расколь-

никовъ говоритъ о нихъ, что „если падо“ для осуществленія своей идеи „перешагнуть черезъ трупъ“, то они могутъ „дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь“. Въ этомъ-то и нужно было ему испытать себя. Стало быть, одно желаніе на самомъ дѣлѣ отрѣшиться отъ тяготящаго надъ всѣми принципа верховнаго законодательства, соединенное съ вѣрою въ право распоряжаться жизнью низшихъ людей, неминуемо должно было привести его къ убійству, подобно тому, какъ, скажемъ къ слову, наоборотъ, сознаніе безенія предъ самою властною природою въ логическомъ самоубійцѣ и желаніе стать выше ея—къ самоубійству.

Такой переходъ идеи Раскольниковой даетъ основаніе заключать, что Достоевскій смотритъ на нее какъ на видоизмѣненіе идеи Ивана Карамазова. Отмѣняя высшее нравственное законодательство, ставя себя внѣ всякихъ отношеній къ источнику его—Богу, этимъ самымъ Раскольниковъ, соотвѣтственно идеѣ Ивана Карамазова, занимаетъ „мѣсто Божіе“. Поэтому, нельзя не признать истиннымъ, согласнымъ со взглядомъ Достоевскаго, толкованіе смысла и характера возрѣній Раскольниковой, высказанное Бухаревымъ. По нему, „древнее *будете яко боги*—не чрезъ преданно-послушливое усвоеніе себѣ Бога, а чрезъ развитіе мятежной независимости отъ Него,—это древнее обольщеніе принято (Раскольниковымъ) за самую норму нравственнаго порядка, за новый нравственный принципъ“. Если такъ, то идея Раскольниковой есть, въ сущности, идея челоѣкобога и, какъ Карамазовская, не смотря на свою сравнительную высоту, такъ-же несостоятельна: принципъ самозаконодательства избранныхъ, въ своемъ крайнемъ приложеніи, влечетъ не къ лучшему устроенію жизни людей, а, какъ начало произвола,—къ взаимоуничтоженію ихъ, къ антропофагін.

„Индивидуальный антимизмъ“, это порожденіе болѣзненно напряженной мысли, устраняющей Бога отъ устроенія судебъ челоѣчества, по взгляду Достоевскаго, есть нѣчто въ высшей степени ненормальное, искажающее нравственную природу челоѣка, не способное дать удовлетвореніе его стремленіямъ. За малѣйшую попытку осуществить его противоестественныя начала, челоѣкъ, не утратившій въ себѣ искры Божіей, ка-

рается страшною нравственною пыткой. Это съ необыкновенною силою и живостию выразилъ Достоевскій въ образѣ Раскольникова, въ глубокомъ анализѣ того, такъ сказать, нравственнаго самоубійства, къ которому приводитъ гордое посягательство на религіозно-нравственныя основы жизни, хотя-бы оправдываемое высшими цѣлями.

Слѣдя за слѣдствіями отрицанія религіозно-нравственныхъ основъ, связанныхъ съ идеею безсмертія души, Достоевскій съ особеннымъ вниманіемъ останавливается, далѣе, на антиномизмѣ, которымъ проникнута доктрина социалистическая, съ ея позитивными началами. Отдѣльная личность верховнаго нравственнаго самозаконодателя здѣсь уступаетъ мѣсто, такъ сказать, личности коллективной, собирательной, способной организовать и упорядочивать жизнь людей на основаніи научныхъ законовъ, которыми можетъ обеспечиваться общее счастье людей. По этой доктринѣ, отдѣльные люди тоже—своего рода матеріалъ, изъ котораго строится общественный организмъ по законамъ техники, которые диктуются наукою,—на основаніи математической выкладки. Человѣкъ, въ этомъ случаѣ, по остроумному сравненію Достоевскаго, нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органаго штифтика, на которыхъ играютъ законы природы, такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, происходитъ вовсе не по его хотѣнію, а само собою, по законамъ природы. Слѣдовательно, выводитъ отсюда Достоевскій,— „законы эти стоитъ только открыть, и ужь за свои поступки человѣкъ отвѣчать не будетъ... Всѣ поступки сами собою будутъ разчислены тогда математически“. Эти законы природы, по которымъ, съ точки зрѣнія позитивизма, только и должна устроиться жизнь человѣчества, по взгляду Достоевскаго, образуютъ стѣну, о которую разбивается нравственная человѣческая личность. „Ужь какъ докажутъ тебѣ, говоритъ онъ, что, въ сущности, одна капелька твоего жира должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются подъ конецъ всѣ, такъ называемыя, добродѣтели и обязанности и проч. бредни и предрасудки,—такъ ужь такъ и примѣчай, какъ $2 \times 2 = 4$ “. Впрочемъ, добро этимъ не исключается; напротивъ, по рассматриваемому уче-

нію оно вполнѣ обезпечивается и вызывается... выгодами его, каковы: благоденствіе, богатство, свобода, покой и т. п., взятыми изъ „статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ“. Не подвергая подробному обсужденію этой теоріи добра, Достоевскій съ очевидностью раскрываетъ то, что вся эта „система выгодъ“ рушится оттого, что „подъ классификацію разныхъ выгодъ не подходитъ самая *выгодная выгода*, для которой человекъ готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти...—свое собственное вольное хотѣніе, свой собственный хотя-бы и дикій капризъ“. На свободное хотѣніе онъ смотритъ какъ на „проявленіе всей человѣческой жизни“, по которому человекъ допускаетъ въ своихъ желаніяхъ нѣчто такое, что никоимъ образомъ нельзя оправдать съ точки зрѣнія выгоды, требуемой разсудкомъ,—допускаетъ, чтобы только имѣть право пожелать вреднаго, т. е. глупаго, во имя сохраненія своей „личности, индивидуальности“,—какъ-бы для того, чтобы доказать, что онъ не штифтикъ. При такомъ взглядѣ Достоевскаго на существо души человека, для него не мыслима необходимость и полная возможность согласованія воли человека „съ его нормальными интересами, съ законами природы, съ арифметикой“. Вмеѣстѣ съ этимъ Достоевскій рѣшительно отрицаетъ возможность найти математическую формулу жизни, собственно формулу человѣческихъ хотѣній, капризовъ,—того, отъ чего они зависятъ, какъ происходятъ и къ чему направляются. Въ хотѣніяхъ этихъ, по нему, такъ много противоположностей, взаимноисключеній, что ихъ нельзя опредѣлить математически. Человекъ, наиримѣръ, по своей природѣ,—существо или, какъ выражается Достоевскій, „животное созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, т. е. вѣчно и непрерывно дорогу себѣ прокладывать куда-бы то ни было“. Но, замѣчательное дѣло, отдаваясь созиданію, человекъ, по Достоевскому, то и дѣло производитъ разрушеніе, постоянно обнаруживая свою неудовлетворенность, потому что „любить только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль“. Такъ, по нему, Колумбъ былъ болѣе счастливъ при открываніи Америки, а не при открытіи ея, и это объясняется тѣмъ, что „счастье

человѣка—не въ счастьи, и въ достиженіи его“. Поэтому, нашъ мыслитель признаетъ совершенно несостоятельною мысль, что будетъ время, когда премудрость откроетъ законы (жизни), а знаніе законовъ счастья—выше счастья. Эти открытія, какъ, скажемъ къ слову, и открытія противоположнаго характера, но сходныя по значенію для человѣка—спиритскія, по воззрѣнію Достоевскаго, сулятъ человѣку „камни, обращенные въ хлѣбы“ и вмѣстѣ грозятъ заключить его въ „хрустальный дворецъ“,—отнять свободную волю, личность, жизнь человѣческую, наконецъ, или-же—превратить землю въ огромный муравейникъ, а людей въ муравьевъ.

Необходимымъ слѣдствіемъ отрицанія религіозно-нравственныхъ основъ во имя замѣняющихъ ихъ законовъ естественныхъ, удовлетворяющихъ только разумнымъ интересамъ выгоды, Достоевскій признаетъ полное обособленіе людей, разъединеніе, неминуемо сопряженное съ борьбою „за мое и твое“. Этому принципу личности или обособленія онъ придаетъ существенно важное значеніе, какъ симптому разложенія общества, націи, въ которыхъ только можетъ обнаруживаться „обособленіе“. Оно, по Достоевскому, должно естественно произойти съ утратою въ людяхъ того, что составляетъ для человѣка и человечества „душу живу“—нравственной мысли, которая „тѣмъ-то и сильна, тѣмъ-то и единитъ людей въ крѣпчайшій союзъ, что измѣряется не немедленной пользой, а стремится въ будущее, къ цѣлямъ вѣковѣчнымъ, къ радости абсолютной“. Между тѣмъ при этомъ-то ненормальномъ строѣ жизни людей должна съ особенною силою говорить въ нихъ боязливая потребность единенія. Въ своемъ фантастическомъ разсказѣ „Сонъ смѣшнаго человѣка“, изображая исторію духовнаго растлѣнія человечества, въ частности, моментъ разъединенія, онъ въ высшей степени характерно представляетъ и потребность, и интересы этого единенія. „Стали появляться люди, между прочимъ говорится здѣсь, которые начали подумывать, какъ-бы всѣмъ вновь такъ соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всѣхъ, въ тоже время не мѣшать никому другому, и жить, такимъ образомъ, всѣмъ вмѣстѣ какъ-бы и въ согласномъ обществѣ. Цѣлыя войны под-

нялись изъ-за этой идеи. Всѣ воюющіе твердо вѣрили въ то же время, что наука, премудрость и чувство самосохраненія заставятъ, наконецъ, человѣчество соединиться въ согласное и разумное общество“. Такимъ образомъ, мотивомъ къ единенію людей, по этому изображенію, служитъ, какъ фельетонно выражается Достоевскій, „спасеніе животиншекъ“; а идея эта, по нему, „самая безсильная и послѣдняя идея изъ всѣхъ идей, единящихъ человѣчество. Это уже начало конца, предчувствіе конца“. Но чѣмъ и какимъ образомъ, спрашивается, можно достигъ хотя-бы такого единенія? На это Достоевскій отвѣчаетъ, если можно такъ сказать, теоріею социалистическаго муравейника, которая, по его характеристикѣ, „опредѣляетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготѣетъ, и опредѣляетъ заравѣе расчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый долженъ добровольно внести, въ ущербъ своей личности, въ общину...“, такъ что, по этой теоріи, въ такомъ союзѣ людей, какъ въ муравейникѣ „все такъ разливевано..., всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло“. Тутъ все, очевидно, основано на силѣ экономической, на математической выкладкѣ, разумѣется, по послѣднимъ требованіямъ науки, и соотвѣтственныхъ всему этому принципамъ праваго порядка.

Основывая свой „естественный союзъ“, главнымъ образомъ, на началахъ экономическихъ, слѣдовательно, имѣющихъ внѣшній характеръ, опредѣляя и регулируя этотъ экономическій, такъ сказать, строй жизни правовымъ порядкомъ, социализмъ видитъ въ послѣднемъ необходимое условіе достиженія цѣлей нравственныхъ. Ему хочется, какъ указываетъ Достоевскій, придать взаимнымъ отношеніямъ членовъ обликъ и окраску отношеній нравственныхъ, по пресловутой формулѣ: „свобода, равенство, братство“. Достоевскій рѣшительно отвергаетъ нравственный характеръ въ этихъ отношеніяхъ и съ удивительною тонкостью и пропіею разоблачаетъ то, какъ указанная въ знаменитомъ девизѣ начала не соотвѣтствуютъ кореннымъ основамъ социализма. Особенно же онъ нападаетъ на третій членъ этого девиза, раскрывая его полную несостоятельность. Братство, какъ форму внутренняго, нравственнаго

единенія и въ этомъ только смыслъ представляющаго живую, способную двигать человѣчество силу, Достоевскій считаетъ совершенно невозможнымъ при механическомъ складѣ отношеній между членами социалистическаго союза. Истинное братство, по нему, не мыслимо тамъ, гдѣ каждому отводится строго очерченное мѣсто въ ряду другихъ, съ исключеніемъ, по законамъ природы, возможности свободныхъ уступокъ въ пользу другихъ, гдѣ заботятся только о сохраненіи, уравниженіи и объ огражденіи правъ, гдѣ о *сердечныхъ узакъ*, составляющихъ душу братскихъ отношеній, не можетъ быть и рѣчи. Тутъ возможно только болѣе или менѣе правильно, притомъ теоретически распределенное сосѣдство, съ взаимными отношеніями, основанными на выгодѣ, чѣмъ извращается самый смыслъ братства. Какъ единеніе по вышней необходимости, для котораго,—что видно изъ предъидущаго,—должна приноситься въ жертву нравственная личность человѣка, это мнимое братство и въ основѣ отличается насильственнымъ характеромъ, и въ своемъ осуществленіи, по мнѣнію Достоевскаго, должно обнаруживаться беспощаднымъ насиліемъ. Въ этомъ насиліи онъ и видитъ характерную черту, по которой представляетъ, что социализму присущъ антимизмъ. Поэтому онъ считаетъ естественнымъ и логически необходимымъ завершить формулу: „liberté, égalité, fraternité“ многозначительнымъ добавленіемъ: „ou la mort,“ что, по его перифразу, въ соединеніи съ послѣднимъ членомъ, значитъ: „будь мнѣ братомъ—или голову долой“. Изъ всего этого слѣдуетъ, что при отсутствіи внутреннихъ началъ братскаго единенія, кроющихся въ вѣрѣ въ Бога и въ безсмертіе души, никакимъ правовымъ порядкомъ невозможно создать братства, никакими учрежденіями нельзя установить истинно нравственныхъ отношеній между людьми или даже оградить ихъ отъ насилія въ томъ или другомъ видѣ. Въ высшей степени характерное разоблаченіе всей несостоятельности какой-то папусквой вѣры въ правовой порядокъ, замѣняющей вѣру въ Бога и въ безсмертіе души, мы находимъ у Достоевскаго въ выведенномъ имъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ разговорѣ социалиста Ракитина съ искренно вѣрующимъ Алексѣемъ Карамазовымъ. „Человѣчество, говоритъ,

между прочимъ, Ракитинъ, само въ себѣ силу найдетъ, чтобы жить для добродѣтели, даже и не вѣря въ безсмертіе души. Въ любви къ свободѣ, къ равенству, братству найдетъ“. Какимъ путемъ можно осуществлять эту любовь, объ этомъ онъ внушительно замѣчаетъ своему собесѣднику: „ты о расширеніи гражданскихъ правъ человѣка хлопочи лучше, али хоть о томъ, чтобы цѣна на говядину не возвысилась; этимъ проще и ближе человѣчеству любовь окажешь, чѣмъ философіями“. Въ краткомъ отвѣтѣ Алексѣя Карамазова на эти, повидимому, заманчивыя слова, Достоевскій высказалъ, безъ сомнѣнія, свой отрицательный взглядъ на правовую теорію Ракитина и подобныхъ ему. „А ты безъ Бога-то, отвѣчаетъ у него Алексѣй, самъ еще на говядину цѣну набьешь, какъ подъ руку попадетъ, и наколотишь рубль на копейку“.

Вотъ къ какимъ слѣдствіямъ приводитъ, по воззрѣнію Достоевскаго, отрицаніе „самой высшей идеи“, въ связи съ вопросами о земной жизни людей, объ ея благоустройствѣ. Едва ли нужно вдаваться въ подробное раскрытіе того, что нашъ мыслитель-поэтъ разсматриваетъ ихъ съ тою мыслию, чтобы показать и доказать, что безъ вѣры въ безсмертіе, само собою предполагающей вѣру въ Бога,—безъ вѣры, слѣдовательно, въ нескончаемое совершенствованіе человѣка, подъ условіемъ нравственнаго единенія съ другими, къ чему призываетъ Христосъ, — безъ Христа — истинно человѣческая жизнь невозможна.

На ряду и даже отчасти въ связи съ этими антирелигіозными воззрѣніями относительно устройства жизни людей Достоевскій разсматриваетъ идею наилучшаго устройства жизни человѣчества, сложившуюся въ нѣдрахъ христіанства и развившуюся въ своеобразную доктрину, провозглашающую, однако, такія начала человѣческаго единенія, которыя не только не согласны съ христіанскими основами, но являются полнымъ отрицаніемъ ихъ. Идея эта, направленная къ установленію лучшаго строя жизни человѣчества, единенія людей, не имѣющаго, по Достоевскому, ничего общаго съ союзомъ ихъ въ духѣ христіанства — „идея католическая“. Въ католицизмѣ, по взгляду Достоевскаго, систематически подавляется, подвергается по-

пиранію основная движущая сила, при которой только возможно истинное единеніе,—сила человѣческой личности, заключающей въ себѣ, такъ сказать, точки притяженія для подобныхъ ей. Въмѣсто нея тутъ является дѣйствующею иная единящая сила—внѣшняя, сила власти, авторитета, которая, какъ нѣчто роковое, представляется тяготяущею какъ надъ отдѣльными людьми, такъ и надъ цѣлымъ механически сплоченнымъ обществомъ ихъ. Эта насильственность объединенія людей въ католицизмѣ отмѣчается Достоевскимъ съ особенною силою и рѣзкостью во многихъ его произведеніяхъ. Разсматривая католичество со стороны его идеи устройства человѣческаго общества, или, выражаясь языкомъ „Дневника Писателя“, собственно „идею католическую“, онъ видитъ въ этой идеѣ объединенія людей стремленіе установить формулу общественнаго устройства, напоминающую формулу древняго Рима. Мало того, онъ даже связываетъ католическую идею съ идеею древняго Рима, какъ идеею насильственнаго единенія человѣчества, представляя католицизмъ хранителемъ и обновителемъ этого столь родственнаго ему наслѣдія. Но еще поразительнѣе то, что по этой идеѣ онъ сближаетъ католицизмъ съ видимымъ врагомъ его—соціализмомъ (французскимъ). „Теперешній соціализмъ французскій, говоритъ онъ, повидимому, горячій и роковой протестъ противъ идеи католичества, есть не что иное, какъ вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе католической идеи, самое полное и окончательное завершеніе ея, роковое ея послѣдствіе, выработавшееся вѣками. Ибо соціализмъ французскій есть не что иное, какъ насильственное единеніе человѣчества, — идея, еще отъ древняго Рима идущая и потомъ всецѣло въ католичествомъ сохранившаяся“. Франція, по его словамъ, „и въ революціонерахъ конвента, и въ атеистахъ своихъ, и въ соціалистахъ своихъ—все еще въ высшей степени есть и продолжаетъ быть націею католическою вполне и всецѣло, вся зараженная католическимъ духомъ, провозглашающая *liberté, égalité, fraternité—ou la mort*, точь въ точь какъ-бы провозгласилъ это самъ папа, если-бы только принужденъ былъ провозгласить и формулировать—*liberté, égalité, fraternité* католическую—его слогомъ, его духомъ“. Выходя

изъ такого взгляда на отношеніе католичества къ социализму, Достоевскій легко и не безъ основанія могъ допустить, что, для осуществленія своей идеи, оно, при потерѣ союзниковъ, облегченныхъ верховною властью, обратится къ народу съ социалистической пропагандой, съ проповѣдью насильственнаго братства, девизомъ которой будетъ: „fraternité ou la mort, и уравненія имущества, при чемъ, для устроенія земнаго рая, оно потребуетъ только вѣры въ папу, замѣняющей вѣру въ Бога. Въ этомъ, приблизительно, смыслѣ, католическая идея съ поразительною силою выражена Достоевскимъ въ его знаменитомъ „Великомъ Инквизиторѣ“ („Братья Карамазовы“).

Въ образѣ героя названной легенды, этого суроваго, своеобразнаго строителя земнаго счастья людей, Достоевскій представляетъ крайнее развитіе католической идеи вообще и въ частности—идеи насильственнаго единенія человѣчества, по дѣйствию избранныхъ носителей и исполнителей этой идеи. Какъ сосредоточенный поборникъ ея, великій инквизиторъ высказываетъ презрительно-сострадательный взглядъ на людей, выдѣляя изъ нихъ только избранныхъ, способныхъ быть водителями массы. Онъ не только не отрицаетъ въ человѣкѣ свободы, какъ внутренней пружины его дѣйствій, какъ начала его внутренней жизни, но, напротивъ, видитъ въ обладаніи именно ею коренную причину несчастья людей, неистощимый источникъ мученій человѣчества. Этотъ высокій даръ, думаетъ онъ, не по силамъ обыкновеннымъ людямъ, невыносимъ для нихъ. Они тяготеютъ имъ, какъ достояніемъ, которымъ не могутъ пользоваться для цѣлей счастья, а потому постоянно тревожно желаютъ, чтобы кто-нибудь снялъ съ нихъ это иго и взялъ-бы на себя,—тоскливо ищутъ, кто-бы овладѣлъ ихъ свободою, управлялъ ихъ всею жизнію, притомъ—всѣхъ вмѣстѣ, сдѣлалъ ихъ объектомъ своихъ заботъ, принявъ на себя полную отвѣтственность за ихъ жизнь. Свободное слѣдованіе Христу, непринужденная, нестѣсняемая виѣшнею силою чуда, вѣра въ Него, вольное послушаніе во всемъ, что заповѣдуетъ Онъ, свободный откликъ на божественный, любвеобильный призывъ къ участию въ искупительныхъ заслугахъ, къ крестопоненію, самосовершенствованію,—все, чѣмъ высока Его проповѣдь,

вѣдь,— все это, являющееся удѣломъ немвогихъ избранныхъ, сильныхъ духомъ— для боговъ изъ людей, — для обыкновенныхъ смертныхъ, по взгляду Великаго Инквизитора, было не благимъ игромъ, а чѣмъ-то гнетущимъ, совершенно подавляющимъ ихъ силы и потому могло сдѣлать ихъ только глубоко несчастными. Вотъ почему, проникнутые живымъ участіемъ къ судьбѣ этого жалкаго люда, движимые чувствомъ міровой скорби, лучшіе люди—избранники, къ которымъ отпоситъ себя Великій Инквизиторъ, должны были стремиться „исправить *повиизъ* Его“ (Христа). Имъ нужно было для этого овладѣть свободою простыхъ людей, давъ взамѣнъ ея возможность пользоваться, не чувствуя укоровъ совѣсти, тѣми внѣшними, чувственными недозволенными благами, на которыя, какъ дѣти на лакомства, такъ падки они, и которыя, при полученіи изъ рукъ ихъ благодѣтелей - боговъ, имѣютъ только сладость удовлетворенія потребностямъ,—являются какъ-бы камнями, чудесно превращенными въ хлѣбы. Къ этому средству оболъщенія людской совѣсти они присоединили еще тайну, которою окружили свое дѣло, представляя его дѣломъ Христа, въ дѣйствительности-же отрицая все, что завѣщано Имъ. Какъ носители тайны, которая вообще составляетъ потребность слабыхъ смертныхъ, они привлекаютъ къ себѣ возбужденные взоры этихъ простодушныхъ дѣтей, съ выраженіемъ полной преданности и готовности поклоненія. Благодаря такимъ цѣлесообразнымъ средствамъ, имъ легко уже, силою своего авторитета, подчинить себѣ всѣхъ людей, соединить ихъ „въ безспорный, общій и согласный муравейникъ“ и тѣмъ удовлетворить ихъ потребности всемірнаго единенія, которая не даетъ имъ покоя. „Всегда человѣчество въ цѣломъ, говоритъ Великій Инквизиторъ, стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великою исторіею, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели—Тимуры, Чингисханы пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и бессознательно, но выражали ту-же самую великую потребность ко всемірному и всеобщему единенію“. Удовлетворяя этой

потребности, они сдѣлали то, что, по воззрѣнію Великаго Инквизитора, долженъ былъ сдѣлать Христосъ—„взяли мечъ Кесаря“, чтобы основать всемірное царство и дать всемірный покой“. Ибо кому-же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбъ ихъ. (Обладаніе это, обусловливающееся стремленіемъ людей къ какой-то всемірной стабильности, оправдывается міровою цѣлью всеобщаго счастья людей, хотя въ существѣ своемъ оно имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ.

Во всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ мы не можемъ не видѣть нѣкоторыхъ особенностей отрицательной мысли, съ которыми познакомились выше. По нимъ, мрачный, чудовищный образъ мыслителя, представленнаго въ Инквизиторѣ, самъ собою напрашивается на странныя, съ перваго взгляда, но на самомъ дѣлѣ естественныя и много говорящія сближенія. Такъ, идея *исправленія подвига* Христа, къ которой сводится все философствованіе инквизитора, весьма близко напоминаетъ идею *поправленія природы* Раскольниковъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно сказать даже, совпадаетъ съ ней. Осуществленіе какъ той, такъ и другой основывается на принципѣ „самозаконодательства“ водителей человѣчества, на самовольномъ присвоеніи нѣкоторыми избранными людьми права нарушать нравственныя требованія, освященныя, такъ сказать, общимъ сознаніемъ неприкосновенности, права идти противъ заведомо святыхъ истинъ для того, чтобы открывать новые пути къ счастью массы человѣчества и вести по нимъ людей, способныхъ только слѣдовать за другими. Взглядъ сближаемыхъ мыслителей на громадное большинство людей, какъ на инертную массу, какъ на матеріалъ для созиданія цѣлаго, по плану и трудами немногихъ избранныхъ творцовъ общаго счастья, располагаетъ ихъ видѣть въ себѣ не только людей-благодѣтелей, но существъ необыкновенныхъ, своего рода *боговъ*.—Далѣе, по разсужденію Великаго Инквизитора, эти благодѣтели человѣчества, эти двигатели его по пути къ счастью, являются изобрѣтателями той формулы благоустройства человѣческой жизни, при которой только и возможно это счастье и къ которой стремятся „міръ людской“. Формула эта—всеобщее единеніе

по дѣйствию вѣшней силы,—союзъ, основанный на выгодѣ, которому должна приноситься въ жертву нравственная личность человѣка. Это та-же формула муравейника, которую Достоевскій видитъ въ доктринѣ социализма. Слѣдовательно, провозглашая идею насильственнаго единенія, какъ идею, разрешающую вѣковѣчную задачу человѣчества, католицизмъ, по взгляду Достоевскаго, выраженному въ Великомъ Инквизиторѣ, подаетъ руку своему порожденію—социализму. Совмѣстивъ въ Великомъ Инквизиторѣ, такимъ образомъ, столько не соответствующаго, даже враждебнаго кореннымъ основамъ христіанства, столько „бунтующаго противъ Христа“, Достоевскій выразилъ въ немъ „страшную силу отрицанія“. Это высказалъ онъ самъ въ своей „записной книжкѣ“, разумѣя силу отрицанія христіанства, до которой можетъ дойти, по его мнѣнію, католицизмъ съ своею пресловутою идеею всемірнаго единенія или, лучше, всемірнаго владычества. Соответственно этому, Достоевскій съ правомъ могъ утверждать, что западъ (разумѣется, прежде всего, католическій) „Христа потерялъ“ и что не ему, поэтому, предстоитъ разрешить задачу отысканія и выполненія истинной формулы устроенія человѣческой жизни, а носителямъ и хранителямъ истиннаго христіанства, пронибнутымъ его духомъ, его силою.

А. Снегиревъ.

(Окончаніе будетъ).

ФИЛОСОФСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ *) я указывала, между прочимъ, на практическую задачу философіи—именно на примиреніе религіи и науки. Находясь по своему значенію между этими двумя крайними полюсами познанія, философія должна служить имъ связующимъ звеномъ, указывая на единство и согласіе ученій откровенной религіи съ положеніями точныхъ наукъ во всемъ, что касается послѣднихъ основъ жизни вселенной. Путь, по которому философія должна слѣдовать для выполненія этого своего назначенія, намѣченъ довольно ясно. Въ самомъ дѣлѣ, отдѣлы познанія: наука, философія и религія имѣютъ соотвѣтственный рядъ объектовъ: міръ (внѣшній), его сущность и Богъ.—По ученію философіи міръ есть проявленіе сущности; сущность признана нами силой, которая затѣмъ, согласно Шопенгауеру и Гартману, ближе опредѣляется какъ воля. Благодаря этимъ двумъ положеніямъ философія сразу занимаетъ то посредствующее мѣсто между наукой и религіей, о которомъ идетъ рѣчь. Дѣйствительно, утверждая, что сила есть сущность всего, философія съ одной стороны находится въ полномъ согласіи съ положеніями точныхъ наукъ, лучшіе представители которыхъ принимаютъ за послѣднее основаніе матеріи невещественные центры силъ. Опредѣляя затѣмъ эту силу какъ волю, философія съ необходимостью приходитъ къ признанію Бога, какъ послѣдней и высшей при-

---

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1885, январь № 1, стр. 34.

чины или начала міра. Въ самомъ дѣлѣ, воля несомнѣнно должна быть волей кого нибудь: представлять себѣ объективное существованіе воли самой по себѣ, какъ дѣлаетъ это Шопенгауеръ,—безъ субъекта, которому она принадлежитъ,— есть въ сущности нелѣпость, неоправдываемая ни логически, ни практически, т. е. опытомъ. Послѣдній учитъ насъ, что воля всегда принадлежитъ какому-либо субъекту и безъ него не мыслима; требуется поэтому самое неестественное усиліе надъ собственнымъ разумомъ, чтобы вмѣстѣ съ означеннымъ философомъ хоть на одну минуту подпереть вселенную такимъ, такъ сказать, пустымъ мѣстомъ, какъ воля, сама по себѣ существующая. Но если законы нашего разума и опытъ необходимо требуютъ субъекта для всякой воли, то кто можетъ быть субъектомъ міровой воли, повелѣвающей движеніями „и неба и земли“? Отвѣтъ только одинъ: такимъ высочайшимъ субъектомъ можетъ быть только Богъ, однимъ хотѣніемъ своимъ изъ ничего сотворившій небо и землю. Философія, признающая волю послѣдней основой міра, должна съ благоговѣйнымъ изумленіемъ склониться передъ глубочайшимъ смысломъ словъ бытописателя Моисея, который предвосхитилъ у нея идею этой воли, возвѣстивъ, что все сотворено и держится и живетъ однимъ хотѣніемъ Божиимъ. Такимъ образомъ, ученіе религіи о томъ, что вселенная есть творческій актъ воли Божіей,—философія согласуетъ при помощи посредствующаго понятія силы съ естественно-научными понятіями о первоосновѣ всего, указывая: 1) что эта первооснова можетъ быть только силой и 2) опредѣляя эту силу какъ волю.

Однако вышесказаннымъ отношеніямъ философіи къ религіи не исчерпываются. Дѣло въ томъ, что философія, поставляя на видъ совершенное отсутствіе противорѣчій религіи и науки въ пунктахъ, въ которыхъ послѣднія вообще соприкасаться могутъ,—тѣмъ самымъ какъ-бы оказываютъ услугу, если и не христіанству, которое ни въ какихъ человѣческихъ услугахъ нуждаться не можетъ,—то по крайней мѣрѣ вѣрующимъ христіанамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ-бы взаимнѣ этого, сама философія получаетъ въ религіи, и именно христіанской, единственную надежную точку опоры для собственныхъ постро-

еній, если только она захочетъ правильно понять свою задачу и свое положеніе въ сферѣ человѣческаго познанія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ *) я указывала на попятыванія философіи въ область компетенціи религіи, какъ на одну изъ главныхъ ошибокъ первой, и объясняла происхожденіе этой ошибки стремленіемъ философіи считать свое неизвѣстное (сущность міра) за абсолютно-безусловное начало. Въ соответственномъ мѣстѣ я указывала, что принимая сущность міра за начало безусловное съ одной стороны, а съ другой—дѣлая это начало предметомъ своихъ обсужденій и положеній, философія впадаетъ въ чистое *contradictio in adjecto*. Безусловное начало или, —придерживаясь равнѣ принятой мной терминологіи,— начало абсолютно-безусловное, т. е. Богъ, долженъ быть лишь постулятомъ философскаго мышленія, а не объектомъ его. Дѣло философіи здѣсь ограничивается лишь тѣмъ, чтобъ показать *необходимость бытія* духовнаго и абсолютнаго существа; рѣшеніе же вопроса о томъ, каково именно это существо, каковы его атрибуты и пр., находится рѣшительно внѣ компетенціи философіи. Она при всѣхъ своихъ изысканіяхъ указываетъ лишь *условія* начала, изъ которыхъ развилась и продолжаетъ развиваться всеобщая, хотя-бы эти начала и были *высшими* относительно самой природы; но обсуждая бытіе Бога, она показывала-бы *условія бытія безусловнаго*, т. е. ставила-бы себѣ задачу завѣдомо неразрѣшимую, — такую задачу, всякая попытка разрѣшить которую должна-бы была съ необходимостью привести философію къ нецѣлости. Ученіе о Богѣ, по самому понятію абсолютно-безусловнаго начала, есть дѣло откровенія, а не логическаго мышленія, дѣло вѣры, а не разума; именно этимъ можно объяснить рѣшительную неудачу Лейбницевской теодицеи, которую не могъ освободить отъ ошибокъ и противорѣчій даже гениальный умъ ея великаго творца.—Положенія эти, высказанныя мною въ упомянутомъ письмѣ моемъ, очевидно содержатъ въ себѣ указаніе на отрицательную сторону въ отношеніяхъ философіи къ религіи; они лишь говорятъ, чего философія не можетъ и не

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1885, № 1.

должна дѣлать въ своихъ изысканіяхъ съ религіей. Теперь я пойду дальше и постараюсь показать, что въ тѣхъ-же изысканіяхъ философія можетъ и должна дѣлать съ религіей.

Для большей ясности, я считаю не бесполезнымъ въ нѣсколькихъ словахъ повторить все мною сказанное о философскомъ познаніи міра въ его отношеніяхъ къ наукѣ и религіи. Кратко все это можетъ быть выражено въ слѣдующей схемѣ: наука изучаетъ вселенную и ея законы такъ, какъ міръ представляется нашимъ чувствамъ; философія указываетъ, что за этимъ видимымъ міромъ скрывается, какъ его тайная пружина или сущность, міръ невидимыхъ и непротяженныхъ силъ. Далѣе философія указываетъ, что эта сущность міра, его производящее начало есть воля, а такъ какъ всякая воля предполагаетъ субъекта, которому она принадлежитъ, то, по вышесказанному, послѣдовательная философія съ необходимостью должна прійти къ признанію Бога, какъ лица или субъекта міровой воли. Утвердившись въ этихъ положеніяхъ, которыя едва-ли могутъ быть оспорены какъ съ точки зрѣнія логики, такъ еще того менѣе съ точки зрѣнія какой-бы то ни было науки, я могу перейти къ указанію и положительной стороны отношеній философіи къ религіи, о которой заговорила выше и которая сама собою съ необходимостью вытекаетъ изъ сказаннаго, такъ сказать, какъ-бы навязывается сознанію.

Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны для философствующаго ума несомнѣнно, что познаніе міра не исчерпывается однимъ познаніемъ совокупности вѣшнихъ его явленій (научное знаніе), а включаетъ въ свою область и познаніе сущности міра (философское познаніе), какъ высшей производящей его причины, такъ съ другой стороны, въ виду приведенной мною схемы, располагающей познаніе о мірѣ по восходящимъ степенямъ,—невозможно остановиться и на познаніи сущности, какъ на послѣдней ступени всякаго познанія. Сущность, какъ воля или сила Божія, очевидно имѣетъ свое послѣднее основаніе въ Богѣ, подобно тому, какъ природа или міръ явленій имѣетъ свое ближайшее основаніе въ сущности; и какъ природа полнѣе познается черезъ сущность, такъ въ свою очередь сущность полнѣе познается черезъ Бога. Но согласно

сказанному объ отрицательной сторонѣ отношеній философіи къ религіи несомнѣнно, что о Богѣ насъ можетъ поучать только откровенная религія; слѣдовательно, только религія можетъ дать философіи послѣднее основаніе для сущности міра и ея полнаго познанія,—а черезъ то — и познаніе жизни вселенной. Такимъ образомъ, религіозное познаніе, черезъ познаніе философское, какъ посредствующее звено, становится послѣдней основой и высшимъ принципомъ познанія вселенной. только религіозное познаніе даетъ намъ указаніе на внутренній смыслъ міровой жизни, на ея ratio.

Съ этой точки зрѣнія, какъ съ возвышеннаго пункта, легко видѣть отношенія философіи къ религіи и ту ихъ часть, которую мы назвали выше положительной стороной. Если сторона отрицательная этихъ отношеній состоитъ, какъ сказано, въ неприкосновенности ученія религіи о Богѣ, то положительная сторона, въ виду только что установленной схемы познанія, требуетъ отъ философіи постояннаго согласія послѣднихъ выводовъ ея съ ученіемъ религіи. Религія и ея ученіе о Богѣ есть единственный критерій правильности философскихъ умозрѣній, подобно тому, какъ опытъ есть послѣдній критерій для частныхъ естественно-научныхъ положеній, а логика и философія для ихъ (естественно-научныхъ) общихъ принциповъ.

Откровенная христіанская религія учитъ, что Богъ есть любовь. Такимъ образомъ то, что я выше, съ точки зрѣнія философской, признавала за сущность міра и называла „силой Божіей“, „единымъ стремленіемъ къ осуществленію формъ“ и пр.,—все это, освѣщенное съ вышней точки зрѣнія богопознанія, есть любовь: любовь есть сокровенная сущность міра, его первая причина и послѣдняя цѣль. Но само собой разумѣется, что міръ, коего и причина и существо есть любовь, не можетъ имѣть своей послѣдней цѣлью ничего иного, кромѣ счастья. Счастіе и стремленіе къ нему есть тотъ пульсъ, которымъ бьется вся вселенная, все живущее. Это стремленіе есть фактъ настолько общезвѣстный, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ; съ другой стороны стремленіе это настолько всеобще и необходимо, что въ этомъ смыслѣ можетъ быть приравнено къ законамъ природы. Однако въ

нашей настоящей жизни счастьемъ пользуются далеко не все, даже не многіе; въ виду этого нѣкоторые мыслители, сознавая ясно, что разъ природой вложено всякому существу непреодолимое стремленіе къ счастью, то оно этимъ существомъ и должно быть достигнуто,—создали особый родъ безсмертія для индивида, именно безсмертіе каждаго въ поколѣніяхъ грядущихъ. Само собой разумѣется, что въ высшей степени странно и бесплодно осчастливливать лицо счастьемъ можетъ быть неизмѣримо отдаленнаго его, или даже чужаго потомства. Понятіе счастья требуетъ индивидуальности, какъ своего непремѣннаго условія, безъ нея оно невысказуемо; поэтому только въ ученіи религіи о личномъ безсмертіи находятъ свое полное удовлетвореніе указанное, дѣйствующее съ принудительной силой закона природы, стремленіе къ счастью. Упомянутое выше значеніе религіи, какъ высшаго критерія философскихъ умозрѣній, выступаетъ въ полномъ своемъ значеніи между прочимъ въ ученіи о личномъ безсмертіи. Мнѣ кажется, всякая философія, отрицающая это безсмертіе, не можетъ быть принята именно потому, что въ противность религіи она заставляетъ природу впадать въ вопіющее самой себѣ противорѣчіе въ указанномъ непреодолимомъ стремленіи къ счастью и совершенной невозможности его достигнуть. Внутренняя несостоятельность подобныхъ философемъ еще менѣе дѣлается сомнительной, если имѣть въ виду, что отрицаніе безсмертія обыкновенно соединяется въ нихъ съ явнымъ или скрытымъ отрицаніемъ Божества. Но послѣднее возможно только при предположеніи, что ихъ собственное первоначало, — будь то „безсознательное“, „воля“ или что иное, — есть абсолютное начало. Между тѣмъ я уже неоднократно указывала, что философія, принимающая, какъ таковая, свое (т. е. философское) первоначало за безусловное, впадаетъ въ *contradictio in adjecto*, и потому нисколько неудивительно, что, выходя изъ ложнаго положенія, она приходитъ къ такимъ-же заключеніямъ.

В. С. Болтина.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

Оканчиваемъ изреченія Пифагора:

Невоздержиме въ болѣзняхъ, а неразумные въ несчастіяхъ непоправимы.

Ни вооруженіе Ахиллеса не пристало-бы къ Одиссею ¹⁾, ни высокихъ душевныхъ качествъ нельзя встрѣтить въ неразумномъ.

Многіе потерѣвшіе обиду отъ риторовъ, учатъ своихъ сыновей быть риторамъ, но никто, укушенный волкомъ, самъ не бываетъ волкомъ и не кусаетъ.

Сильно страдающіе лихорадкою обыкновенно теряютъ аппетитъ и силу, а пребывающіе въ царскихъ палатахъ—умъ и нравственность, если не напоминаютъ себѣ возможно чаще изреченія: *познай самого себя* ²⁾.

Ни огонь нельзя прикрыть одеждою, ни постыдную погрѣшность—временемъ.

Огонь раздуваетъ вѣтеръ, а любовь усиливаетъ привычка.

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 20.

¹⁾ Между тѣмъ какъ извѣстный Гомеровскій герой Ахиллесъ отличался величественною наружностію и силою, Одиссей былъ самый безобразный изъ грековъ, осаждавшихъ Трою: былъ косой, хромымъ, горбатымъ и въ добавокъ злоязычный. См. о немъ Пл. II, 216—219.

²⁾ Извѣстное изреченіе Хилона, — одного изъ семи мудрецовъ.

У хвастуна, какъ и у плохаго скульптора, можно видѣть уродливыя образы дѣлъ.

Суевѣріе послушно болтовнѣ, какъ отцу.

Хвастуль, какъ пастухъ, увлекаетъ за собой многихъ, куда ни захочетъ.

Подонки вина суть дрожжи, а подонки сребролюбца—лишеніе свободы.

Употребляющіе пріобрѣтенное отъ постыдныхъ дѣлъ на дѣла добрыя дѣлаютъ тоже самое, что и употребляющіе свято-татствомъ пріобрѣтенное на дѣла благочестія.

Дрова, усиливающія огонь, имъ же самимъ истребляются: и богатство, питающее льстецовъ, ими же самими растрачивается.

Какъ медъ, намазываемый на раны, производитъ въ нихъ боль, а припимаемый въ здоровый желудокъ пріятель: такъ и рѣчи философскія.

Нѣкоторымъ кажется, что они философствуютъ, также какъ пьянымъ кажется, что они трезвы.

Зависть, какъ дурной вождь народный, противодѣйствуетъ всѣмъ добрымъ дѣяніямъ.

Жизнь бѣдныхъ подобна кораблю, плавающему около берега, а жизнь богачей—кораблю, плавающему по морю: тѣмъ легко и канатъ выбросить на берегъ, и причалить и высадиться, а этимъ—нѣтъ.

Жизнь подобна зрѣлищу: въ ней часто весьма дурные люди занимаютъ наилучшее мѣсто.

Дурныя надежды, какъ дурные путеводители, ведутъ къ погрѣшностямъ.

Лобзаній красивыхъ лицъ должно настолько же остерегаться, насколько укушеній ядовитыхъ животныхъ.

Оставляющіе братьевъ и ищущіе иныхъ друзей подобны оставляющимъ свою землю и обрабатывающимъ чужую.

Неблаговременная любовь равна ненависти.

Пріятно даже и состарѣться вмѣстѣ съ хорошимъ другомъ, также какъ и съ здоровымъ разумомъ.

Какъ видя глазами, мы хорошо видимъ благодаря чистотѣ зрѣнія, такъ и живя душою мы живемъ хорошо благодаря ея добродѣтели.

Ни къ золоту ржавчина, ни къ добродѣтели позоръ не приражается.

Добродѣтели можно смѣло довѣрять, какъ цѣломудренной супругѣ, а случаю вѣряться также нельзя, какъ измѣнчивой наложницѣ.

Лучше съ бѣдностью соединять добродѣтель, нежели съ порочностію богатство; лучше имѣть умеренность въ пищѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровье, нежели многояденіе и вмѣстѣ—болѣзнь.

Изобиліе въ пищѣ весьма вредно для тѣла, а изобиліе въ богатствахъ—для духа, не въ добрую сторону настроеннаго.

Одинаково опасно и безумному вручать мечъ и безчестному—власть.

Какъ страдающему гнойными струщами лучше прижигать струщя, нежели оставлять ихъ гноиться, такъ и безчестному лучше умереть, нежели продолжать жить по прежнему.

Правилами мудрости должно питаться также, какъ амброзією и нектаромъ ¹⁾. Ибо сладость ихъ чиста, человѣка великаго духомъ они могутъ уподоблять Божеству и если не дѣлать вѣчнымъ, то по крайней мѣрѣ сообщать познаніе о вѣчномъ.

Если вождельна здравость всѣхъ чувствъ, то тѣмъ болѣе вождельно здравомысліе. Ибо оно есть какъ-бы нѣкоторая здравость чувства въ отношеніи къ нашему практическому разуму: съ помощію здравыхъ чувствъ мы не обманываемся въ ощущеніи того, что испытываемъ, а съ помощію здравомыслія не ошибаемся въ томъ, что дѣлаемъ.

Мы по надлежащему чтимъ Бога, если умъ нашъ дѣлаемъ чистымъ отъ всякаго зла, какъ-бы какой скверны.

Должно украшать храмъ припошеніями, а душу—ученіями.

Какъ прежде наученія великимъ таинствамъ должно преподавать малыя таинства, такъ и прежде наставленія въ философіи должно давать общее образованіе.

Какъ о полѣ въ особенности должно заботиться тому, кто имѣетъ наилучшее, такъ и о душѣ, дабы и поле и душа привосили плоды достойныя данныхъ природою качествъ того и другой.

Лучше камень бросать напрасно, нежели пустыя слова.

¹⁾ Амброзія — пища, а нектаръ — напитокъ боговъ, сообщавшіе послѣднимъ бессмертіе.

Постыдно напитокъ подслащать дарами пчель, а даръ Божій, то есть разумъ, огорчать злобою.

Пуста рѣчь философа, которою не исцѣляется никакая страсть человѣка. Ибо какъ нѣтъ пользы въ томъ врачебномъ искусствѣ, которое не изгоняетъ болѣзней изъ тѣла, такъ нѣтъ пользы и въ философіи, если она не изгоняетъ зла изъ души.

Ударъ меча легче удара языка; ибо тотъ ранитъ тѣло, а этотъ—душу.

Какъ тѣлесное страданіе не исцѣляется, если его скрывать или восхвалять, такъ и порочная душа не врачуется отъ прикрыванія и одобренія порочности ея.

Чего ты, по пріобрѣтеніи, не удержишь, о томъ и не проси Бога; ибо даръ Божій неотъемлемъ: Богъ не дастъ того, чего ты не удержишь.

Бодрствуй умомъ: ибо умственный сонъ сроденъ истинной смерти.

Богъ не тогда посылаетъ бѣдствія, когда бываетъ разгнѣванъ, а когда Его не хотятъ знать; ибо гнѣвъ чуждъ Бога; гнѣвъ бываетъ только у не владѣющихъ разсудкомъ, а у Бога никогда не бываетъ такого состоянія.

Замышляя противъ другаго злое, ты еще прежде того уже нанесъ самъ себѣ зло. И не ожидай самъ получить добро отъ зла; ибо каковъ правъ каждаго, такова и жизнь, таковы и дѣянія его. Душа есть какъ-бы сокровищница, — добрая — добра, а злая — зла.

Только послѣ долгаго размышленія приступай къ слову или дѣлу; ибо уже не въ твоей власти будетъ взять назадъ сказанное или сдѣланное.

Не языкъ мудреца по преимуществу почтененъ передъ Богомъ, но дѣла его: ибо мудрецъ и въ молчаніи своемъ чтитъ Бога.

Человѣкъ болтливый и невѣжественный даже и при молитвѣ и жертвоприношеніи оскорбляетъ Божество: одинъ только священникъ мудръ, онъ только боголюбивъ, онъ только умѣетъ молиться.

Нагимъ посланный отъ Бога въ міръ, мудрецъ въ наготѣ будетъ и призывать посланнаго его: ибо только не обремененнаго чужимъ добромъ послушаетъ Богъ.

Никакой другой даръ такъ не пріемлетъ Богъ, какъ добродѣтель.

Дары и жертвы не великою честью служатъ для Бога, приношенія не служатъ для Него украшеніемъ; но полный мыслію о Богѣ умъ достаточно приближаетъ насъ къ Богу: ибо въ подобному приближается только подобное-же.

Работовать страстямъ хуже, нежели тиранпамъ.

Часто бываетъ лучше разговаривать съ самямъ собою, нежели съ ближними.

Если-бы ты всегда памятовалъ, что гдѣ-бы ни была душа твоя и какое-бы дѣло ни совершало тѣло твое, всюду присутствуетъ назирающее око Божіе, то во всѣхъ желаніяхъ и дѣлахъ твоихъ ты опасался-бы оскорблять незабывающаго оскорбленія Бога и имѣлъ-бы Его сожителемъ своимъ ¹⁾.

По сколькоу ты не познаешь себя, считай себя безумствующимъ.

Должно искать такого мужа и такихъ дѣтей, которые оставались-бы живыми и послѣ нашего отшествія изъ сей жизни.

По истинѣ живетъ подобно Богу довольный своимъ положеніемъ и вестяжательный философъ, который величайшимъ богатствомъ считаетъ то, чтобы не пріобрѣтать ничего чужаго и не необходимаго. Ибо пріобрѣтеніе богатства иногда производитъ желаніе большаго и большаго пріобрѣтенія его; а между тѣмъ для того, чтобы жить счастливо, достаточно лишь не дѣлать ничего несправедливаго.

По истинѣ доброе не пріобрѣтается съ помощію легкомысленнаго отношенія къ дѣлу.

Считай благомъ въ особенности то, что, будучи передаваемо и другому, для тебя становится еще большимъ благомъ.

Считай друзьями въ особенности тѣхъ, которые приносятъ пользу не столько для тѣла, сколько для души твоей.

Считай смѣшными и похвалу и порицаніе всякаго неразумнаго человѣка, и все, что ни исходитъ отъ невѣждъ въ теченіи жизни ихъ, признавай позоромъ для нихъ.

Знай, что никакое притворство долгое время скриваться не можетъ.

¹⁾ Срав. изреченіе премудраго сына Сирахова: *поминай послѣдняя твоя, и во спки не сокрушиши* (Сир. 7, 39; срав. Цсал. 15, 8 и др.).

Не безопасно говорить о Богѣ тѣмъ, которые развращены въ мысляхъ своихъ: ибо предъ ними говорить и истину и ложь одинаково опасно.

Имѣя во всемъ разумъ воздемъ своимъ—не погрѣшишь.

Огорчающій ближняго едва-ли самъ избѣжитъ огорченія.

Величайшею наукою считай ту, съ помощію которой ты могъ-бы выносить невѣжество неучей.

Сколько въ душѣ страстей, столько и суровыхъ владыкъ.

Испытывай человѣка не столько на словахъ, сколько на дѣлахъ: ибо многіе по жизни дурны, а на словахъ весьма хороши.

Дѣлай великое не обѣщая великаго.

Имѣя корень свой и происхождение въ Богѣ, мы должны держаться за свой корень: ибо и водные потоки и земныя растенія, оторванныя отъ своего корня, засыхаютъ и загниваютъ ¹⁾.

Не спѣши ублажать человѣка, легко бросающагося въ объятія друзей или дѣтей или-же кого-либо изъ людей, мимоходомъ имъ осчастливленныхъ: ибо все это ненадежно. Лучше обращай къ себѣ самому и къ Богу: это надежнѣе.

Человѣкъ мудрый и богобоязненный тотъ, который столько-же старается трудиться въ пользу души, сколько другіе трудятся ради тѣла.

Учись рождать дѣтей вѣчныхъ, не тѣло питающихъ съ тѣмъ, чтобы оно жило до возможно глубокой старости, но душу питающихъ вѣчною пищею.

Быть привязаннымъ и къ удовольствіямъ, и къ попеченію о тѣлѣ, и къ деньгамъ и въ то-же время быть боголюбивымъ одному и тому-же человѣку не возможно ²⁾.

Болѣе удобнаго для своего обитанія на землѣ мѣста Богъ не имѣетъ, какъ чистую душу.

Неумѣренная и ненасытная бездѣятельность производитъ или оупѣніе умственное, или непомѣрную порочность.

Нечестивъ тотъ, кто не стыдится лица мужа почтеннаго и не хочетъ воздать ему чести.

¹⁾ Срав. Колос. 2, 6—7.

²⁾ Срав. слова Спасителя: *Не можете Богу работать и мамонѣ* (Матѣ. 6, 24).

Наилучшими въ отношеніи къ себѣ бываютъ люди, когда ближе приходятъ къ богамъ.

Прежде всего прочаго удерживай языкъ свой.

Не возможно быть свободнымъ человѣку, рабствующему страстямъ.

Пьянство есть упражненіе въ безумствѣ.

Музы пріятнѣе сирень.

Боги не суть виновники зла ¹⁾.

Не всегда хорошо, — писалъ Пифагоръ къ Анаксимандру, — заниматься звѣздохетствомъ: лучше заботиться о пользахъ отечества.

Изъ всего того, отъ чего нужно воздерживаться, самое трудное — воздержаться отъ многословія ²⁾.

Погрѣшности свои старайся не прикрывать словами, но врачевать обличеніями.

Острое на вкусъ и горькое полезно, а сладкое вредно.

У друзей все общее и дружба есть равенство.

Радуйся больше тѣмъ, которые обличаютъ тебя, нежели тѣмъ, которые льстятъ тебѣ: льстецовъ отвращайся, какъ людей, которые для тебя хуже враговъ.

Въ чемъ ты не будешь имѣть нужды по разлученіи отъ тѣла, то все презирай; а въ чемъ будешь имѣть нужду по разлученіи отъ тѣла, о томъ заботься и призывай Бога въ помощники себѣ при этомъ.

Нужно рождать дѣтей: ибо нужно оставлять послѣ себя читателей Бога.

Начало есть половина всего, — часто говаривалъ Пифагоръ.

Благоразумные не должны считать ничего неожиданнымъ изъ того, что случается съ людьми, но должны ожидать всего, чего не могутъ достигнуть сами собою.

Совѣтовать не должно ничего, кромѣ наименѣе полезнаго тому, кому дается совѣтъ: ибо совѣтъ есть дѣло священное.

Труды — доброе дѣло, а удовольствія во всякомъ случаѣ дѣло худое.

Начало всякаго городского благоустройства есть правильное устройство домашней жизни: ибо изъ домовъ составляются города.

Мы должны болѣе помышлять о философіи, нежели о роди-

¹⁾ Срав. Іак. 1, 13; Евкл. 7, 30 и др.

²⁾ Сравни. Іаков. 3, 2 и дал.

теляхъ и обработкѣ земли: ибо родители и земледѣльцы доставляютъ намъ возможность жить, а философы и воспитатели доставляютъ возможность жить хорошо, изобрѣтая способы правильнаго устройства жизни.

Избѣгать зла, преслѣдовать и избирать только самое лучшее, а избравъ послѣднее, хранить его въ себѣ во всю остальную жизнь свою есть не что иное, какъ истинная философія.

Почти всегда отъ воспитанія зависитъ то, чѣмъ люди отличаются отъ звѣрей, греки отъ варваровъ, свободные отъ рабовъ, философы отъ людей обыкновенныхъ.

Несмысленному свойственно внимать всякому и всякаго человека мнѣнію, а особенно ходячему въ толпѣ.

Спрошенный о томъ, какъ должно относиться къ неблагодарному отечеству, Пифагоръ отвѣтилъ: также какъ къ матери.

Для оказавшихъ тебѣ несправедливость, говорилъ онъ, — не требуй наказанія: ибо достаточно для нихъ того, что они удручаются своею злобою ¹⁾.

Не многимъ должно подавать правую руку (т. е., не многихъ имѣть друзьями).

Не должно ѣсть чернохвостыхъ животныхъ (т. е. должно воздерживаться отъ сообщества съ людьми черными душою отъ злонравія).

Пищу въ отхожее мѣсто бросать не должно (т. е. краснорѣчивыя слова не слѣдуетъ тратить на людей съ дурною душою).

Въ храмъ ходи для поклоненія Богу, и тогда уже ничего житейскаго не говори и не дѣлай ²⁾.

Только мимоходомъ, а не съ прямымъ намѣреніемъ и добрымъ предуготовленіемъ) въ храмъ входитъ не должно, а тѣмъ болѣе не должно въ немъ молиться, если-бы даже ты шелъ и близъ дверей его.

Безъ обуви совершай жертвоприношеніе и твори молитву ³⁾.

¹⁾ Не тоже-ли внушаетъ памъ Господь Спаситель въ заповѣди о любви ко врагамъ (Матѣ. 5, 39 и дал. съ паралл.)? Да и вообще въ изреченіяхъ Пифагора и школы его много находится такого, что напоминаетъ изреченія слова Божія и св. отцевъ и учителей Церкви.

²⁾ И насъ христіанъ учитъ Церковь: Всякое нѣмъ житейское отложимъ попеченіе, т. е. во время богослуженія въ храмѣ.

³⁾ Принимаемъ наставленіе о снятіи обуви, данное Моисею при купивѣ (Исх. 3, 5).

Уклоняясь отъ путей публичныхъ, ходи тропинками.

Когда дуютъ вѣтры, поклоняйся эху, т. е., когда боги дѣйствуютъ или сообщаютъ откровеніе, тогда внимай голосу ихъ.

Все острое на вкусъ удаляй отъ себя, т. е. не раздражайся ни чѣмъ ни пріятнымъ, ни непріятнымъ.

Обувайся сперва правою ногою, а мой ноги начиная съ лѣвой.

О пифагорейцахъ безъ свѣта не говори, т. е. о пифагорейскихъ тайнствахъ, не имѣя ума, не сообщай.

Пѣтуха не вскармливай и не закалай въ жертву: ибо онъ посвященъ луиѣ и солнцу.

На пути не руби дрова, т. е. при занятіяхъ философіею не занимайся отвлекающими отъ нея дѣлами.

Кольца на рукѣ не носи, т. е. при занятіяхъ философіею не связывай себя ничѣмъ постороннимъ.

При свѣчѣ въ зеркало не смотри¹⁾.

Относительно боговъ и ученія о божественномъ ничего нѣтъ столь чудеснаго, чему-бы нельзя было вѣрить.

Не умѣренному хохотуну не сочувствуй.

При жертвоприношеніи ногтей не обрѣзай.

Головнаго мозга не ѣшь.

Мальву (проскурнякъ) возращай, но не ѣшь.

Вѣнка не срывай, т. е. законовъ, которые суть вѣнецъ города и государства, не нарушай.

Возліянія богамъ должно дѣлать по ушко сосуда, изъ котораго дѣлается возліяніе.

Утробу животнаго не должно ѣсть.

Отъ вкушенія мертвечины должно воздерживаться²⁾.

Зубовъ не должно сокрушать.

Обратившись лицомъ къ солнцу не говори.

Въ полдень не должно спать.

При лирѣ пѣсни употреблять должно.

Безъ повелѣнія самодержца изъ рядовъ охранной стражи уходить не должно, т. е. безъ соизволенія Божія оставлять данное Богомъ положеніе въ жизни не должно.

¹⁾ Не забудемъ, что въ древности зеркала были металлическія.

²⁾ Срав. заповѣдь св. Апостоловъ на соборѣ Іерусалимскомъ. Дѣян. 15, 20.

Варенаго жарить не слѣдуетъ, т. е. изъ состоянія кротости не должно переходить въ состояніе гнѣва.

Отъ одра даже и кипарисоваго удерживайся.

Небожителямъ должно приносить въ жертву нечетное, а земнымъ—четное ¹⁾.

Не должно дѣлать возліаніе богамъ изъ винограда необрѣзаннаго.

Безъ муки жертвы приносить не должно.

При поклоненіи богамъ должно дѣлать круговращеніе тѣломъ (для того, чтобы тѣмъ изобразить міровое круговращеніе).

Поклонившись богамъ должно присѣсть, т. е. возможно долѣе сохранять то настроеніе, въ которомъ человѣкъ былъ во время поклоненія богамъ.

Когда гремитъ громъ, тогда нужно дотрогиваться до земли.

Одинъ, два (т. е. Богъ и матерія, изъ которой все произведено).

Сидя на колесницѣ ѣсть не должно.

Финиковую пальму возвращать не слѣдуетъ.

Должно упражняться въ молчаніи.

Рыбъ вкушать не должно.

По землѣ плыть не должно.

Ни въ кропильницу ²⁾ не должно погружаться, ни въ баннѣ—мыться.

Молиться должно съ яснымъ произношеніемъ молитвенныхъ словъ ³⁾.

У. Ж.

(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ Нужно имѣть въ виду, что нечетныя числа у пифагорейцевъ, особливо три, считались болѣе совершенными, нежели четвыя.

²⁾ У древнихъ грековъ кропильница обыкновенно ставилась у входа въ храмъ для окропленія вступающихъ въ сей послѣдній, въ видахъ очищенія.

³⁾ Всѣ эти изреченія заимствованы изъ Діогена Лаэртія (VIII, 1 и дал.), изъ различныхъ сочиненій Плутарха, Стобея, нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей и др. Большую часть ихъ можно находить въ „*Fragn. philos. gr.*“ *Муллаха* на стр. 485—508.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Ноября № 21. 1885 года.

Содержаніе: Воззваніе православнаго Палестинскаго Общества. — Съездъ духовенства 2-го благочинническаго округа Старобѣльскаго уѣзда. — Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища. — Отъ Правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Некрологъ. — Объявленія.

Православнаго Палестинскаго Общества

ВОЗЗВАНІЕ

ко всѣмъ Православнымъ Христіанамъ.

Возлѣ Голговы и Живоноснаго гроба въ Иерусалимѣ принадлежитъ Россіи мѣсто, которое до послѣдняго времени оставалось пустыремъ, покрытымъ вѣковымъ мусоромъ.

Православное Палестинское Общество, по почину своего Августѣйшаго Предсѣдателя Государя Великаго Князя Сергія Александровича, предприняло, на пожертвованныя Его Императорскимъ Высочествомъ средства, очистить это мѣсто отъ наносной земли, дабы, дойдя до природной скалы, возстановить его въ томъ видѣ, какъ оно было во дни земной жизни Иисуса Христа.

Совершенныя Обществомъ раскопки увѣнчались, по благословенію Свыше, успѣхомъ, превзошедшимъ его надежды и ожиданія. По очищеніи мѣста до природной скалы отъ лежавшихъ на немъ слоевъ земли и мусора, найдены были остатки древнихъ городскихъ стѣнъ Иерусалима и порогъ воротъ, ведущихъ за городъ, во время земной жизни Спасителя. Такъ какъ ворота сіи — ближайшія къ Голгофѣ, то, почти съ несомнѣнною достовѣрностью, можно признать, что чрезъ нихъ проходила конечная часть Крестнаго пути, по которому Господь нашъ Иисусъ Христосъ былъ веденъ на вольную страсть.

Въ настоящее время, когда Промыслу Божию угодно было открыть для чествованія христіолюбивыхъ поклонниковъ стезю, по

которой шествовалъ Спаситель на Крестную смерть за грѣхи рода человѣческаго, на Православномъ Палестинскомъ Обществѣ лежитъ священная обязанность защитить сіе мѣсто особымъ сооружеиіемъ отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ.

Въ виду этой цѣли Православное Палестинское Общество приглашаетъ всѣхъ благочестивыхъ православныхъ, которымъ дороги мѣста, освященные земною жизнью и страданіями Христа Спасителя, придти Обществу на помощь своими пожертвованіями, да вновь не заустѣетъ мѣсто свято.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы *въ С.-Петербургъ*:

въ Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества чрезъ Контору Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича, Собственный Его Высочества дворецъ, и на имя Казначея Общества Сергія Дмитриевича Лермонтова, Манежный переулокъ, 7.

Чрезъ мѣстное Епархіальное начальство,

и чрезъ Уполномоченныхъ Общества, которыми состоятъ:

въ Москвѣ — Священникъ Гавріилъ Григорьевичъ Срѣтенскій, Большая Никитская, въ домѣ церкви Малаго Вознесенія, и Андрей Николаевичъ Лѣнивовъ, Пятницкой части, Лужниковскій пер., въ своемъ домѣ;

въ Кіевѣ — о. Архимандритъ Іеронимъ въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, Протоіерей Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ, въ домѣ Софійскаго собора, и о. Іеромонахъ Александръ, въ Лаврской гостинницѣ;

въ Воронежѣ — Ризничій Митрофаніева монастыря о. Іеромонахъ Платонъ;

въ Вяткѣ — Протоіерей Степанъ Никифоровичъ Кашменскій, въ домѣ Каѳедральнаго собора;

въ Казани — Николай Васильевичъ Саврасовъ, Черноозерская улица, въ домѣ Куракиныхъ;

въ Новгородѣ — Инокія Анна Булатова, Звѣрино - Покровскій монастырь.

въ Одессѣ — Протоіерей Александръ Николаевичъ Кудрявцевъ, въ Университетѣ, и Михаилъ Ивановичъ Осиповъ, Воронцовскій пер., въ домѣ Бодаревскаго;

въ Церми — Аркадій Александровичъ Маллѣевъ;

въ Полоцкѣ — Петръ Михайловичъ Казначеевъ;

въ Ригѣ — Петръ Васильевичъ Рогоцкій, въ Лифляндскомъ Губернскомъ Правленіи, въ Замкѣ;

въ Севастополь — Александръ Андреевичъ Гавриловъ, Соборная ул., 47;

въ Таганрогъ — Ипполитъ Ильичъ Чайковскій, въ Агентствѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли;

въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ — о. Агапитъ, въ Новой гостинницѣ, и

въ Читѣ — Иванъ Васильевичъ Маховъ, въ Забайкальскомъ Областномъ Правленіи.

Православное Палестинское Общество, уставъ котораго Высочайше утверждень 8 Мая 1882 года, открыло свои дѣйствія 21 Мая 1882 г.

Главныя цѣли Общества:

1. Поддержаніе православія въ Святой землѣ.
2. Пособіе русскимъ паломникамъ.

Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей, Общество поддерживаетъ въ Святой Землѣ православныя церкви и устраиваетъ школы.

До настоящаго времени открыты 3 школы и выстроена церковь близъ Назарета.

Заботы Общества о русскихъ паломникахъ не ограничатся однимъ удешевленіемъ пути въ Святую Землю, но еще болѣе будутъ направлены на удовлетвореніе ихъ духовныхъ потребностей.

Кромѣ того Общество поставило себѣ задачей посредствомъ разнаго рода изданій ознакомить русское общество съ настоящимъ и прошедшимъ Святой Земли и тѣмъ послужить для духовнаго единенія между Россією и матерью Церкви.

Общество принимаетъ пожертвованія и взносы какъ для удовлетворенія вышеупомянутымъ цѣлямъ, такъ равно для доставленія пожертвованій, согласно желанію жертвователей, въ Святую Землю и въ Иерусалимъ.

По уставу, Общество состоитъ изъ:

1. Почетныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 5000 рублей или избранныхъ въ виду особыхъ заслугъ ихъ въ пользу Святыхъ мѣстъ Востока.
2. Дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ единовременно 500 руб. или платящихъ ежегодно по 25 руб., и
3. Членовъ-сотрудниковъ, внесшихъ единовременно 200 рублей или платящихъ ежегодно по 10 рублей.

По уставу Общества всѣ почетные члены и тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ, которые сдѣлають, вмѣсто

ежегодныхъ, единовременные взносы, получаютъ для ношенія на шеѣ особый Высочайше утвержденный знакъ Общества.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ число членовъ Общества будетъ не менѣе 10, могутъ съ согласія Совѣта Общества, быть открываемы Отдѣленія Общества.

Сѣздъ духовенства 2-го благочинническаго округа Старобѣльскаго уѣзда

1885 года октябри 3 дня происходилъ сѣздъ духовенства 2-го благочинническаго округа Старобѣльскаго уѣзда. Предметомъ обсужденій сѣзда было слѣдующее: 1) о мѣрахъ противъ распространенія въ означенномъ округѣ раскола. Узнавъ изъ объясненій миссіонера, протоіерея о. Максима Лобковскаго, что секта, кроющаяся въ нѣкоторыхъ приходсахъ округа, по своему ученію и внѣшнимъ признакамъ, близко подходитъ къ сектамъ скопцовъ и штундистовъ, что всѣ сектанты, по духу своему, могутъ быть признаны послѣдователями Пашкова, что они привлекаютъ къ себѣ народъ хорошимъ пѣніемъ церковныхъ пѣсней на своихъ собраніяхъ, всѣ они трезвы, честны и стараются скрыть свое вѣроученіе исполненіемъ христіанскихъ обязанностей, т. е. ходятъ въ церковь, въ домѣ имѣютъ образа и въ нужныхъ случаяхъ выполняютъ таинства св. Церкви, — сѣздъ постановилъ: приходскимъ священникамъ необходимо зорко слѣдить за появленіемъ новыхъ лицъ въ приходѣ, способныхъ агитировать на почвѣ раскола и, въ тоже время, для противодѣйствія уже появившимся сектамъ въ дѣлѣ распространенія ими своихъ вѣроученій, а) выписать въ приходскія церкви воскресные листки, издающіеся при лаврахъ Троицко-Сергіевской и Кіево-Печерской, для безвозмездной раздачи народу; б) улучшить во всѣхъ церквахъ округа, насколько возможно, церковное пѣніе; в) не обличать сектантовъ безъ нужды и чрезъ мѣру, дабы этимъ не раздражать ихъ, и дѣйствовать на ихъ совѣсть и религіозное просвѣщеніе въ духѣ кротости и любви; г) выписать, гдѣ окажется возможнымъ, журналы: „Руководство для сельскихъ пастырей“ и „Братское слово“, какъ органы, помѣщающіе на своихъ страницахъ серьезныя статьи по расколу и сектамъ; е) обязательно во всѣ церкви пріобрѣсти сочиненіе митрополита Григорія подъ заглавіемъ: „Истинно древняя и истинно православная Церковь Христова“ и ф) просить о. благочиннаго обратиться къ профессору Московской академіи г. Субботину съ просьбой о рекомендаціи специальныхъ сочиненій для знакомства и борьбы съ сектою штундистовъ; по

указанію-же Субботнымъ означенныхъ сочиненій, рекомендовать ихъ для приобрѣтенія по округу.

2) О мѣрахъ къ прекращенію кражъ при церквахъ. Въ виду частаго повторенія церковныхъ кражъ съѣздъ нашель цѣлесообразнымъ, для отвращенія этого современнаго зла, постановить: а) наблюдать священникамъ, чтобы въ церковные сторожа нанимались прихожанами лица физически крѣпкія, честныя и въ количествѣ, въ лѣтнее время, не менѣе двухъ, а ночью въ осеннее и зимнее время не менѣе четырехъ; б) при наймѣ сторожей брать отъ нихъ подписку, что, на случай церковной кражи во время ихъ очереди, имущественная отвѣтственность падеть на нихъ лично, или на ихъ довѣрителей; в) сторожамъ вмѣнить въ обязанность ночью не сидѣть или спать въ церковной караулкѣ, а во все время ночи въ свою очередь быть въ оградѣ, ходя по очереди вокругъ церкви, причемъ бить въ надлежащее время часы и колотушкой. Въсѣгѣ съ симъ вмѣнить въ обязанность діаконамъ и псаломщикамъ присутствовать при запираніи и отпираніи церковныхъ дверей старою или сторожами, для чего являться къ церкви предъ Богослуженіемъ до начала звона, а уходить только тогда, когда церкви будутъ надлежаще убраны послѣ служенія и заперты. Рекомендуются также, какъ мѣра полезная по обсужденному предмету, приобрѣсти состоятельнымъ церквамъ для храненія церковныхъ суммъ и особенно цѣнныхъ вещей желѣзные сундуки, какіе обыкновенно приобрѣтаются волостными правленіями и должностными лицами для храненія казенныхъ суммъ.

3) Какъ поступать въ такомъ случаѣ, когда на клиросѣ некому читать и пѣть, а діаконъ домогается служить въ санѣ діакона? Постановили: въ тѣхъ случаяхъ, когда на клиросѣ некому читать и пѣть, обязанности чтеца и пѣвца должны быть исполняемы и пѣтатыми діаконами.

Отъ правленія Харьковскаго духовнаго училища.

Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища симъ объявляется, что предметы занятій съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, имѣющаго быть девятаго декабря (9 декабря) сего 1885 года, слѣдующіе: а) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1886 году и докладовъ Правленія училища по сему предмету; б) разсмотрѣніе экономическаго отчета съ журналами ревизіоннаго

комитета за 1884 годъ; в) избраніе, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода 3—17 ноября 1882 года, трехъ членовъ ревизіоннаго комитета для документальной повѣрки экономическаго отчета по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1885 и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1886 году г) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1884 годъ; д) избраніе эконома, согласно примѣчанію къ § 105 устава духовныхъ училищъ; е) разсмотрѣніе отчета Правленія училища и строительной коммисіи о постройкѣ училищнаго зданія и докладовъ по сему дѣлу и ж) другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда. На журналѣ Правленія училища по сему предмету резолюція Его Преосвященства послѣдовала таковая: „Ноября 6. Утверждается, и такъ какъ въ числѣ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда заключается отчетъ по постройкѣ училищнаго зданія, то съѣздъ долженъ быть въ прежнемъ количествѣ депутатовъ и по прежнему порядку“.

Отъ Правленія Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго восковаго завода.

Правленіе Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода, съ разрѣшенія Его Преосвященства, сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе духовенства епархіи и церковныхъ старостъ, что вслѣдствіе высокой цѣны на пчелиный воскъ, восковыя свѣчи Харьковскаго епархіальнаго завода съ 1-го ноября сего 1885 года будутъ отпускаться приходскимъ церквамъ изъ коммисіонерскихъ складовъ по 28 р. за пудъ, а изъ Харьковской епархіальной свѣчной лавки, при духовномъ училищѣ по 27 р. за пудъ; свѣчные-же огарки отъ свѣчей епархіальнаго завода будутъ приниматься въ обмѣнъ за свѣчи по 18 р. за пудъ, со скидкою 4-хъ фунтовъ въ пудѣ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Священники церквей Изюмскаго уѣзда: Покровской села Куньяго. *Павель Стжирскій* и Николаевской слободы Грушевахи, *Іоаннь Оглоблинъ* утверждены законоучителями мѣстныхъ народныхъ училищъ.

— 4 ноября священникъ *Григорій Макухинъ* утвержденъ въ должности законоучителя Пристѣнскаго народнаго училища, Кулянскаго уѣзда.

— 22 октября священникъ Воскресенской церкви села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, *Іоаннь Жадановскій* отрѣшенъ отъ мѣста.

— Псаломщикъ Троицкой церкви города Славянска, *Александръ Ди-*

каревъ опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто къ Александро-Невской церкви слободы Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ діаконъ Іоанно-Предтечевской церкви села Звѣженскаго, Изюмскаго уѣзда, *Андрей Краснопольскій* утвержденъ штатнымъ діаконъ при оной церкви.

— Священнической сынъ, учитель Лебединскаго ремесленнаго училища, *Иванъ Соколовскій* опредѣленъ діаконъ къ Вознесенской церкви села Скрыпаева, Зміевскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слободы Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, *Стефанъ Краснопольскій* опредѣленъ штатнымъ діаконъ къ той-же церкви.

— 5 ноября на праздное штатное псаломщицкое мѣсто къ Введенской церкви слободы Артемовки, Харьковскаго уѣзда, опредѣленъ церковникъ *Варволомей Дорошенко*.

— 23 октября крестьянскій сынъ *Федоръ Васильевичъ Сидоренко* опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви слободы Бабаевъ, Харьковскаго уѣзда.

— 31 октября на второе псаломщицкое мѣсто къ Покровской церкви слободы Стародысовки, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ *Аванасій Салаевъ*.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, *Александръ Черняевъ* перемѣщенъ къ Архангело-Михайловской церкви слободы Райгородка, того-же уѣзда; а на его мѣсто опредѣленъ псаломщикомъ къ Дробышевской церкви, бывший учитель народнаго училища, *Михаилъ Краснопольскій*.

— Къ Успенской церкви слободы Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ и. д. псаломщика, крестьянинъ *Антонъ Лобіевъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Варваровской церкви слободы Капитольской, Изюмскаго уѣзда, перемѣщенъ псаломщикъ Воскресенской церкви села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, *Данилъ Аксентенковъ*.

— Псаломщикъ Николаевской церкви слободы Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, *Михаилъ Краснопольскій* посвященъ въ стихарь 6-го ноября.

— Бывшій воспитанникъ Ахтырскаго духовнаго училища, *Петръ Синухинъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви слободы Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.

— Утверждены церковными старостами къ церквямъ Изюмскаго уѣзда: къ Іоанно-Богословской слободы Великой Камышевахи, крестьянинъ *Василій Топчій* на второе трехлѣтіе; къ Николаевской слободы Вережкншій, крестьянинъ *Иванъ Евлаевскій* на второе трехлѣтіе; къ Іоанно-Предтечевской села Ивановки, крестьянинъ *Іоакимъ Соболевъ* на второе трехлѣтіе.

— Избранный прихожанами Предтечевской церкви с. Снѣжкова, Вал-

ковскаго уѣзда, на должность церковнаго старосты къ сей церкви, крестьянинъ *Василій Ивановичъ Гура*, на четвертое трехлѣтіе, епархіальнымъ вачальствомъ утверждень въ сей должности.

— Избранный прихожанами Успенской церкви города Зміева церковнымъ старостою къ сей церкви, крестьянинъ *Андрей Волошинъ*, на второе трехлѣтіе, епархіальнымъ начальствомъ утверждень въ этой должности.

— Избранный прихожанами Преображенской церкви с. Преображенскаго, Зміевскаго уѣзда, церковнымъ старостою къ сей церкви, крестьянинъ *Филиппъ Кучеренко*, на второе трехлѣтіе, епархіальнымъ начальствомъ утверждень въ этой должности.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Къ вопросу объ устройствѣ православныхъ храмовъ въ акустическомъ и гигиеническомъ отношеніяхъ. — Новые источники епархіальныхъ доходовъ. — Мѣры для ослабленія севтанства вообще и штундизма въ особенности. — Дѣятельность бывшаго съѣзда епископовъ въ Сибирѣ. — Командировка профессора Машанова на Востокъ. — Открытіе противораскольническаго братства въ Томскѣ. — Борьба съ овражками. — О поддержаніи и развитіи въ народѣ приобрѣтенныхъ имъ въ школахъ познаній. — О государственныхъ расходахъ и доходахъ. — Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія на 1886 годъ. — Некрологъ.

— Въ „Кавказскихъ Епарх. Вѣд.“ (№ 19) затронутъ нѣсколько вопросовъ объ устройствѣ православныхъ храмовъ въ акустическомъ и гигиеническомъ отношеніяхъ. Авторъ замѣтки жалуется, что у насъ не обращаютъ при постройкѣ церквей рѣшительно никакого вниманія ни на акустику, ни на гигиену, вслѣдствіе чего молящіяся нерѣдко не могутъ „ясно и раздѣльно слышать не только возгласовъ и молитвъ, читаемыхъ священникомъ въ алтарѣ, но даже и ектеній, громогласно произносимыхъ въ самой церкви, и клироснаго пѣнія; до слуха большей части богомольцевъ доходятъ только одни звуки безъ словъ, вслѣдствіе чего содержаніе многихъ назидательныхъ пѣснопѣній, трогательныхъ и умилительныхъ молитвословій и произносимыхъ поученій—остается для большинства присутствующихъ неизвѣстнымъ. Въ гигиеническомъ отношеніи большая часть храмовъ, особенно сельскихъ, неудовлетворительны по тѣснотѣ, отсутствію хорошей вентиляціи и неотопленію въ зимнее время, почему въ церквахъ часто бываетъ давка, духота, холодъ отъ котораго простужаются и молящіяся и преимущественно священнослужители“.

Правда, на акустику, оптику и гигиену при устройствѣ нашихъ храмовъ почти совсѣмъ не обращаютъ никакого вниманія. Мало

этого, даже самыя простыя и, повидимому, необходимыя въ этомъ отношеніи условія часто всѣми игнорируются. Такъ напр. клиросы отдѣляются отъ молящихся безъ всякой нужды цѣлыми иконостасами, вслѣдствіе чего поющихъ и читающихъ совсѣмъ не видно и плохо слышно; въ церквахъ не только нѣтъ правильной вентиляціи, но даже простыхъ форточекъ, отъ чего духота и жара въ нѣкоторыхъ церквахъ бываютъ нестерпимыя; входныя двери, ничѣмъ незакрытыя, производятъ въ церкви сквозной вѣтеръ; бываетъ иногда и такъ, что входная дверь издаетъ постоянный рѣзкій скрипъ или стукъ, положительно мѣшающій молиться, но и на это никто изъ служащихъ при церкви не обращаетъ вниманія. Не говоримъ уже о томъ, что, кромѣ домовыхъ церквей, ни въ одной приходской нѣтъ раздѣвальной для верхняго платья, что зимою бываетъ положительно необходимо. Нужно, впрочемъ, къ этому еще прибавить и то, что *несвятность* чтенія происходитъ не отъ одного только плохаго устройства храмовъ въ акустическомъ отношеніи. Наши чтецы не умѣютъ и не стараются соразмѣрять при чтеніи звуко-раздѣльность съ объемомъ церкви. Бываетъ такъ, что въ обширномъ храмѣ при самомъ громкомъ, но быстромъ — незвуко-раздѣльномъ чтеніи слышится одинъ только гулъ, тогда какъ въ томъ-же храмѣ сказанный въ алтарѣ хотя тихимъ, но звуко-раздѣльнымъ голосомъ возгласъ ясно бываетъ услышанъ всѣми молящимися.

— Въ „*Цензенскихъ Епарх. Вѣдом.*“ одинъ сельскій священникъ рекомендуетъ слѣдующіе „*новые источники епархіальныхъ доходовъ*“: 1) при обществѣ взаимнаго вспоможенія духовенства могло-бы открыться страховое отдѣленіе, въ которомъ страховались бы отъ огня церкви, церковныя и священно-служительскія дома; 2) еслибы общество взаимнаго вспоможенія открыло епархіальный магазинъ церковной утвари, то оказало-бы большую услугу епархіи, да и само осталось-бы не безъ пользы отъ подобной операціи; 3) при томъ-же магазинѣ съ церковной утварью полезно-бы открыть торговлю и другими предметами и вещами, нужными для церквей. Это — вино неподдѣльное, мука доброкачественная, елей невоноющій, ладанъ настоящій, также иконы, картины религіознаго содержанія, крестики для крещаемыхъ; 4) кромѣ того, епархія могла-бы имѣть у себя живописную, столярную, рѣзную, золотарную и переплетную школы.

— Для ослабленія сектантства вообще и штундизма въ особенности недавно утверждены слѣдующія мѣры: 1) въ духовныхъ се-

минаріяхъ юго-западнаго края ввести по предмету исторіи и обличенія русскаго раскола преподаваніе о мѣстныхъ ересяхъ и расколахъ съ подробнымъ изложеніемъ историческихъ о нихъ свѣдѣній, и въ особенности о штундизмѣ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ преподаваніи воспитанникамъ старшихъ классовъ были разъяснены самые способы собесѣдованія съ заблуждающимися; 2) составлять и распространять въ народѣ сочиненія и печатные листки, содержащія въ себѣ благоразумное обличеніе иновѣрческихъ ученій и вмѣстѣ съ тѣмъ общедоступное изложеніе тѣхъ частей православнаго ученія, которыя отвергаются или извращаются иновѣрцами; 3) усилить миссіонерскую дѣятельность противъ раскола вообще и штундизма въ особенности, назначивъ для сего особыхъ миссіонеровъ изъ способныхъ священниковъ, а также и изъ благонадежныхъ свѣтскихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы эти миссіонеры, входя въ устные собесѣдованія съ сектантами, старались дѣйствовать въ особенности на вождей секты; 4) вмѣнить приходскимъ священникамъ и благочиннымъ приходскихъ церквей въ обязанность наблюдать, чтобы православныя дѣти не обучались грамотѣ ни у кого изъ раскольниковъ и имѣть особое попеченіе о томъ, чтобы и взрослые изъ православныхъ, которые занимаются работою, или находятся въ услуженіи у раскольниковъ, не охладѣвали въ привязанности къ православной Церкви и не были совращаемы въ расколъ; 5) совращенные въ штундизмъ или иную секту, а тѣмъ болѣе совратители, если послѣдніе принадлежатъ къ православной Церкви, должны прежде всего подлежать увѣщанію приходскаго священника и другихъ приходскихъ священниковъ, а также мѣстнаго благочиннаго, при недѣйствительности-же троекратно сдѣланныхъ увѣщаній совращеннымъ и совратителямъ, епархіальный архіерей дѣлаетъ распоряженіе объ исключеніи таковыхъ изъ церковныхъ списковъ и сообщаетъ о виновныхъ гражданскому начальству для преданія ихъ суду; 6) въ приходы, зараженные штундою и сродными съ нею сектами, опредѣлять священниковъ лучшихъ во всѣхъ отношеніяхъ; если скудно ихъ содержаніе, то давать имъ пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, а въ случаѣ неимѣнія ихъ испрашивать таковыя у Святѣйшаго Синода; 7) въ приходахъ зараженныхъ штундою и другими сродными съ нею сектами, священники, или подъ ихъ наблюденіемъ другіе способные къ тому члены причта, должны читать предъ народомъ и истолковывать Священное Писаніе, особенно Новый Заветъ, останавливаясь преимущественно на разъясненіи тѣхъ мѣстъ Писанія, на коихъ штундисты и дру-

гіе сектанты стараются утвердить свое лжеученіе, и 8) чтобы бѣдныя не увлекались приманкою корысти въ штундизмъ и другія секты, располагать церковно-приходскія попечительства, чтобы они усилили сборъ денегъ на приходскія нужды и употребляли оныя между прочимъ на пособіе бѣднымъ прихожанамъ.

— Помѣстный соборъ епископовъ въ Сибири, происходившій въ концѣ іюля въ городѣ Иркутскѣ, почти непосредственно по окончаніи Казанскаго съѣзда приволжскихъ архиепископовъ, какъ извѣстно, имѣлъ цѣлью выработать общія для всѣхъ сибирскихъ епархій мѣры къ возвышенію религіознаго состоянія приходовъ, улучшенію народной нравственности, ослабленію раскола и развитію миссіонерской проповѣди среди инородцевъ-язычниковъ. При этомъ съѣздѣ, занявшись совѣщаніями о мѣрахъ къ болѣе усилённому проповѣдыванію Евангелія въ средѣ инородцевъ-язычниковъ, обратилъ особенное вниманіе на необходимость лучшаго устройства крещенныхъ инородцевъ въ Восточной Сибири. Дѣло въ томъ, что не смотря на распоряженія высшаго начальства объ отводѣ особыхъ земельныхъ участковъ для крещенныхъ инородцевъ, надѣлъ ихъ землей идетъ вяло и медленно. Большимъ препятствіемъ оказывается противодѣйствіе инородческихъ властей изъ язычниковъ, щедро надѣляющихъ землей свои дананы и кумирни и своихъ идола-служителей, но весьма неблагоприятныхъ къ своимъ сородичамъ, принимающимъ христіанство. Инородческія власти стараются устроить такъ, чтобъ или вовсе оставить новокрещенныхъ безъ нужныхъ для крестьянской жизни земельныхъ участковъ, или же отдать негодныя для хлѣбопашества земли. Кроме того, языческія власти препятствуютъ также отводу земель подъ постройку миссіонерскихъ становъ, не взирая на прямое распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, предписывающее отводить ихъ, не испрашивая согласія языческаго общества. Въ виду подобныхъ фактовъ на бывшемъ съѣздѣ выработаны, какъ слышно, цѣлый рядъ мѣръ къ обузданію такого своеволія и самоуправства инородческихъ властей и къ безпрепятственному удовлетворенію законныхъ и справедливыхъ требованій обращенныхъ инородцевъ.

— Въ виду оживленія миссіонерской дѣятельности важный интересъ получаетъ командировка проф. Казанской дух. академіи Машанова на востокъ на два года. По данной ему инструкціи онъ долженъ посѣтить Палестину, Сирію, Аравію и Египетъ, гдѣ, кроме своего усовершенствованія въ знаніи восточныхъ языковъ, онъ долженъ изучить нравственное состояніе магометанъ въ этихъ стра-

нахъ, взаимныя отношенія христіанъ и магометанъ, а также и состояніе миссій, православныхъ и другихъ исповѣданій. Между прочимъ, какъ частный вопросъ, ему поручается изучить положеніе самарянъ-раскольниковъ, съ давнихъ поръ отдѣлившихся отъ своихъ единовѣрцевъ. Кроме того, проф. Машановъ, какъ знакомый нѣсколько съ фотографическимъ дѣломъ, согласился пересылать въ негативахъ для отдѣлки Казанскимъ фотографамъ наиболѣе интересные виды мѣстностей. Кроме краткихъ свѣдѣній о своихъ ученыхъ занятіяхъ, которыя проф. Машановъ будетъ пересылать въ академію, по окончаніи своего путешествія онъ обязанъ, какъ обыкновенно бываетъ, доставить полный отчетъ о своихъ ученыхъ занятіяхъ на востокѣ.

— Въ Томскѣ, благодаря миссіонерской ревности преосвящ. Макарія Війскаго, 1 сентября состоялось открытіе Томскаго отдѣленія противо-раскольническаго братства св. Димитрія Ростовскаго. Торжество началось молитвой и рѣчью преподавателя семинаріи г. Ливанова, основною мыслью которой было то, что самая сообразная съ мѣстными условіями, самая необходимая и плодотворная дѣятельность Томской церкви—это дѣятельность миссіонерства, такъ какъ до сихъ поръ еще въ предѣлахъ Томской епархіи обитаютъ цѣлыя десятки тысячъ язычниковъ и магометанъ, непросвѣщенныхъ свѣтомъ христіанскаго ученія, десятки тысячъ раскольниковъ, коснѣющихъ въ невѣжествѣ. Произведенная подписка дала 294 рубля.

— Въ нынѣшнемъ году борьба съ овражками, этими страшными и постоянными врагами нашихъ полей, въ Ахтырскомъ уѣздѣ велась довольно успѣшно. Въ докладѣ уѣздной управы недавно бывшему здѣсь собранію констатируется значительное уменьшеніе количества этихъ вредныхъ животныхъ. Такой успѣхъ объясняется примѣненіемъ со стороны земства новой мѣры, именно, выдачей вознагражденія за каждый представленный станъ овражковыхъ лапокъ: до середины мая по 2 к., а затѣмъ по 1 к. Въ виду счастливаго результата этой мѣры собраніе рѣшило увеличить плату истребителямъ овражковъ съ двухъ на 3 копейки.

— Елецкій корреспондентъ „Спб. В.“ говоритъ о тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, въ которыя поставлены крестьяне, желающіе и по выходѣ изъ школы учиться или по крайней мѣрѣ не разучить ся читать и писать. „Наша уѣздная жизнь поставлена въ очень плохія условія относительно умственной пищи, хотя потребность въ ней повсюду замѣтно сказывается среди подростяющихъ поколѣній крестьянства. Пишущему эти строки приходится под-

держивать постоянныя дѣловыя сношенія съ крестьянскимъ населеніемъ уѣздовъ, гдѣ количество грамотной молодежи удесятирилось благодаря развитію земскихъ школъ. Но не смотря на это, книга недоступна крестьянскому карману, а потому даже изъ лучшнхъ изданій мало что попадаетъ въ глушь нашей черноземной полосы. Отсутствие умственной пищи своеобразнымъ образомъ отзывается въ молодежи, прошедшей курсъ сельской школы. Въ первые же года она почти разучивается читать; затѣмъ, съ теченіемъ лѣтъ, охота къ чтенію появляется вновь. Последнее явленіе проверено и повѣрочными испытаніями, производившимся при нѣкоторыхъ изъ земскихъ школъ нашего Елецкаго уѣзда. Къ 16—18 годамъ начинаютъ припоминать то, что 5—6 лѣтъ назадъ проходили въ убогой школѣ. То и дѣло приходится выслушивать просьбу: „Дай, родимый, что-нибудь почитать!..“ Но что-же ему дать? Книга въ уѣздѣ слишкомъ цѣнна и нужна для самого себя. Разрозненные листы газеты будутъ неудобопонятны для крестьянскаго кругозора, и самымъ лучшимъ подаркомъ всегда и вездѣ служить маленькое Евангеліе изданія общества распространенія Св. Писанія въ Россіи, цѣною отъ 2 до 5 копѣекъ. Подарокъ, съ крестьянской точки зрѣнія, тѣмъ болѣе цѣнный, что грамотность, по ихъ трезвому взгляду, должна быть прежде всего направлена къ пониманію слова Божія, хотя подобный взглядъ къ сожалѣнію далеко не играетъ главной роли среди земскаго школьнаго дѣла“...

— Для поддержанія и развитія въ крестьянскихъ дѣтяхъ школьныхъ знаній, въ Самарскомъ уѣздѣ уже два года практикуется слѣдующая мѣра: всѣ учащіеся, по окончаніи курса, получаютъ въ подарокъ св. Евангеліе на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ и еще одну книгу по естествознанію, или исторіи Россіи. Кроме того Самарское уѣздное земство, по словамъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, открываетъ съ начала настоящаго учебнаго года въ трехъ торговыхъ селахъ Самарскаго уѣзда, при мѣстныхъ училищахъ, склады книгъ и письменныхъ принадлежностей для продажи крестьянамъ. Вообще наше земство относится къ народному образованію съ несравненно большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде. Газета „Недѣля“, сравнивая данныя трехлѣтія 1881—1883 годовъ съ данными трехлѣтія 1872—1874 гг. находитъ, что земскіе расходы на народное образованіе увеличились на 131%. Впрочемъ и всѣ почти другіе земскіе расходы увеличились. Общая сумма этихъ расходовъ въ 1881 г. равнялась 38 милл. р.; въ 1883 г. она до-

стигла цифры въ 41 милл. р. По выводамъ газеты, земскіе расходы возрастаютъ съ такою-же интенсивностью, какъ и земскіе сборы.

— Отношеніе государственныхъ расходовъ къ государственнымъ доходамъ видно изъ нижеслѣдующихъ официальныхъ данныхъ. Государственныхъ расходовъ за время съ 1 января по 1 іюля произведено на 337.467,143 р., болѣе прошлаго года на 17 милл. съ небольшимъ; главная сумма увеличенія—около 14 милліоновъ—приходится на платежи по выкупной операціи. Доходовъ за то-же время поступило 308.977,755 руб., на 21.844,942 рубля болѣе, чѣмъ за тотъ-же періодъ прошлаго года. Изъ доходовъ дали уменьшенія: питейный на 2.600,509 руб., подати на 493,453 руб. и проч.

— „Сп. В.“ сообщаютъ свѣдѣнія о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1886 г. Доходовъ въ этомъ году ожидается 2.420,267 р., и кромѣ того, отъ специальныхъ средствъ министерства 5.187,732 р., всего 7.607,999 р. По суммѣ первое мѣсто принадлежитъ сбору за слушаніе лекцій и за ученіе—2.844,098 руб., затѣмъ слѣдуютъ: пособія изъ постороннихъ источниковъ, въ количествѣ 1.156,763 р., и наконецъ, разные другіе доходы. Расходы министерства исчислены въ 20.534,224 р., и сверхъ того, назначено еще 4.035,403 р., а всего расходовъ 24.569,627 р. Изъ нихъ главные по суммѣ падаютъ на гимназіи, прогимназіи и другія среднія учебныя заведенія—6.147,791 р.; затѣмъ слѣдуютъ: университеты—3.142,469 р., реальныя училища—2.017,405 р., народныя училища—1.728,938 р., учительскіе институты, семинаріи и школы—1.259,208 р. и т. д.

НЕКРОЛОГЪ.

19-го октября н. г. скончался отъ продолжительной болѣзни (чахотки), псаломщикъ Дмитріевской церкви слободы Свято-Димитріевки, Старобѣльскаго уѣзда, Иванъ Иваловичъ Несторовъ, 42 лѣтъ. Покойный въ училищахъ нигдѣ не былъ по бѣдности своего отца, но будучи отъ природы даровитымъ, онъ легко приготовился къ прохожденію причетнической должности въ домѣ родителя своего и по выдержаніи экзамена въ 1857 году, опредѣленъ въ слободу Богдановку, Старобѣльскаго уѣзда, пономаремъ; въ 1858 году, по распоряженію епархіальнаго начальства, перемѣщенъ къ Дмитріевской церкви слободы Булавиновки, Старобѣльскаго уѣзда пономаремъ-же; въ 1861 году по прошенію перемѣщенъ на ту-же должность къ Александро-Невской церкви слободы Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда; въ 1862 году посвященъ въ стихарь; въ 1864 году опредѣленъ

дьячкомъ къ Успенскому молитвенному дому селенія Гречинкина, Старобѣльскаго уѣзда, а въ 1874 году опредѣленъ на послѣднее занимаемое имъ мѣсто въ слободу Свято-Димитріевку н. д. псаломщика. Покойный Несторовъ отличался прекраснымъ характеромъ, миролюбіемъ, почтительностію къ старшимъ себя, непритязательностію, трезвостію, отличнымъ знаніемъ церковнаго устава и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, за что и пользовался всегда любовью своего приходскаго священника, знавшаго его духовенства и прихожанъ. Кромѣ домика, въ которомъ жилъ покойный съ семействомъ, состоянія никакого не оставилъ; изъ семьи, — осталась жена Анастасія Афанасіева дочь 41 года и сынъ Николай 15, обучающійся въ 4 классѣ Купянскаго духовнаго училища на своемъ содержаніи. Погребеніе надъ почившимъ совершено было мѣстнымъ священникомъ о. В. Мангулинымъ, при большемъ стеченіи прихожанъ, явившихся отдать послѣдній долгъ любимому имъ клирику. Миръ праху твоему, скромный и усердный труженникъ на нивѣ Христовой!

Благочинный, священникъ Василій Алексѣевскій.

ВЪ СУНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ

въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ зданіи синодальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Синода)

поступила въ продажу только что напечатанная

НОВАЯ КНИГА:

УЧЕБНЫЙ ОКТОИХЪ.

Изд. Москов. синод. типографіи цер. печ., безъ кингов., въ одной книгѣ (106 стр.).

Цѣна въ бум. пер. 25 коп., въ кор. 35 коп.

Означенная книга, содержащая въ себѣ одну только воскресную службу 8 гласовъ, напечатана, съ разрѣшенія Св. Синода, исключительно для школьнаго употребленія, въ видахъ доставленія ученикамъ церковно-приходскихъ и другихъ начальныхъ народныхъ школъ способовъ къ изученію и лучшему пониманію молитвословій, положенныхъ на церковныхъ службахъ для пѣнія въ воскресные дни.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЕТСЯ

Божественная литургія иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго, положенная для пѣнія на одинъ голосъ и пѣніе на литургіи св. Василия Великаго. Сост. Миропольскій.

Цѣна въ бумаж. 25 коп.

Означенная книга, предназначенная главнымъ образомъ для употребленія въ церковно-приходскихъ и вообще начальныхъ школахъ, содержитъ въ себѣ изложенное по круглымъ потамъ самое простое и общедоступное пѣніе на божественныхъ литургіяхъ св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Въ учебникъ этотъ дословно внесены какъ всѣ эктеніи и возгласы іерея, такъ и всѣ пѣснопѣнія, положенныя при совершеніи сихъ литургій по церковному уставу.

**ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АНТОНІЙ АРХІЕПИСКОПЪ
КАЗАНСКІЙ и СВІЯЖСКІЙ.**

Сочиненіе Архимандрита Сергія, посвященное Ея Императорскому Высочеству В. Н. Александрѣ Петровнѣ. 2 том. (1025 стран). Казань, 1885 г. Поступило на дняхъ въ продажу въ Казани въ книжн. магазинѣ А. А. Дубровина и писче-бумажн. маг. Казанкина (Воскр. ул., гости. дв.), и у автора въ Зилантьев. монастырѣ. Цѣна безъ перес. 5 р. 50 коп. За пересылку по почтовой таксъ за 4 ф. за экз. по разстоянію. Прошу обращаться исключительно ко мнѣ--автору.

„ВѢСТНИКЪ КРАСНАГО КРЕСТА“.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА СЪ РИСУНКАМИ.

Въ ней, какъ говорится въ большихъ газетахъ, будутъ отдѣлы: политической, литературный, научный и проч. Говоря же языкомъ болѣе понятнымъ, въ этой газетѣ будетъ говорить о слѣдующихъ предметахъ:

1) Разказы, поученія и всякаго рода статьи духовнаго и религіознаго содержания, чтобы внушить любовь къ Богу и ближнему, а также преданность къ Престолу и Отечеству. 2) Свѣдѣнія обо всѣхъ дѣйствіяхъ Общества Краснаго Креста, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. 3) О томъ, что происходитъ въ разныхъ мѣстахъ Русскаго царства, что дѣлается для блага народа какъ правительствомъ, такъ и разными общественными учрежденіями и частными лицами. 4) Читатели будутъ знакомиться съ характеромъ, обычаями и образомъ жизни тѣхъ народовъ, которые населяютъ наше отечество. 5) Въ статьяхъ будутъ описываться разные замѣчательныя мѣста Россіи, какъ-то: города, церкви, монастыри и зданія, которые имѣютъ важность по отношенію къ русской исторіи и религіозной жизни народа. 6) Будетъ говорить о томъ, что дѣлается въ другихъ образованныхъ государствахъ цѣлаго свѣта, и о такихъ народахъ, которые живутъ еще въ дикомъ состояніи и куда съ опасностью для своей жизни проникаютъ немногіе, только смѣлые путешественники. 7) Не объ однихъ только людяхъ будетъ говорить, но и о животныхъ, которыя населяютъ сушу и воду земнаго шара и которыя живутъ не у насъ только, но и въ странахъ теплыхъ, гдѣ нѣтъ зимы, а круглый годъ грѣетъ солнце и гдѣ о снѣгѣ и понятія не имѣютъ. 8) Будутъ сообщаться въ газетѣ всякія новости о разныхъ улучшеніяхъ и изобрѣтеніяхъ, которыя служатъ на пользу человека какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ вообще въ жизни для всѣхъ сословіи какъ городскихыхъ, такъ и сельскихъ. 9) Повѣсти и разказы нравственнаго содержания.

Годовая цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Деньги должны быть доставляемы полностію, безъ всякихъ вычетовъ.

Такъ какъ газета, по объему своему, не можетъ вмѣстить въ себѣ много, да кромѣ того и не великій ее бережетъ, а между тѣмъ много можетъ быть весьма полезно для прочтенія и не одинъ только разъ, то для статей крупныхъ, заслуживающихъ вниманія и могущихъ быть полезными для многихъ, выводитъ кромѣ того:

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Означенное приложеніе, выходящее прежде шесть разъ въ годъ, съ 1884 года выводитъ каждый мѣсяць, такъ что въ годъ выйдетъ двѣнадцать книжекъ, по 8 печатныхъ листовъ въ каждой или около 1000 страницъ. Приложеніе будетъ заключать въ себѣ: 1) Духовно-нравственныя поученія. 2) Статьи религіознаго содержания, какъ-то: жизнеописанія святыхъ, чтимыхъ русскою православною Церковью; замѣчательныхъ русскихъ іерарховъ; описаніе святыхъ мѣстъ, монастырей и проч. 3) Очерки отечественной исторіи. 4) Очерки природы. Жизнеописаніе замѣчательныхъ русскихъ людей и наконецъ, 5) Повѣсти и разказы.

Все это будетъ разказано языкомъ многиѣ доступнымъ для пониманія всякаго, умѣющаго читать.

Подписная цѣна съ „Вѣстникомъ“ 6 р. 50 к. На одно приложеніе подписка не принимается.

Чтобы получать газету съ начала года своевременно, подписка должна быть сдѣлана въ концѣ настоящаго года.

Всякаго рода требованія какъ просяга, такъ и денежныя должно адресовать такъ: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію „Вѣстникъ Краснаго Креста“.

ВЪ МОСКВѢ,

въ книжномъ магазинѣ наследниковъ Бр. САЛАЕВЫХЪ на Мясницкой,

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

Протоіерея Александра Свирьмина:

1. *Изясненіе Богослуженія съ церковнымъ уставомъ.* М. 1885 г. изд. 4-е. Ц. 50 к. Учебное руководство для духовн. училищъ.

Книга эта въ настоящемъ изданіи для каждаго молодого священно - церковно-служителя можетъ служить настольною книгою, потому что наглядно, въ таблицахъ, представляетъ полный порядокъ каждой службы церковнов. и всѣ пере-мѣны, происходящія отъ стеченія праздниствъ въ будничномъ служеніи, суббота-немъ, воскресномъ, великопостномъ и пасхальномъ—и содержитъ краткое и ясное изясненіе церковныхъ службъ, пѣснопѣній и молитвословій.

2. *Толковыя чтенія изъ Апостола воскресныя и праздничныя.* Ц. 60 к., съ перес. 75 к. Одобрены для библіотекъ духовныхъ училищъ.

3. *Толковыя воскресныя и праздничныя евангелія.* Ц. 60 коп. съ пер. 75 коп. Одобрены для библіотекъ народныхъ училищъ.

4. *Толковыя заупокойныя Апостолы и евангелія.* Ц. 20 коп. съ пер. 30 коп.

5. *Курсъ закона Божія.* 1885 г. Изд. 7-е съ 49-ю хорошами картинами, дополн. по новой нормальной программѣ. Ц. 30 к. Одобрень въ качествѣ учебника въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназій и духовныхъ училищъ.

Церковная исторія. Ц. 50 к. Одобрена въ качествѣ учебника для городскихъ училищъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

„РУКОВОДСТВА ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1886 году.

Святѣйшій Синодъ, благословившій въ 1860 году изданіе журнала при Кіевской духовной семинаріи и назвавшій его: „Руководство для сельскихъ пастырей“, въ 1885 году, ко времени двадцатипятилѣтія сего пастырскаго изданія, благоволилъ рекомендовать оный духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія библіотеки (*Синодальное опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 года за № 280*). Ободряемые благовниманіемъ и благословеніемъ Священноначалія Русской Церкви, въ упованія на помощь Божию нашему дѣлу и на продолженіе сочувствія и содѣйствія нашему дѣланію со стороны православныхъ пастырей, мы и въ 1886 году будемъ издавать „Руководство для сельскихъ пастырей“ по прежней программѣ, извѣстной духовенству и выражаемой самимъ названіемъ журнала нашего.

Имѣя въ виду значеніе „Руководства для сельскихъ пастырей“, какъ органа всего пастырства Русской Церкви, редація приглашаетъ пастырей доставлять ей свои почтенные труды, касающіеся какой-бы то ни было стороны пастырскаго служенія. Наше дѣло—ихъ дѣло и наоборотъ; поэтому съ готовностію и съ вознагражденіемъ будемъ помѣщать въ журналѣ нашемъ присылаемые пастырями статьи, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія

Годовое изданіе, состоящее изъ 32-хъ еженедѣльно выходящихъ вумеровъ, въ объемѣ отъ двухъ до трехъ съ половиною листовъ, составитъ три тома, независимо отъ печатаемыхъ въ приложеніяхъ преновѣдей и библиографическихъ статей.

Подписная цѣна съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской имперіи ШЕСТЬ РУБ. СЕРЕБР. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ какъ-то: отъ конспсторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть, по при-мѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1886 года.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1886 году.

Благодареніе Богу, журналъ „Вѣра и Разумъ“ въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ со времени своего появленія въ свѣтъ успѣлъ обратить на себя вниманіе нашего образованнаго общества. Его главная задача, при уваженіи къ философіи, какъ наукѣ, освѣщать ея пути свѣтомъ христіанства и при благоговѣніи къ христіанству выянять его основанія философскими познаніями и философскимъ мышленіемъ. — эта задача понята и оцѣнена какъ должно. Ободренная такимъ сочувствіемъ общества, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ съ новою ревностію принимается за продолженіе своего изданія въ будущемъ 1886 году. Программа журнала по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) церковнаго, 2) философскаго и 3) листка для Харьковской епархіи.

Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Монастырѣ; въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получить немногіе оставшіеся экземпляры съ изданія за прошлой и настоящей годы по прежней цѣнѣ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала прерождаетъ въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакция извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакция проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплавали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.